

ISSN 2072-8557 (print)
ISSN 2310-6794 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия **ЮРИСПРУДЕНЦИЯ**

Тема номера:

**ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
В УСЛОВИЯХ НОВОЙ НАУЧНОЙ
РАЦИОНАЛЬНОСТИ**

2022 / № 3

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8557 (print)

2022 / № 3

ISSN 2310-6794 (online)

серия

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки, 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки, 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки, 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

“Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence” is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) on the following scientific specialties: 5.1.1 – Theoretical and Historical Legal sciences, 5.1.2 – Public Law (State law) sciences, 5.1.3 – Private Law (Civilistic) sciences, 5.1.4 – Criminal Law sciences.

ISSN 2072-8557 (print)

2022 / № 3

ISSN 2310-6794 (online)

series

JURISPRUDENCE

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета.

Серия: Юриспруденция»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Певцова Е. А. — д-р юрид. наук, проф., почётный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный работник образования Московской области, почётный работник науки и высоких технологий РФ, ректор МГОУ

Заместитель главного редактора:

Полянский П. Л. — д-р юрид. наук, проф., МГУ имени М. В. Ломоносова

Ответственный секретарь:

Денисов Н. Л. — канд. юрид. наук, доц., Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (г. Москва)

Члены редакционной коллегии:

Авакьян С. А. — д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, МГУ имени М. В. Ломоносова;

Алешкова И. А. — канд. юрид. наук, доц., Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (г. Москва);

Антонян Ю. М. — д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник МВД, МГОУ;

Арзамасов Ю. Г. — д-р юрид. наук, проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва);

Армбрустер К. — доктор права, проф., Университет Эрлангена-Нюрнберга (Германия);

Глотов С. А. — д-р юрид. наук, проф., Международный юридический институт (г. Москва);

Гриненко А. В. — д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, МГИМО (У) МИД РФ;

Долинская В. В. — д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА);

Дыбова А.-К.-Ш.-Ф. А. — PhD, проф., Папский католический университет (г. Рио-де-Жанейро, Бразилия);

Елисеева А. А. — канд. юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА);

Жабский В. А. — д-р юрид. наук, доц., Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя;

Моравчикова М. — PhD, Трнавский университет (г. Трнава, Словакия);

Рассолов И. М. — д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА);

Рахманова Е. Н. — д-р юрид. наук, доц., Российский государственный университет правосудия, Северо-западный филиал (г. Санкт-Петербург);

Ручкина Г. Ф. — д-р юрид. наук, проф., почётный работник высшего профессионального образования РФ, академик РАЕН, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва);

Савченко М. С. — д-р юрид. наук, проф., член Экспертно-консультативного совета при комитете Законодательного собрания Краснодарского края, Кубанский государственный аграрный университет (г. Краснодар);

Сапогов В. М. — канд. юрид. наук, доц., Псковский государственный университет;

Сафонов В. Е. — д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, академик РАЕН, Российский государственный университет правосудия (г. Москва);

Скуратов Ю. И. — д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, Российский государственный социальный университет (г. Москва);

Субочев В. В. — д-р юрид. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ;

Хатчинсон С. К. — доктор права, проф., Университет Сорбонны (Франция), Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва);

Химмельрайх А. — PhD, проф., Университет Регенсбурга (Германия);

Черкасов К. В. — д-р юрид. наук, доц., Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва);

Шматков И. И. — канд. юрид. наук, доц., Витебский государственный университет имени П. М. Машерова (Республика Беларусь)

ISSN 2072-8557 (print)

ISSN 2310-6794 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» — печатное издание, в котором публикуются актуальные научные статьи российских и зарубежных учёных, обладающие высоким уровнем качества и новизны, раскрывающие новые подходы в науке к актуальным вопросам истории и теории государства и права, конституционного и муниципального права, гражданского, предпринимательского, семейного, международного частного права, уголовного права и криминологии, уголовно-исполнительного права.

Журнал адресован преподавателям права, аспирантам, докторантам, работникам правоохранительных органов, судьям, юристам и всем интересующимся состоянием юридической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73346.

Индекс серии «Юриспруденция» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40735.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru; www.lawmgoujournal.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. — 2022. — № 3. — 112 с.

© МГОУ, 2022.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайты: www.lawmgoujournal.ru; www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal "Bulletin of the Moscow Region State University.
Series : Jurisprudence"
Moscow Region State University**

— Issued 4 times a year —

Editorial board

Editor-in-chief:

E. A. Pevtsova – Dr. Sci. (Law), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Worker of Education of Moscow Region, Honorary Worker of Science and High Technologies of the Russian Federation, Rector of MRSU

Deputy editor-in-chief:

P. L. Polyanskiy – Dr. Sci. (Law), Prof., Lomonosov Moscow State University

Executive secretary of the series:

N. I. Denisov – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow)

Editorial Board:

S. A. Avakyan – Dr. Sci. (Law), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. A. Aleshkova – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow);

Yu. M. Antonyan – Dr. Sci. (Law), Prof., MRSU;

Yu. G. Arzamasov – Dr. Sci. (Law), Prof., National Research University "Higher School of Economics" (Moscow);

K. Ambrewster – Doctor of Law, Prof., University of Erlangen-Nuremberg (Germany);

S. A. Glotov – Dr. Sci. (Law), Prof., International Law Institute under the Ministry of justice of the Russian Federation;

A. V. Grinenko – Dr. Sci. (Law), Prof., Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow State Institute of International relations (Y) Ministry of the Interior of the Russian Federation;

V. V. Dolinskaya – Dr. Sci. (Law), Prof., Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

A.-Ch.-Ch.-F. A. Dybova – PhD, Prof., Pontifical Catholic University (Rio de Janeiro, Brazil);

A. A. Eliseyeva – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

V. A. Zhabskiy – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V. Y. Kikot;

M. Moravchikova – PhD, Trnava University in Trnava (Slovak Republic);

I. M. Rassolov – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

E. N. Rakhmanova – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Russian State University of Justice (North-West Branch, St. Petersburg);

G. F. Ruchkina – Dr. Sci. (Law), Prof., Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow);

M. S. Savchenko – Dr. Sci. (Law), Prof., Kuban State Agrarian University (Krasnodar);

V. M. Sapogov – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Pskov State University;

V. E. Safonov – Dr. Sci. (Law), Prof., Russian State University of Justice (Moscow);

Yu. I. Skuratov – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Russian State Social University (Moscow);

V. V. Subochev – Dr. Sci. (Law), Prof., Moscow State Institute of International relations (Y) Ministry of the Interior of the Russian Federation;

S. Ch. Hutchinson – PhD, Prof., University of the Sorbonne (France), Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow);

A. Himmelreich – PhD, Prof., Regensburg University (Germany);

K. V. Cherkasov – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Russian Ministry of Justice) (Moscow);

I. I. Shmatkov – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Vitebsk State University named after P. M. Masharov (Republic of Belarus)

ISSN 2072-8557 (print)

ISSN 2310-6794 (online)

The Peer-reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence" is a printed edition that publishes present-day scientific articles, performing high level of quality and novelty, written by Russian and foreign scientists. Articles reveal new approaches in science on topical issues of history and theory of state and law, constitutional and municipal law, civil, business, family, private international law, criminal law and criminology, penal law.

The journal's target audience is teachers, postgraduates, postgraduate students, law enforcement authorities officers, judges, legal advisers and anyone interested in the state of legal science.

The journal "Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence" is registered in the Federal Service for supervision of legislation observance in the sphere of mass communications and cultural heritage protection (mass media registration certificate No. FS 77 - 73343).

The subscription index of the "Jurisprudence" series is 40735 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's sites (www.vestnik-mgou.ru; www.lawmgoujournal.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence. – 2022. – No. 3. – 112 p.

© MRSU, 2022.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation
phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

sites: www.lawmgoujournal.ru; www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Представляем тему номера. 6

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

- Васильев И. А.* Надзор Правительствующего сената за законностью: новый ценностный ориентир в петровский период. 8
- Дорская А. А.* Эволюция преступлений против правосудия в России 15
- Калинина Е. Ю.* Маргинальность и изгойство как социально-правовой статус и образ правосознания в Древней Руси и средневековой Испании XI–XIII вв. Опыт сравнительного историко-правового исследования 24
- Красавцева Н. Г.* Понятие «государственное жилищное строительство» в советском праве. 38
- Пашенцев Д. А.* Антропоцентризм как преодоление нарратива в историко-правовых исследованиях. 44
- Полянский П. Л.* Семейно-правовые последствия жестокого обращения с жёнами у податного населения России в середине XIX в. 51

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

- Грачёв Н. И.* Методологические проблемы исследования суверенитета и его политико-правовая природа в условиях становления многополярного мира 67
- Певцова Н. С.* Право на физическое существование искусственного интеллекта: вымысел или реальность? 85

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

- Коновалова Е. В.* Анализ финансирования терроризма как преступного деяния в российском уголовном праве. 92
- Скоробогатов А. В., Рыбушкин Н. Н.* Конструирование уголовно-правовых запретов в период гражданской войны: опыт телеологического анализа 100

CONTENTS

Introducing the Theme of the Issue	6
--	---

HISTORY OF STATE AND LAW IN THE CONDITIONS OF NEW SCIENTIFIC RATIONALITY

<i>I. Vasilyev.</i> The Governing Senate's Supervision over Legality: New Value in the Peter's Period	8
<i>A. Dorskaya.</i> The Evolution of Crimes against Justice in Russia	15
<i>E. Kalinina.</i> Marginality and Outcastness as a Social and Legal Status and Image of Legal Consciousness in Medieval Russia and Spain of the 11 th –13 th Centuries. An Experience of Comparative Historical and Legal Research	24
<i>N. Krasavtseva.</i> The Term of "Government Housing Construction" in Soviet Law	38
<i>D. Pashentsev.</i> Anthropocentrism as Overcoming Narrative in Historical and Legal Studies	44
<i>P. Polyansky.</i> Family and Legal Consequences of Ill-Treatment of Wives among the Taxable Population of Russia in the Middle of the 19 th Century	51

CIVIL LAW, BUSINESS LAW, FAMILY LAW, INTERNATIONAL PRIVATE LAW

<i>N. Grachev.</i> Methodological Problems of the Study of Sovereignty and Its Political and Legal Nature in the Conditions of the Formation of a Multipolar World	67
<i>N. Pevtsova.</i> The Right to the Physical Existence of Artificial Intelligence: Fiction or Reality?	85

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, CRIMINAL EXECUTIVE LAW

<i>E. Kononova.</i> Analysis of Terrorism Financing as a Criminal Act in Russian Criminal Law	92
<i>A. Skorobogatov, N. Rybushkin.</i> Construction of Criminal Law Prohibitions During the Civil War: Experience of Teleological Analysis	100

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ТЕМУ НОМЕРА

История государства и права в условиях новой научной рациональности

Вы держите в руках номер журнала, большинство материалов которого посвящено теме «История государства и права в условиях новой научной рациональности». Выбор темы выпуска обусловлен тем, что в современных условиях закономерно возрастает роль историко-правового знания как важного средства правового и патриотического воспитания молодежи, формирования развитого правосознания российского общества.

Актуализация историко-правового знания привела к созданию Общероссийской общественной организации «Ассоциация историков права», учрежденной 23 мая 2022 г. Ассоциация создана как добровольное общественное объединение специалистов и организаций в области истории права и государства, а также истории учений о праве и государстве и философии права.

Первым мероприятием Ассоциации стало проведение Всероссийского форума историков права «Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций и новой научной рациональности», который состоялся 10–11 июня 2022 г. на площадке Санкт-Петербургского филиала Российского государственного университета правосудия. Участие в форуме приняли ученые из разных городов России: от Калининграда до Иркутска и Улан-Удэ. Были представлены все крупные историко-правовые школы России, авторитетные научные учреждения и образовательные организации.

В номере публикуется Резолюция, принятая по итогам Всероссийского форума историков права его участниками. Также публикуются статьи, подготовленные участниками Всероссийского форума историков права, посвящённые важным аспектам развития современной историко-правовой науки.

Высказанные в статьях мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Надеемся, что публикуемые материалы и междисциплинарность обсуждений актуальных вопросов истории и философии права позволят читателям ещё раз оценить сформировавшиеся научные подходы к методологии историко-правовой науки, направлениям её развития.

*Певцова Елена Александровна,
доктор юридических наук, доктор педагогических наук, профессор,
ректор Московского государственного областного университета,
главный редактор научного журнала «Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Юриспруденция»*

*Пашенцев Дмитрий Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор заслуженный работник высшей школы РФ,
председатель президиума Ассоциации историков права*

РЕЗОЛЮЦИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО ФОРУМА ИСТОРИКОВ ПРАВА 10–11 ИЮНЯ 2022 г.

Всероссийский форум историков права, демонстрируя единство российского научно-педагогического сообщества по вопросам освоения богатого юридического наследия, опираясь на решения Учредительного собрания Ассоциации историков права,

отмечает:

История права и государства как научная дисциплина в системе отечественной юридической науки занимает своё место. Она эволюционировала вместе с ней, выполняя на разных этапах развития определённую роль в исследованиях российской правовой действительности, выступая и средством познания, и формой юридического знания, и социокультурным феноменом. Это особая сфера юридического знания, отличающаяся своим пограничным, междисциплинарным характером, который проявляется как во внешнем взаимодействии с другими науками, прежде всего историей, социологией и политологией, так и во внутреннем, когда предмет познания науки истории права и государства соотносится с предметной областью теоретико-правовых и отраслевых наук, указывая ретроспективные связи с историческим опытом. Обозначенный аспект заметно влияет на выбор познавательного инструментария и форм популяризации полученных научных результатов, возникает потребность не только в поиске наиболее эффективных форм адаптации историко-правового знания к реалиям современности, но и в познании процесса становления и развития истории права и государства с науковедческих позиций;

констатирует:

– в современных условиях приращение знаний об истории права и государства, о ретроспективной динамике общественных процессов имеет важное значение для формирования научной картины развития социума, определения возможных путей его дальнейшей эволюции;

– изучение истории права и государства даёт богатый материал для осуществления правового и патристического воспитания молодёжи, для формирования общеправовой культуры и кругозора студентов-юристов;

– в юридическом сообществе существует выраженная потребность в проведении научных мероприятий историко-правового характера, в объединении усилий историков права для разработки актуальных научных тем и вопросов на основе современной методологии, в активизации научно-издательской деятельности в рамках историко-правового и философско-правового направлений;

предлагает:

– проводить регулярные историко-правовые конференции в разных городах России с целью повышения интереса в обществе к историко-правовой проблематике;

– активизировать усилия по подготовке и изданию новых научных работ в сфере истории права и государства, истории учений о праве и государстве, философии права, чтобы выйти на качественно более высокий уровень развития отечественного правоведения;

– усилить работу со студенческой молодёжью для формирования нового корпуса молодых учёных, заинтересованных в исследовании вопросов историко-правовой направленности;

– обратить особое внимание на исследование ценностного содержания отечественных правовых традиций, чтобы на этой основе внести свой вклад в формирование национальной идеи в Российской Федерации, соответствующей представлениям многонационального народа о справедливости, праве и правде.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

УДК 340.13

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-8-14

НАДЗОР ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕГО СЕНАТА ЗА ЗАКОННОСТЬЮ: НОВЫЙ ЦЕННОСТНЫЙ ОРИЕНТИР В ПЕТРОВСКИЙ ПЕРИОД

Васильев И. А.

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявление собственной надзорной деятельности Правительствующего сената как нового ценностного ориентира в петровский период российской государственности.

Процедура и методы. Были проанализированы акты, включённые в первое Полное собрание законов Российской Империи.

Результаты. В результате исследования определено, что собственный надзор Правительствующего сената отражал следующую комплексную ценность государственного управления: во-первых, отчёт об исполнении указов заменил формальное направление таковых; во-вторых, самостоятельное осуществление надзора Сенатом не ограничивалось только реагированием на доклады прокуратуры или фискалитета; в-третьих, применялись различные, не только карательные, меры при выявлении нарушений законности.

Теоретическая и/или практическая значимость. В работе поставлена проблематика «изменение и формализация содержания “надзора” в полномочиях Сената», а также выделено находящееся в «тени» право собственного надзора данной инстанции.

Ключевые слова: Правительствующий сенат, петровское законодательство, надзорная деятельность, надзор за законностью, прокуратура, фискалитет, ценности в законодательстве

THE GOVERNING SENATE'S SUPERVISION OVER LEGALITY: NEW VALUE IN THE PETER'S PERIOD

I. Vasilyev

Saint Petersburg State University

Universitetskaya Naberezhnaya 7-9, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify the own supervising activities of the Governing Senate as a new value reference point in the Peter's period of Russian statehood.

Methodology. The acts included into the first Complete Collection of Laws of the Russian Empire were analyzed.

Results. The research states that the Senate's own supervision reflected the following complex value of public administration: firstly, the report on the execution of decrees replaced the formal direction of such decrees; secondly, the independent implementation of oversight by the Senate, not limited to responding to the reports of the prosecutor or the fiscal authority; thirdly, the use of various, not exclusively punitive measures in detecting violations of the rule of law.

Research implications. The article covers the problem of changes and formalization of the content of «supervision» in the powers of the Senate, as well as highlighting the right to execute this institution's own supervision, which is in the «shadow».

Keywords: Governing Senate, Peter's legislation, supervision activities, supervision over legality, prosecutor's office, fiscal bodies, values in legislation

Введение

Создание Правительствующего сената (Сенат, высшая инстанция) отражало определённое понимание Петром Великим идеального состояния дел государственного управления в Московском государстве, а затем – в Российской империи. В первую очередь новое учреждение должно было возглавить и упорядочить вертикаль административно-территориальной организации власти, создаваемой в рассматриваемый исторический период. Тем не менее видеть Сенат приоритетно органом управления означало бы подходить к его статусу всё же ограничительно. Наряду с «внешними» институтами надзора, как то фискалитет, а в дальнейшем и прокуратура, Сенат был вправе и самостоятельно осуществлять надзорные полномочия по 2-м направлениям: за исполнением указов подчинёнными «местами» и за законностью деятельности таких «мест».

Думается, что правильно выделяемая в исследованиях проблема «недостаточно глубоко проведённой постановки самого фискальского контроля» повлекла и пороки возможных юридически значимых действий со стороны высшей инстанции [5, с. 157]. При этом меры реагирования Сената формально не были сосредоточены исключительно на «предании расправным местам», поскольку и несоблюдение законности далеко не всегда составляло основание для привлечения к юридической ответственности.

Благодаря Сенату ожидался качественный переход в делах вертикали власти от формального получения указов к их исполнению (подкреплённый в 1723 г. негатив-

ной санкцией за бездействие – штрафом), дополненный инициативной ревизией любых злоупотреблений подчинёнными местами (с 1722 г.), а также инструментария мер реагирования на различные формы нарушения законности. Можно также считать, что хотя имевший и нормативно фрагментарную фиксацию собственный надзор Сената имел целью не исключительно «предание расправным местам», но и формулирование инициатив по изменению активно создаваемого законодательства [6].

Надзорные полномочия Правительствующего сената

В предшествующий петровскому период российского законодательства управление в узком смысле понималось как издание и доведение до подчинённых «мест» указов. Во всяком случае, обращаясь к первому Собранию законов Российской империи, затруднительно обнаружить нормативный прецедент, который требовал от воевод и приказных должностных лиц ответа об исполнении и способах такового. Однако и до начала петровской губернской реформы не встречаются примеры обращения государя к содержанию надзорной деятельности. Изменение формы территориальной организации государственной власти означало выстраивание вертикали подчинённости в вопросах управления. Может показаться, что субординация естественным образом требовала бы своевременного и точного исполнения указов в губерниях с надлежащим «оком государевым» за процессом: так, для надзора созданной позднее проку-

ратуры были открыты все присутственные «места» [9, с. 127]. В действительности становление такого надзора длилось на протяжении более 10 лет с разными подходами законодателя.

Правительствующий сенат в указе от 2 марта 1711 г. был назван «управительным»¹, что, впрочем, не препятствовало государю уже 5 марта 1711 г. включить в процесс управления и осуществление суда над любым государственным служащим, «...кто неправду учинит, того фискал позовёт уличать перед Сенатом»².

Совокупность административных и судебных прерогатив высшей инстанции вполне соответствовала задумке становления института полноценного государственного надзора [10, с. 318]. По остальным фактам указ от 23 октября 1712 г. требовал «...фискальные доношения записывать в Канцелярии Сената в книгу и отдавать в расправные дела»³. Аналогичная функция инициирования рассмотрения потенциальных нарушений законности была включена в компетенцию и генерал-прокурора, который указом от 5 февраля 1722 г. был наделён правом созывать заседания Сената⁴ в целях доклада прокурорских и фискальных доношений и требования исполнения по ним (в отношении последнего права генерал-прокурора см. указ от 27 апреля 1722 г.⁵).

Можно заметить, что двумя законами с разницей практически в 11 лет фискалитет и прокуратура были синхронно определены в качестве главных субъектов трансформации результатов собственной надзорной деятельности в форму реагирования – обращения в Сенат для принятия юридически значимого решения по факту потенциального нарушения законодательства. Право высшей инстанции на собственный надзор, с одной стороны, никогда легально не было поставлено под

сомнение, но в то же время не получило и последовательного нормативного закрепления.

Законодатель предпринимал несколько подходов к упорядочиванию управления, в итоге утвердившись в необходимости собственных надзорных полномочий Сената. Попробуем восстановить нормативную ретроспективу.

Первой линией законодательной практики являлось создание собственного сенатского надзора за законностью как получением и исполнением указов подчинёнными «местами». Сначала указом от 22 февраля 1711 г. «...со всех губерний для спроса и принятия указов быть по два комиссара»⁶ создавались условия для физического доведения законов подчинённым «местам». Далее закон от 19 марта 1716 г. требовал от губернаторов «...по получении из Сената указов уведомлять когда получены и какое сделано по ним исполнение»⁷, что оказалось слабореализуемым. Поэтому через год, 19 марта 1719 г., подчинённые «места» были обязаны давать «...ответствование на указы, посылаемые из Сената в губернии, и кто ответствовать не будет, подлежит яко преступник указа и ослушатель»⁸ – появление достаточно прозрачной квалификации таких бездействий как должностных преступлений, хотя и без должной детализации коррелирующим им санкций. Данная идея была подкреплена 30 января 1720 г. конституированием отправной обязанности Сената «...вести даты направления указов в коллегии, губернии и провинции» (в т. ч. направленные повторно и в третий раз), но получила своё развитие только через 3 года – 14 мая 1723 г. – введением штрафа «за отсутствие ответа о получении и исполнении»⁹. Наконец, запрет «примешивать в рапорты о получении и исполнении запросы по другим делам» был введён 27 мая 1724 г.¹⁰, что препятствовало злоупотреблению «ме-

¹ ПСЗРИ. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. 4. № 2328.

² Там же. Т. 4. № 2331.

³ Там же. Т. 4. № 2596.

⁴ Там же. Т. 6. № 3880.

⁵ Там же. Т. 6. № 3979.

⁶ Там же. Т. 4. № 2321.

⁷ Там же. Т. 5. № 3002.

⁸ Там же. Т. 5. № 3333.

⁹ Там же. Т. 7. № 4224.

¹⁰ Там же. Т. 7. № 4514.

стами» через игнорирование обязанности давать надлежащие отчёты при помощи иных по содержанию запросов.

Рассмотрев системно изданные указы, можно сделать несколько промежуточных выводов. Во-первых, эксперимент по присутствию в Сенате комиссаров от губерний должен был быть дополнен их надзором за надлежащим исполнением, что не состоялось в силу параллельного создания института тайного фискалитета. В ином случае, что и произошло, роль комиссаров ограничивалась «почтовой функцией» – доставкой законом. Осознание такого положения дел пришло с запозданием, когда появился указ об упорядочивании делопроизводства в самом Сенате: необходимости указания дат направления законов различным подчинённым «местам». Без данной отправной точки в отсчёте разумного времени на исполнение осуществление надзора теряло смысл в силу неопределённости темпорального фактора. Во-вторых, прошедшие 8 лет до момента появления определённой санкции – штрафа за бездействие в исполнении – отчасти оправдываются достаточно поздним (1720 г.) наведением порядка в процессе фиксации самим Сенатом даты направления указов. Вне категоричности в стиле «без санкции нет права» выбор законодателем решения «подлежит яко преступник указа и ослушатель» несомненно нуждался в определённости санкции, на что потребовалось без малого 3 года. В отсутствии нормативно закреплённой негативной меры принуждения надзор Сената за своевременностью исполнения приобретал формальное, бюрократическое понимание без юридически значимых последствий.

Вторая линия законодательной практики – собственный надзор Сената за законностью отправления государственной службы – хотя и представлена единицами указов, но одновременно настолько же непоследовательна в нормативной фиксации, как и надзор за получением и исполнением указов.

Попробуем и в данном случае построить ретроспективу событий.

Указ от 16 ноября 1711 г. вменял в обязанности Сенату следить, чтобы «...губернаторам изыскивать доходы без тягости народа, а кто не будет в том исправен, не щадить в штрафах»¹. В приведённом акте обращает на себя внимание указание на конкретную санкцию для губернаторов, равно как и прямое обязывание высшей инстанции следить за фискальной политикой в губерниях и оперативно реагировать, передавая нарушителей «расправным местам».

Следующий закон мы можем обнаружить только 4 апреля 1722 г., но сразу обязывающий Сенат ежегодно производить ревизию в губерниях: «...для смотра всяких дел в губерниях и провинциях, чтобы во всяких делах была правда, посылать на каждый год из сенатских членов по одному, да при нём из каждой коллегии по одному человеку»². Новое позитивное «обременение» высшей инстанции преследовало прежние ориентиры публичного управления, намеченные указом 17 марта 1714 г., по выявлению деяний государственных служащих, представляющих «... всякие преступления указом; всякие взятки и кражи казны, и прочее что ко вреду государственному интересу быть может»³.

Думается, что в законодательстве начала 1720-х гг. сенатские ревизии не представляли локального нормативного решения, скорее являлись частью создаваемого института ревизий как таковых. Например, указ от 20 мая 1724 г. «...о предписании коллежским прокурорам, чтобы они свои конторы посмотрели, так ли делается как надобно и доложили генерал-прокурору»⁴. Тем самым прокуроры «при местах», в данном случае коллегиях, были обязаны проверять законность действий и бездействий государственных служащих, сообщая генерал-прокурору для возможного вынесения

¹ ПСЗРИ. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. 4. № 2467.

² Там же. Т. 6. № 3931.

³ Там же. Т. 5. № 2786.

⁴ Там же. Т. 7. № 4507.

им конкретных случаев на рассмотрение Сената.

Для сравнения: схожий функционал, но основанный на поступающих непосредственного в высшую инстанцию «челобитных», был определён для генерал-рекет-мейстера [7, с. 112].

Итак, на основе рассмотренных указы можно сделать несколько промежуточных выводов. Во-первых, надзорные полномочия высшей инстанции в течение второго десятилетия XVIII в. преимущественно мыслились законодателем в ракурсе реакции на поступающие от фискалитета и прокуратуры донесения и принятия при необходимости соответствующих мер. Во-вторых, становление собственного надзора Сената за законностью, не основанного исключительно на материалах работы фискалитета и прокуратуры, прошло достаточно долгий путь осмысления законодателем. Сначала таковой осуществлялся только за деятельностью прямо поименованных в указе «мест» (губернаторов), впоследствии распространённый на любые «места» губерний. Данный вид собственного сенатского надзора получил новый виток развития на рубеже XVIII–XIX вв. [3].

Заключение

Стремление государя-преобразователя к постоянной модификации только что созданного государственного надзора [4, с. 36], тем не менее не повлекло детального регулирования. В эпоху петровского законодателя затруднительно, если вообще возможно назвать указ или указы о фиксации широкого, но закрытого перечня мер реагирования Сената на выявляемые в порядке собственного надзора проблемы управления. В данном случае мы говорим не исключительно о привлечении к юридической ответственности нарушителей, поскольку оснований для таковой в результате надзора за исполнением указов и надзора за законностью действий и бездействий государственных служащих может и не быть, но обращаемся к проблеме управления в целом. Трудно согласиться с

некоторыми уважаемыми исследователями, что «...сама мысль о создании надзорного ведомства в структуре государственного управления ещё не проявилась, но необходимость осуществления надзора и контроля в государстве уже осознавалась» [2, с. 32]. Полнота статуса и полномочий такого ведомства мыслилась государем и выражалась в самом Сенате, почему и не нуждалась в дублировании.

Результаты надзорной деятельности в рассматриваемый период могли и, как кажется, должны были выражаться в модификации находившегося в процессе становления законодательства Российского государства. С одной стороны, «предание расправным местам» как решение Сената по результатам надзора за исполнением или собственного надзора за законностью не виделось законодателю нуждающимся в дополнительном нормативном подтверждении, помимо многочисленных положений относительно наказаний преступившим черту закона (если таковую, впрочем, возможно было нормативно выявить). С другой стороны, указ 11 мая 1722 г. предоставлял высшей инстанции право, когда «...без доклада государю дело решить нельзя, следует направить мнение»¹.

Новая prerogativa, на наш взгляд, имела негативный и конструктивный варианты реакции Сената. В первом случае – распространялась не только на всё те же случаи передачи нарушителя «расправным местам», не исключая самой высшей инстанции [8]. В конструктивной же коннотации последствием надзора должно было являться формулирование потребности в изменении действующих законов или появлении новых, что, безусловно, было невозможно без «государева решения».

Осуществление собственного сенатского надзора, в т. ч. и за законностью отправления публичной власти на «местах», представляло собой хотя и относительно расплывчатый, но, несомненно, новый комплексный ценностный ориентир в сравнении с юридической практикой ор-

¹ ПСЗРИ. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. 4. № 4003.

ганов государственной власти в допетровский период.

Учёными обоснованно отмечено, что «деятельность Сената в первые годы его существования в значительной мере была направлена на организацию контроля за деятельностью местных администраций» [10, с. 181]. Однако, как и любые идеалы, таковые могли расходиться с практикой

их реализации, что и произошло: «...ни само высшее правительственно-судебное установление, ни находившиеся в его распоряжении фискалы не внесли в русскую жизнь действительно новых начал в смысле самого изменения её уклада по существу» [1, с. 21].

Статья поступила в редакцию 28.07.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грибовский В. М. Высший суд и надзор в России в 1-й половине царствования императрицы Екатерины II. М.: Книга по Требованию, 2014. 354 с.
2. Ерёмин А. В. Сенатская прокуратура в Российской империи в XVIII веке // Криминалист. 2021. № 1 (34). С. 32–36.
3. Куанчалева Л. Ш. Сенаторское инспектирование на рубеже XVIII–XIX вв. как институт государственного контроля // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 2-2. С. 23–25.
4. Парфенова А. В. Возникновение российской прокуратуры и её развитие в петровскую эпоху // Правовестник. 2019. № 8 (19). С. 35–38.
5. Петровский С. А. О Сенате в царствование Петра Великого. М.: Университетская типография, 1875. 360 с.
6. Редин Д. А. Сенат в системе местного коронного управления России и формирование штата его канцелярии // Уральский исторический вестник. 2021. № 4 (73). С. 173–182.
7. Ремизова С. В., Чернышов Д. В. Особенности Сената, фискалитета и прокуратуры как контрольно-надзорных органов государства в Российской Империи в первой четверти XVIII в. // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. 2016. № 4 (6). С. 108–115.
8. Сазанкова О. В. Функции Правительствующего сената Российской империи как высшего судебного органа // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 4. С. 279–281.
9. Соколов Д. А. Хранительница идеи законности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 2 (88). С. 123–129.
10. Соколов Д. В. О значении Правительствующего сената в Российской империи как судебного органа // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 318–322.

REFERENCES

1. Gribovsky V. M. *Vysshiy sud i nadzor v Rossii v 1-y polovine tsarstvovaniya imperatrity Yekateriny II* [The Supreme Court and Supervision in Russia in the 1st half of the reign of Empress Catherine the Great]. Moscow, Kniga po Trebovaniyu Publ., 2014. 354 p.
2. Eremin A. V. [The Senate Prosecutor's Office in the Russian Empire in the 18th century]. In: *Kriminalist* [Criminalist], 2021, no. 1 (34), pp. 32–36.
3. Kuanchaleeva L. Sh. [Senatorial inspection at the turn of the 18th–19th centuries as an institution of state control]. In: *Aktualnyye problemy gumanitarnykh i yestestvennykh nauk* [Actual problems of the humanities and natural sciences], 2015, no. 2-2, pp. 23–25.
4. Parfenova A. V. [The emergence of the Russian prosecutor's office and its development in the era of Peter the Great]. In: *Pravovestnik* [Law Gazette], 2019, no. 8 (19), pp. 35–38.
5. Petrovsky S. A. *O Senate v tsarstvovaniye Petra Velikogo* [On the Senate in the reign of Peter the Great]. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1875. 360 p.
6. Redin D. A. [The Senate in the system of local crown government of Russia and the formation of the staff of its office]. In: *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Bulletin], 2021, no. 4 (73), pp. 173–182.
7. Remizova S. V., Chernyshov D. V. [Peculiarities of the Senate, Fiscality and Prosecutor's Office as Control and Oversight Bodies of the State in the Russian Empire in the First Quarter of the 18th Century]. In: *Sovremennyye problemy sotsialno-gumanitarnykh nauk* [Modern problems of social sciences and humanities], 2016, no. 4 (6), pp. 108–115.

8. Sazankova O. V. [Functions of the Governing Senate of the Russian Empire as the highest judicial body]. In: *Probely v rossiyskom zakonodatelstve* [Gaps in Russian legislation], 2011, no. 4, pp. 279–281.
9. Sokolov D. A. [Keeper of the idea of legality]. In: *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation], 2022, no. 2 (88), pp. 123–129.
10. Sokolov D. V. [On the importance of the Governing Senate in the Russian Empire as a judicial body]. In: *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii* [Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2018, no. 2 (42), pp. 318–322.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Васильев Илья Александрович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета;
e-mail: i.vasilev@spbu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilia A. Vasilyev – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg State University;
e-mail: i.vasilev@spbu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Васильев И. А. Надзор Правительствующего сената за законностью: новый ценностный ориентир в петровский период // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 3. С. 8–14.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-8-14

FOR CITATION

Vasilyev I. A. The Governing Senate's Supervision over Legality: New Value in the Peter's Period. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 3, pp. 8–14.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-8-14

УДК 347.61

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-15-23

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ В РОССИИ

Дорская А. А.*Российский государственный университет правосудия (Северо-Западный филиал)
197046, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5а, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить и дать характеристику основных этапов развития преступлений против правосудия в России.

Процедура и методы. Формально-юридический метод позволил выявить наиболее важные новеллы в памятниках российского права разных эпох. Диахронный срез в рамках сравнительно-правового метода способствовал выявлению новых подходов в законодательном определении преступлений правосудия.

Результаты. Предложена оригинальная периодизация развития преступлений против правосудия в российской правовой системе. Выявлены характерные черты российской правовой традиции в определении субъекта и классификации данного вида преступлений.

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье показаны преемственность в представлениях российских юристов о преступлениях против правосудия, а также дискуссионные вопросы, возникающие в различные эпохи.

Ключевые слова: преступления против правосудия, суд, судья, уголовное законодательство, должностное лицо, участники процесса

THE EVOLUTION OF CRIMES AGAINST JUSTICE IN RUSSIA

A. Dorskaya*Russian State University of Justice (North-West Branch)
Aleksandrovskiy park 5a, St. Petersburg 197046, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify and characterize the main stages in the development of crimes against justice in Russia.

Methodology. The use of the formal legal method made it possible to identify the most important novels in the monuments of Russian law of different epochs. The diachronic cut within the framework of the comparative legal method contributed to the identification of new approaches in the legislative definition of crimes of justice.

Results. The article proposes an original periodization of the development of crimes against justice in the Russian legal system. The characteristic features of the Russian legal tradition in defining the subject and classifying this type of crime are revealed.

Research implications. The article shows the continuity in the ideas of Russian lawyers about crimes against justice, as well as the debatable issues that arise in different eras.

Keywords: crimes against justice, court, judge, criminal law, official, participants in the process

Введение

Преступления против правосудия на современном этапе являются широко обсуждаемой проблемой, как на внутригосударственном, так и международном уровнях. Причём если в рамках национальных правовых систем акцент делается на классификацию такого рода преступлений [15], то развитие международного правосудия поставило новые вопросы. В частности, принятие Римского статута Международного уголовного суда заставило юристов задуматься над сочетанием видов международных преступлений, определённых в ст. 5, и возможностью уголовного преследования за дачу ложных показаний, оказание воздействия на свидетеля, вымогательство и получение взятки должностным лицом МУС, запугивание и другие противоправные действия в отношении должностного лица суда и т. д. (ст. 70) [16, с. 71–72].

Развивается данная тематика и на наднациональном уровне. Так, новые проблемы появились в связи с созданием и эволюционированием Европейского союза [24].

О значимости данной тематики свидетельствуют как значительное количество публикаций, так и изучение развития подходов к квалификации и характеристике преступлений против правосудия. Так, к примеру, исследуется причина популярности идей советского, а затем российского юриста А. С. Горелика (1931–2007) по вопросам противодействия преступлениям против правосудия [11]. Большое количество работ посвящено истории преступлений против правосудия, потому что, как справедливо отмечает Ю. М. Антонян, круг деяний, которые государства считают преступными, подвержен изменению [1, с. 90] и необходимо улавливать те тенденции, которые набирают силу. Активно изучаются преступления против правосудия на современном этапе, поскольку значение судебной системы, судебной защиты прав граждан возрастает. В частности, на монографическом уровне данные вопросы исследуются в работах М. Х. Гельдибаева [4], Ю. И. Кулешова [9], А. Ф. Федорова [21] и других учёных.

Преступления против правосудия появились в российском законодательстве в конце XIV – середине XV вв., и с тех пор в каждом новом нормативном правовом акте, содержащем уголовно-правовые нормы, всегда присутствовал данный вид преступлений. Вместе с тем представления о преступлениях против правосудия существенно эволюционировали, однако и на современном этапе ряд вопросов остаётся дискуссионным. В частности, говоря о преступлениях против правосудия с историко-правовых позиций, исследователи берут разные точки отсчёта: Русскую Правду [2] или Псковскую и Новгородскую судные грамоты [7, с. 38]. Существуют различные формулировки, которые изменяют акценты. Например, если понятие «преступления против правосудия» является достаточно привычным и закреплённым законодательно, то такая категория, как «преступления против интересов правосудия» применяется пока на доктринальном уровне [8]. Требуется дополнительное изучение и вопрос, к какой степени тяжести следует отнести преступления против правосудия. По современным подсчётам 53% преступлений против правосудия относится к небольшой тяжести, 25% – к средней тяжести, 20% – к тяжким, 2% – к особо тяжким [12, с. 209].

Характеристика основных этапов развития преступлений против правосудия в России

Как известно, вплоть до Соборного уложения 1649 г. классификация преступлений в российских законодательных источниках отсутствовала, поэтому при выделении преступлений против правосудия необходимо учитывать *место* таких преступлений в структуре конкретного нормативного правового акта, *субъект* преступления и его *цель*.

В Русской Правде говорить о преступлениях против правосудия ещё достаточно трудно в силу того, что объектом преступного посягательства могла быть только личность и (или) её имущество, а также нравственные общественные устои, охраняемые церковью,

хотя некоторые аналогии могут быть проведены. Так, в ст. 20 Пространной редакции предусмотрено наказание за недоказанное обвинение в убийстве. Современные исследователи считают данную статью прообразом ст. 306 УК РФ «Заведомо ложный донос» [10, с. 63]. В Русской Правде также был установлен штраф за убийство тиуна, который в т. ч. мог занимать определённое место в судебной иерархии.

В удельный период ситуация была уже другой. Началось формирование понятия «преступления против государства», поэтому посягательства на судей, стороны процесса, уже были наказуемы. В ст. 6 сохранившегося отрывка Новгородской судной грамоты говорится о наводке на судью или истца, видимо, с целью повлиять на исход дела. Существует также летописное упоминание такого преступления, как ябедничество, т. е. ложный донос, спровоцировавший судебное разбирательство [14, с. 285]. В ст. 58 Псковской судной грамоты преступным считалось насильственное вторжение в судебное помещение, а также физическое воздействие на лиц, отвечавших за порядком во время судебных заседаний. Как отмечает А. В. Верещагина, именно в данный период возникает подход, который господствует и в современном законодательстве, состоящий в том, что преступлениями большей тяжести среди преступлений против правосудия считаются преступления в отношении представителей власти, нежели частных лиц. В частности, сопоставление размера штрафа в нормах ст. 58 и ст. 111 Псковской судной грамоты показывает, что нападение на пристава наказывалось более сурово, чем на истца или ответчика [3, с. 126].

В Судебнике 1497 г. преступления против правосудия ещё не были выделены в отдельную категорию, но им придавалось огромное значение. Об этом можно судить даже по тому, что данные статьи находятся в начале текста Судебника. Так, ст. 1 запрещала судьям брать вознаграждение помимо установленных пошлин (самим или через недельщиков, как это было предусмотрено в ст. 33) и выносить решение из мести,

ст. 19 описывала ситуацию, когда в случае вынесения судьёй неправомерного решения, оно могло быть отменено. Хотя судья и не нёс наказания, но можно было инициировать новое судебное разбирательство. Преступлением также считался отказ в судебном разбирательстве (ст. 2). Главной новеллой Судебника 1497 г. было то, что субъектом преступления против правосудия теперь могло быть не только должностное лицо, но и препятствующие осуществлению правосудия. Так, статья запрещала послушам давать заведомо ложные показания.

Это способствовало тому, что в Судебнике 1550 г. впервые стала обозначаться система преступлений против правосудия, поскольку они уже могли быть связаны с разными участниками судебного процесса. Наказанию мог быть подвергнут судья, вынесший неправомерное решение за взятку (ст. 3), истец или ответчик, оскорбивший другую сторону или судью (ст. 26), жалобщик на судью, который на основании закона отказал в принятии иска или рассмотрении дела (ст. 7) или вынес заведомо справедливое решение (ст. 6), незаслуженно обвинивший дьяков или подьячих в лихоимстве (ст. 8–13). Таким образом, именно в этот период начала складываться российская правовая традиция классификации преступлений против правосудия по признакам субъекта.

Иван Грозный уделил главное внимание борьбе со взяточничеством в судебной сфере. Шесть статей Судебника 1550 г. (ст.ст. 2–7) были посвящены преступлениям, связанным с вынесением несправедливого решения в результате получения взятки. Интересно, что судья в этом случае нёс не только уголовную ответственность, причём наказание назначал сам царь, но и материальную ответственность: он обязан был возместить потерпевшим в троекратном размере все судебные пошлины и сумму иска [19, с. 81].

Соборное Уложение 1649 г. не только стало первым источником, который был отпечатан и разослан во все государственные учреждения Московского государства, но и содержало, благодаря своей чёткой структуре, классификацию преступлений. Суду и право-

судию были посвящены гл.гл. X, XI и XXI. Названия глав Уложения чётко показывали традицию, возникшую ещё при создании Русской Правды и развивавшуюся во всех последовавших правовых источниках, – сословный характер в определении преступлений против правосудия. Так, крестьянскому суду была посвящена гл. XI. Для судьи преступным считалось вынесение несправедливого решения за взятку (ст. 5 гл. X), для истца – заведомо ложное обвинение кого-либо в совершении преступления и ложное крестоцелование (ст. 27 гл. XI), для всех – посягательство на жизнь судьи (ст. 106 гл. X), оскорбление судьи (ст. 105 гл. X), создание препятствий для осуществления решения суда путём, например, освобождения подсудимого (ст. 104 гл. XXI). Важным фактом является то, что при формировании понятия умышленного преступления к ним были отнесены убийства, совершённые в здании суда.

Многие нормы Соборного уложения 1649 г. были повторены в Артикулах воинских 1715 г. Петром I была установлена уголовная ответственность за ложную присягу на суде (ст. 196) и лжесвидетельство (ст. 198).

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и его последующих редакциях 1857, 1866 и 1885 гг. гл. V «О неправосудии» относилась к V разделу «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной». В ней предусматривались такие виды преступлений против правосудия, которые могли совершить судьи, прокуроры и судебные работники (секретари):

- несправедливое решение суда или приговор из корыстных или иных побуждений (ст. 366);

- определение судьёй наказания, не соответствующего уголовному законодательству (ст. 367);

- незаконное освобождение подсудимого от наказания или назначение наказания ниже установленного законом предела (ст. 368 и 369);

- ошибка судьи без злого умысла (ст. 370).

Однако к преступлениям против правосудия относились и другие преступления. Например, предусматривалась уголовная ответственность за преступные деяния чиновников при осуществлении следствия и суда. Прежде всего это относилось к судебным следователям. К преступлениям против правосудия могли быть отнесены лихоимство и мздоимство, если они касались судебной сферы (например, ст. 372). Подлежало наказанию побуждение к подаче противозаконных исков и продолжение противозаконных тяжб, лживые доносы, лжесвидетельства, ложные показания (ст. ст. 939–946).

Огромное значение имело создание Уголовного уложения 1903 г., в котором преступления против правосудия были детально разработаны. Как отмечают исследователи, проведение судебной реформы способствует повышению значимости правосудия в жизни государства и общества, что неизбежно отражается в уголовном законодательстве [23, с. 57]. Несмотря на то, что судебная реформа 1864 г. имела огромный резонанс, долгое время российские криминалисты не могли существенно изменить систему преступлений против правосудия, поскольку редактировалось и дополнялось Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Только при разработке нового Уголовного уложения стало возможно воплощение новой концепции. Особенностью было то, что субъектом данного вида преступлений могли быть государственные служащие, присяжные заседатели, свидетели, потерпевшие, эксперты и т. п., сословный принцип был полностью преодолён. Преступления против правосудия содержались в таких главах, как «главе «О преступных деяниях по службе государственной и общественной» и «О противодействии правосудию». Как отмечает И. В. Стрыгина, именно данный юридический документ стал основой для конструирования норм советского уголовного законодательства в этой сфере [20, с. 50–54].

В Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. и его масштабной редакции 1926 г. не было

специальных глав, посвящённых преступлениям против правосудия. Данный вид преступлений был разбросан по разным главам: о контрреволюционных преступлениях, о преступлениях против порядка управления, о должностных преступлениях, о преступлениях против жизни и здоровья. Безусловно, это был определённый откат назад.

Однако при разработке УК РСФСР 1960 г. были заимствованы лучшие разработки дореволюционного периода, т. к. не только появилась специальная глава, посвящённая преступлениям против правосудия, но и сохранена классификация данного вида по такому критерию, как субъект преступления. Преступления делились на преступления должностных лиц, которые препятствовали правильному отправлению правосудия, и преступления иных субъектов.

Особенностью понимания преступлений против правосудия в УК РСФСР 1960 г. было то, что умышленная форма вины в большом количестве случаев обозначалось термином «заведомость», используемым как синоним понятия «осознание» и означавшим, что субъект преступления понимал незаконный характер своих действий, вынося незаконный приговор или привлекая к уголовной ответственности невиновного [22, с. 231]. Однако в дальнейшем от идеи, что заведомость – это особая форма вины, включающая в себя признаки косвенного умысла и преступной самонадеянности (легкомыслия), специалисты в области уголовного права отказались [5, с. 69].

В главу о преступлениях против правосудия вносились изменения. В частности, в конце 1980-х гг. была установлена уголовная ответственность за угрозы, направленные в адрес судей и народных заседателей, их оскорбление, а также за вмешательство в разрешение судебных дел. 2 ноября 1989 г. был издан Закон «Об ответственности за неуважение к суду».

В УК РФ 1996 г. преступления против правосудия были систематизированы в гл. 31 и вошли в раздел X «Преступления против государственной власти». Таким

образом, традиция, заложенная ещё Псковской судной грамотой, сохраняется. Статьи данной главы считаются востребованными. Например, ежегодно прекращаются полномочия в отношении около 70 судей [13, с. 67].

Однако дискуссии о преступлениях против правосудия сохраняются. В частности, обсуждается вопрос, относить ли несообщение о преступлении к преступлениям против общественной безопасности или правосудия [6], необходимо ли усовершенствовать современную классификацию преступлений против правосудия [18], каково влияние цифровизации на динамику преступлений в целом и преступлений против правосудия в частности [17] и т. д.

Заключение

Анализ важнейших источников российского права показывает, что периодизация развития преступлений против правосудия в России должна строиться только на сочетании 3-х основных критериев:

- *место преступлений* против правосудия в системе преступных деяний, признанных в государстве на конкретном историческом этапе;
- *классификация субъектов* преступлений против правосудия;
- *вид юридической ответственности* за совершение преступления против правосудия.

Данный подход позволяет предложить следующую периодизацию развития преступлений против правосудия в российском праве:

1) XI–XIV вв.: преступления против правосудия не выделялись, но законодатель казуально пытался предотвратить несправедливый суд и воздействие на лиц, участвующих в судебной деятельности;

2) XV – первая половина XVI вв.: формирование системы преступлений против правосудия в рамках преступлений против государства. Дифференциация субъектов преступлений против правосудия на осуществляющих правосудие и мешающих осуществлению правосудия. Отсутствие

ответственности судьи, вынесшего несправедливое решение. Возможность пересмотра несправедливо рассмотренного дела;

3) вторая половина XVI – первая половина XIX вв.: появление классификации преступлений против правосудия по признакам субъекта, в т. ч. сословному. Особая защита судебного помещения и судей. Введение не только уголовной, но и материальной ответственности судьи за несправедливое решение по мотивам корысти, мщения, дружбы или неприязни;

4) вторая половина XIX – начало XX вв.: от выделения в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. «неправосудия» в отдельный вид преступлений до детальной разработки преступлений по противодействию правосудию в Уголовном уложении 1903 г., которое так и не вступило полностью в силу. Преодоление сословного подхода;

5) 1917–1960 гг.: отсутствие систематизации преступлений против правосудия в связи с отказом от идеи разделения властей и признании единства системы государственных органов;

6) 1960–1996 гг.: восстановление преступлений против правосудия как отдельного вида преступлений, выделение преступлений должностных лиц, препятствовавших правильному отправлению правосудия, и преступлений иных субъектов. Развитие понятия «неуважение к суду»;

7) с 1996 г.: включение преступлений против правосудия в преступления против государственной власти с соответствующим отражением данного подхода в системе наказаний.

Статья поступила в редакцию 30.07.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонян Ю. М. Основные черты преступности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 2. С. 89–99.
2. Байсалуева Э. Ф. Развитие российского законодательства об ответственности за преступления против правосудия // Научные труды Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России (к 25-летию Конституции Российской Федерации): сб. трудов. Тюмень, 2018. С. 78–90.
3. Верещагина А. В. Эволюция легализации преступлений против правосудия в российском уголовном законодательстве // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2022. Т. 14. № 2. С. 123–133.
4. Гельдибаев М. Х. Квалификация преступлений против правосудия. СПб.: Астерион, 2021. 104 с.
5. Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1974. 243 с.
6. Дворжицкая М. А. Несообщение о преступлении: преступление против общественной безопасности или правосудия? // Уголовное право России: состояние и перспективы (преступления против общественной безопасности): сб. трудов конференции / под ред. А. А. Сапожковой. СПб., 2020. С. 55–57.
7. Журкина О. В. История развития российского уголовного законодательства, предусматривающего уголовную ответственность за преступления против правосудия // Белые пятна российской и мировой истории. 2014. № 3. С. 37–46.
8. Кондратьев Ю. А., Маркова Т. Ю. Преступления против интересов правосудия: вопросы истории, теории и практики. М.: Кнорус, 2019. 260 с.
9. Кулешов Ю. И. Преступления против правосудия: проблемы теории, законотворчества и правонарушения. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2007. 296 с.
10. Летягина Е. А. Исторические этапы и предпосылки развития законодательства об уголовной ответственности за преступления против правосудия // Теория государства и права. 2019. № 4 (16). С. 62–68.
11. Лобанова Л. В. Значение научных трудов А. С. Горелика для развития учения о противодействии преступлениям против правосудия // Сибирский антропологический журнал. 2021. Т. 5. № 3. С. 316–323.

12. Магомедова З. М. Совершенствование законодательства об ответственности за преступления против правосудия // Проблемы совершенствования законодательства: сборник научных статей студентов юридического факультета. Махачкала: ООО «Алеф», 2020. С. 208–211.
13. Маркина Р. Ф. Проблемы правоприменения преступлений против правосудия // Энигма. 2020. № 28-1. С. 65–68.
14. Мартышин О. В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М.: Российское право, 1992. 384 с.
15. Намнясева В. В. Проблемы классификации преступлений против правосудия по признакам субъекта преступления // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2010. № 3 (14). С. 64–71.
16. Поляков В. Ю., Московский В. В. Преступления против отправления правосудия в практике Международного уголовного суда // Вестник Донецкого национального университета. Серия Е: Юридические науки. 2021. № 2. С. 68–74.
17. Попова Н. Н. Развитие технологий искусственного интеллекта в перспективах трансформации права: правосознание в проекции будущего // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 3. С. 65–76.
18. Ридько Е. В., Неведицын П. А. Проблемы уголовно-правовой классификации преступлений против правосудия // Уголовное право на перепутье: сб. трудов Всероссийской научно-практической студенческой конференции. Ростов-на-Дону, 2022. С. 189–195.
19. Сквозников А. Н. Ответственность за преступления против правосудия и интересов государственной службы по судебникам 1497 и 1550 гг. // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2012. № 1 (11). С. 79–84.
20. Стрыгина И. В. Очерк истории преступлений против правосудия по уголовному законодательству досоветского периода // История государства и права. 2013. № 13. С. 50–54.
21. Федоров А. В. Преступления против правосудия (вопросы истории, понятия и классификации). Калуга: Политоп, 2004. 283 с.
22. Хачаров Х. Д. Особенности уголовно-правовой характеристики преступлений против правосудия // Правовая безопасность в пенитенциарной системе: понимание, структура, обеспечение / под ред. А. Ф. Галузина, Р. А. Ромашова. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2012. С. 225–233.
23. Ягодка Я. О. История развития законодательства об ответственности за преступления против правосудия // Ретроспективы и перспективы права. 2016. № 10. С. 57–64.
24. Vorobchak A. R., Popovych O. V., Nalutsyshyn V. V. Crimes against justice under the legislation of the states of the European Union // International Journal of Criminology and Sociology. 2020. Vol. 9. P. 1526–1532.

REFERENCES

1. Antonyan Yu. M. [The main signs of crime]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence], 2022, no. 2, pp. 89–99.
2. Baysalueva E. F. [Development of the legislation of the Russian Federation on incidents against offenses]. In: *Nauchnyye trudy Tyumenskogo instituta professionalnogo prava MVD Rossii (k 25-letiyu Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii)* [Scientific works of Tyumen Institute of Professional Law of the Ministry of Internal Affairs of Russia (on the 25th anniversary of the Constitution of the Russian Federation): collection of works]. Tyumen, 2018, pp. 78–90.
3. Vereshchagina A. V. [Evolution of the legalization of crimes against law enforcement agencies in Russia]. In: *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i uslug* [Territory of new opportunities. Bulletin of Vladivostok State University of Economics and Services], 2022, vol. 14, no. 2, pp. 123–133.
4. Geldibaev M. Kh. *Kvalifikatsiya prestupleniy protiv pravosudiya* [Qualification of crimes against justice]. St. Petersburg, Asterion Publ., 2021. 104 p.
5. Dagal P. S., Kotov D. P. *Subyektivnaya storona prestupleniya i yeye ustanovleniye* [The subjective side of the crime and its establishment]. Voronezh, Izdatelstvo Voronezhskogo universiteta Publ., 1974. 243 p.
6. Dvorzhitskaya M. A. [Failure to report a crime: a crime against public safety or justice?]. In: Sapozhkova A. A., ed. *Ugolovnoye pravo Rossii: sostoyaniye i perspektivy (prestupleniya protiv obshchestvennoy bezopasnosti): sbornik trudov konferentsii* [Criminal law of Russia: state and prospects (crimes against public security): a collection of conference proceedings]. St. Petersburg, 2020, pp. 55–57.

7. Zhurkina O. V. [The history of the development of Russian criminal legislation providing for criminal liability for crimes against justice]. In: *Belyye pyatna rossiyskoy i mirovoy istorii* [White spots of Russian and world history], 2014, no. 3, pp. 37–46.
8. Kondratiev Yu. A., Markova T. Yu. *Prestupleniya protiv interesov pravosudiya: voprosy istorii, teorii i praktiki* [Crimes against the interests of justice: questions of history, theory and practice]. Moscow, Knorus Publ., 2019. 260 p.
9. Kuleshov Yu. I. *Prestupleniya protiv pravosudiya: problemy teorii, zakonotvorchestva i pravonarusheniya* [Crimes against justice: problems of theory, lawmaking and offenses]. Vladivostok, Izdatelstvo Dalnevostochnogo universiteta Publ., 2007. 296 p.
10. Letyagina E. A. [Historical stages and prerequisites for the development of legislation on criminal liability for crimes against justice]. In: *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law], 2019, no. 4 (16), pp. 62–68.
11. Lobanova L. V. [The significance of the scientific works of A. S. Gorelik for the development of the doctrine of counteracting crimes against justice]. In: *Sibirskiy antropologicheskii zhurnal* [Siberian Anthropological Journal], 2021, vol. 5, no. 3, pp. 316–323.
12. Magomedova Z. M. [Improving legislation on responsibility for crimes against justice]. In: *Problemy sovershenstvovaniya zakonodatelstva: sbornik nauchnykh statey studentov yuridicheskogo fakulteta* [Problems of improving legislation: a collection of scientific articles by students of the Faculty of Law]. Makhachkala, Alef Publ., 2020, pp. 208–211.
13. Markina R. F. [Problems of law enforcement of crimes against justice]. In: *Enigma* [Enigma], 2020, no. 28-1, pp. 65–68.
14. Martyshev O. V. *Volnyy Novgorod. Obshchestvenno-politicheskiy stroy i pravo feodalnoy respubliki* [Free Novgorod. Socio-political system and law of the feudal republic]. Moscow, Rossiyskoye pravo Publ., 1992. 384 p.
15. Namnyaseva V. V. [Problems of classification of crimes against justice on the grounds of the subject of the crime]. In: *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii* [Bulletin of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2010, no. 3 (14), pp. 64–71.
16. Polyakov V. Yu., Moskovsky V. V. [Crimes against the administration of justice in the practice of the International Criminal Court]. In: *Vestnik Donetskogo natsionalnogo universiteta. Seriya Ye: Yuridicheskiye nauki* [Bulletin of Donetsk National University. Series E: Legal Sciences], 2021, no. 2, pp. 68–74.
17. Popova N. N. The development of artificial intelligence technologies in the perspectives of the transformation of law: legal consciousness in the projection of the future. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence], 2021, no. 3, pp. 65–76.
18. Ridko E. V., Neveditsyn P. A. [Problems of criminal law classification of crimes against justice]. In: *Ugolovnoye pravo na pereputye: sbornik trudov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy studencheskoy konferentsii* [Criminal law at a crossroads: a collection of works of the All-Russian Scientific and Practical Student Conference]. Rostov-on-Don, 2022. P. 189–195.
19. Skvoznikov A. N. [Responsibility for crimes against justice and the interests of the public service according to the judicial officers of 1497 and 1550]. In: *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: Pravo* [Bulletin of Samara Humanitarian Academy. Series: Law], 2012, no. 1 (11), pp. 79–84.
20. Strygina I. V. [Essay on the history of crimes against justice under the criminal legislation of the pre-Soviet period]. In: *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law], 2013, no. 13, pp. 50–54.
21. Fedorov A. V. *Prestupleniya protiv pravosudiya (voprosy istorii, ponyatiya i klassifikatsii)* [Crimes against justice (questions of history, concepts and classifications)]. Kaluga, Politop Publ., 2004. 283 p.
22. Khacharova Kh. D. [Features of the criminal law characteristics of crimes against justice]. In: Galuzina A. F., Romashova R. A., eds. *Pravovaya bezopasnost v penitentsiarnoy sisteme: ponimaniye, struktura, obespecheniye* [Legal security in the penitentiary system: understanding, structure, provision]. Samara, Samarskiy yuridicheskiy institut FSIN Rossii Publ., 2012, pp. 225–233.
23. Yagodka Ya. O. [The history of the development of legislation on liability for crimes against justice]. In: *Retrospektivy i perspektivy prava* [Retrospectives and perspectives of law], 2016, no. 10, pp. 57–64.
24. Vorobchak A. R., Popovych O. V., Nalutsyshyn V. V. Crimes against justice under the legislation of the states of the European Union. In: *International Journal of Criminology and Sociology*, 2020, vol. 9, pp. 1526–1532.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дорская Александра Андреевна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Российского государственного университета правосудия (Северо-Западного филиала, г. Санкт-Петербург);
e-mail: adorskaya@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandra A. Dorskaya – Dr. Sci. (Law), Prof., Departmentally Head, Department of General Theoretical Legal Disciplines, Russian State University of Justice (The North-West Branch, St. Petersburg);
e-mail: adorskaya@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дорская А. А. Эволюция преступлений против правосудия в России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 3. С. 15–23.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-15-23

FOR CITATION

Dorskaya A. A. The Evolution of Crimes against Justice in Russia. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 3, pp. 15–23.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-15-23

УДК 340

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-24-37

МАРГИНАЛЬНОСТЬ И ИЗГОЙСТВО КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС И ОБРАЗ ПРАВОСОЗНАНИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСПАНИИ XI–XIII ВВ. ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИСТОРИКО-ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Калинина Е. Ю.

*Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
191186, г. Санкт-Петербург, Набережная р. Мойки, д. 48, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Раскрыть особенности социально-правового статуса изгоя (маргинала) на историко-правовом материале Средневековой Руси и Испании в период с XI по XIII вв. и выявить концептуально-методологическую основу и перспективы такого исследования.

Процедура и методы. Исследование проводилось в рамках культурно-антропологической парадигмы, что позволило наметить новые пути для изучения вопроса, который в современной историко-правовой науке, как в России, так и за рубежом, остаётся малоисследованным. Намечены пути для сравнительно-правового исследования данного вопроса, что позволит, используя метод аналогии, сделать обоснованное предположение об особенностях социального и правового статуса изгоев (маргиналов) в Средневековой Руси и Испании в период с XI по XIII вв.

Результаты. Выявлены островные трудности изучения изгоев (маргиналов) и их причины с использованием классической методологии, показана необходимость применения постклассической методологии в историко-правовой науке и выявлены перспективы дальнейшего исследования вопроса. Показаны особенности социального и правового статуса такой социальной группы, как изгой (маргиналы), на историко-правовом материале Средневековой Руси и Испании в период с XI по XIII вв. Выделены критерии разделения на подгруппы. Показано, что дальнейшее изучение должно базироваться на анализе источников по этим подгруппам, поскольку изгой (маргиналы) – это не компактная группа, а реконструкция совокупности лиц по одному признаку – «выпадению» из социальной структуры, вне зависимости от причин такого «выпадения».

Теоретическая и/или практическая значимость. Разработан анализ социального и правового статуса изгоев (маргиналов) и его перспектив на историко-правовом материале Средневековой Руси и Испании в период с XI по XIII вв., что определяет перспективы дальнейшего изучения вопроса в рамках постклассической историко-правовой методологии при проведении междисциплинарных сравнительно-правовых исследований.

Ключевые слова: Древняя Русь, изгой, маргинал, правосознание, социально-правовой статус, средневековая Испания

MARGINALITY AND OUTCASTNESS AS A SOCIAL AND LEGAL STATUS AND IMAGE OF LEGAL CONSCIOUSNESS IN MEDIEVAL RUSSIA AND SPAIN OF THE XI–XIII CENTURIES. AN EXPERIENCE OF COMPARATIVE HISTORICAL AND LEGAL RESEARCH

E. Kalinina

*Herzen State Pedagogical University of Russia
Naberegnaya reki Moika 48, St. Petersburg 191186, Russian Federation*

Abstract

Aim. To disclose features of the social and legal status of the outcast (marginal) on the historical and legal material of Medieval Russia and Spain in the period from the 11th to the 13th centuries and to identify the conceptual and methodological basis and prospects for further research.

Methodology. The research was conducted within the framework of the cultural and anthropological paradigm, which allowed outlining new ways to study a largely unexplored and poorly understood issue in modern historical and legal science, both in Russia and abroad. The directions for comparative legal research of this issue allow, using the method of analogy, to make a reasonable assumption about the peculiarities of the social and legal status of the outcasts (marginals) in Medieval Russia and Spain in the period from the 11th to the 13th centuries.

Results. The main difficulties of studying the outcasts (marginals) are revealed by using classical methodology. The necessity of applying postclassical methodology in historical and legal science is shown, and prospects for further research of the issue are indicated. The features of the social and legal status of such social group as the outcasts (marginals) are demonstrated on the historical and legal material of Medieval Russia and Spain in the period from the 11th to the 13d centuries. The criteria for dividing into subgroups are highlighted. It is shown that further study should be based on the analysis of sources for these subgroups, since the outcasts (marginals) are not a compact group, but a reconstruction of a set of individuals and little groups on one basis of «falling out» of the social structure, regardless of the reasons for such «falling out».

Research implications. The research is a conceptual and methodological development of the analysis of the social and legal status of the outcasts (marginals) and its prospects on the historical and legal material of Medieval Russia and Spain in the period from 11th to the 13th centuries, which determines the prospects for further study of the issue within the framework of postclassical historical and legal methodology when conducting the interdisciplinary comparative legal research.

Keywords: Medieval Russia, outcast, marginal, legal conscience, social and legal status, Medieval Spain

Введение

Вопросы, кто такие древнерусские маргиналы и изгои и каков их социально-правовой статус, в русской исторической литературе не новы. Каждый известный историк в той или иной мере касался его, хотя и не уделяя этому вопросу особого внимания, но в связи с упоминанием в тех или иных (немногочисленных) источниках. Отдельные очерки после Н. В. Калачова, который, вероятно, и открыл эту историческую дискуссию на научном уровне, в своих исторических работах по истории Древней Руси изгоем посвятили, например, М. Ф. Владимирский-Буданов, Б. Д. Греков, И. Я. Фроянов и М. Б. Свердлов. Н. В. Калачов открыл заодно и возможность сравнительно-правовой перспективы в изучении этого вопроса. Однако выводом всех изысканий, пока наиболее вероятным, остаётся известное завершение своих размышлений Б. Д. Грековым, который заявил, что «в заключение очерка об изгоях не могу не сказать, что эта катего-

рия зависимого населения древнерусского государства меньше всех других поддаётся изучению. Здесь поневоле приходится ограничиваться главным образом более или менее обоснованными предположениями» [4, с. 255]. Зарубежные исследователи также до сих пор не могут обосновать сущность социального статуса этих людей, которые по ряду причин «выпадали» из политико-правовой структуры. Они вытеснялись во всех смыслах на периферию, в т. ч. с точки зрения отношения к ним тех, кто занимал своё законное место в этой системе. Как замечают иностранные учёные, их положение характеризовалось исключением [20, р. 186]. Процесс исключения также был вызван перестановками в рамках различных социальных групп, что вызвало «отсечение» и маргинализацию тех, кто не вписывался в новый порядок. В результате к раннему Новому времени формируется так называемое сегрегационное законодательство, которое преследует множество целей,

включая остракизм и унижение [30], подчёркивая намеченный в XI–XIII вв. разрыв между группами, находящимися внутри идентификационного политико-правового пространства и на его периферии.

Впрочем, думать, что это единственный вариант отношения к маргиналам и изгоям (как к жертвам), ошибка. В правовой культуре сформировался двойственный образ этих индивидов и социальных групп: подобное положение может быть временным или постоянным (например, выкупившиеся на волю холопы на Руси), отдельные индивиды могут с лёгкостью переходить из одного социального статуса в другой (посвящение в рыцари в Кастилии в силу исторических обстоятельств происходило, невзирая на происхождение), а нередко из статуса маргинала – в статус члена определённого сословия, в т. ч. уважаемого (так, известны случаи, когда помещики в Испании ночами брались за оружие и уходили в горы заниматься контрабандой и грабежом; члены банд, «добровольно» покаявшись, т. е. когда они были на грани поимки, могли быть прощены и возвращены в общество). Некоторые маргиналы унижены и изгнаны (потерявшие социальный статус вследствие совершения поступка, несовместимого с проживанием в общине), но в ряде случаев могут отдавать приказы свободным и привилегированным (например, королевский раб в Европе, княжий холоп на Руси).

Правовой статус некоторых маргиналов, напротив, оказывается настолько ущемлённым, что они не в состоянии изменить его, например, вернуться в ту группу, которую они покинули, или попасть в новую, которая позволила бы им обладать некоторым набором прав. В науке существует мнение, что изгой, обладавший ранее всеми правами в своей социальной группе, выходя из неё, как бы оказывался вне закона и, скорее всего, уже не мог бы восстановить свой социальный и правовой статус. Но в целом мы не можем согласиться с этим, пусть авторитетным, мнением, поскольку оно основано на представлении об обществе государства современного типа, когда социальные перегородки между вполне усто-

явшимися социальными группами стали практически непроницаемыми, и человек, который оказался вне своего сословия, мог только опускаться на самое дно (например, наблюдения В. Крестовского, изложенные им в литературной форме).

Существует дискуссия: одни авторы настаивают на том, что социальная структура в раннем средневековом европейском государстве была определённой и жёсткой [7], другие склоняются к тому, что сословия только начинают формироваться к раннему Новому времени, что свидетельствует о становлении государственности современного типа [5].

Если говорить о понятиях, мы будем использовать современное понятие «маргинал» в силу его широты и отсутствия негативной лексической коннотации (как в случае с изгоем, когда само слово уже формирует определённый образ). Мы не будем вдаваться в тонкости указанных понятий, подразумевая широкие слои населения, которые не всегда компактно группировались (хотя встречались исключения, например, евреи в средневековой Европе). Нередко, по мысли А. Н. Полякова, изгойство – это не групповой, а личный статус, поскольку они не составляли компактной группы, крупной социальной общности. Оказавшись вне своего окружения, вне социальной структуры, независимо от того, к какому слою они принадлежали, силой абстрактной мысли исследователя они превращались в группу [12].

Примерно то же самое об испанских средневековых маргиналах писала Б. Медина. По её мнению, маргинал не принадлежал к определённой чётко ограниченной социальной группе. Нельзя составить «профиль» маргинала, т. е. дать закрытый перечень основных определяющих признаков [27]. Именно поэтому современному историку права прежде всего необходимо понимать, что маргиналы – это своего рода «воображаемое сообщество» (по Б. Андерсену), т. е. сконструированная правосознанием социальная группа. Такие конструкты сохраняются в исторической памяти даже дольше, чем су-

ществует какой-то политический или правовой институт, и служат для социальной идентификации.

Указанная неопределённость не позволяет полностью реконструировать социально-правовой статус маргинала ни в средневековой Руси, ни в средневековой Испании. Во многом это связано с вынужденным анахронизмом – применением современных терминов к историко-правовой действительности. В указанный период европейское общество и государство (к которому мы относим и Русь) находились в процессе становления, а следовательно, ещё не сложились социальные границы, нормы, группы и стереотипы [8, с. 117] даже для элитарных сословий [3].

Так, что целью настоящего исследования является не столько реконструкция правового статуса изгоя, сколько обрисовка основных черт его образа, сформированного в правосознании. Образ – понятие более широкое, включающее в себя не только правовые установления по поводу определённой группы, но и представление о ней, которое формируется в правосознании [10]. В рамках современной культурально-антропологической модели (а социальность является культурным [15] и антропологическим феноменом) в историко-правовой науке этот опыт служит первым шагом к заполнению существующих пробелов в знании о маргинальных социальных группах.

Формирование политико-правового пространства как объективное условие для появления маргинальных групп

Исходной точкой социальной эволюции славян можно считать, с одной стороны, общину, с другой – территориальные союзы. Эта общинность – основа средневековой русской жизни, что отражено, в частности, в Русской Правде, т. е. в сфере законодательства. По своей сути это семейная община, в которую включаются лица, не принадлежащие к семье. Но община в этот момент носила и территориальный характер, что требовало найти новые пути

для осознания общности и идентификации.

Следовательно, вервь представляется, с одной стороны, административно-правовой единицей, которая в первоначальные времена предстаёт как орудие политико-территориальной власти князя (как нарождающейся государственной власти). С другой стороны, в строении верви, вероятно, и до XIX в. прослеживается её кровно-семейная традиция. Отсюда и характер понятия «изгой» может быть различным, и трактовать его можно в расширительном и в более узком смысле. Исходя из первой позиции, понятие «изгой» становится правовым, а во втором случае его можно с большей уверенностью трактовать как социально-психологический статус. В рамках второго контекста в правосознании складывается правовой образ изгоя.

Возможно, этот процесс перерастания кровнородственной общины в территориальную влёт за собой также и добровольное «изживание» (понятие «изгой» российские учёные связывают с понятием «гоить», т. е. «жить»), уход людей, которые не желали быть связанными древними узами, поскольку существующая круговая порука тяжела как для самой верви, так и для тех, кто добровольно или вынужденно покидает её.

Приблизительно такие же процессы происходили в это же время в Европе. Сложившееся к X–XI вв. христианское европейское общество теряло кровнородственные связи между членами крестьянских и городских общин. Формирующиеся территориальные образования нуждались в идентификации и установления границ. Это способствовало созданию новых связей взамен утраченных. Община складывалась как социальная система, осознающая свою самость, которая неразрывно связана с феноменом «другого». Постепенно появляется совокупность признаков, которые позволяют, с одной стороны, связать воедино членов общин и других новых социальных образований, с другой – они очерчивают границы и обозначают сферы инаковости [21, р. 237].

Одновременно формируются более крупные образования – совокупность общин, связанных публичной властью в процессе становления. В средневековой Европе мыслители искали наиболее приемлемую социальную модель. Как раз в это время более или менее оформляется одна из них, называемая трёхчастной. Она появляется в IX в. и окончательно проявляется в XI–XII вв. Согласно этой модели, общество делится на священнослужителей, рыцарей и трудовой народ. Предполагается, что все они равнозначны [1], поскольку приносят пользу обществу, обеспечивая его существование. Даже если сделать предположение, что кто-то по какой-то причине исключался из всех 3-х групп, можно понять какое отношение в целом он к себе вызывал.

Такая модель, несомненно, знаменует становление монархии. Речь идёт о том, что складывается государственность современного типа, основополагающими признаками которой можно считать наличие границ на всех уровнях (как физических, географических, так и ментальных, социальных и т. п.).

Эта модель очень удобна своей компактностью. Существуют и другие, которые могут содержать до десятка, а то и более социальных групп. В ней можно более или менее однозначно выделить характеристики социального и политико-правового статуса членов этих групп. Но если рассмотреть эту модель внимательнее, то можно заметить, что в Европе существовало множество людей, которые не могли быть даже формально отнесены к этим группам, точнее, к последней, поскольку первые две были более компактными и формализованными. Ничто не мешает предположить, что и на Руси сложилась примерно такая же ситуация. Здесь тоже выделялись несколько групп в зависимости от разделения на город и деревню, основного занятия и степени свободы: общинники, горожане-ремесленники, купцы, духовенство, военная аристократия. Это нормальный процесс, связанный с укреплением социальной структуры, формированием

стабильных общественных, в т. ч. правовых, отношений.

Привязки к социальным группам ещё не сложились, поскольку не сложились и сами группы. Эти люди могли быть исключены из своей общины, например, по причине поведения, не вписывающегося в рамки существующей системы социальных норм. Они могли покинуть складывающуюся структуру добровольно. Выходит, что основополагающая характеристика совокупности таких лиц – это отсутствие жёсткой привязки к той или иной социальной группе, что влечёт за собой отсутствие соответствующего статуса.

Существует ещё один вариант обретения этого неясного статуса: прибытие в политико-правовую зону складывающегося государства или появление в нём объективным способом, но вне воли и желания обретающей свой статус публичной власти. Это, например, инокультурные компактные группы, которые обосновываются на определённой территории, а также дети от межкультурных браков. Сюда можно отнести и детей, рождённых в результате сексуального насилия в период военных действий [22, р. 26]. В этом случае не только отдельные социальные группы, но и государство в целом могут проявлять нетерпимость по отношению к тем, кто по какой-то причине, добровольно или вынужденно, не подчиняется установленному порядку или не вписывается в него.

Исследователями была выделена существенная особенность этой квазигруппы: изгой не обладает социально-ролевой основой, что означает, что, во-первых, они не обладают определённым набором социальных функций, а во-вторых, их положение в обществе неустойчиво, они не могут опереться на представителей какой-то группы, поскольку ни в одной из них не имеют положение, свойственное социальной роли. Их, собственно, мало что связывает, кроме статуса изгоя (или маргинала), что вызывает соответствующее отношение в общественном правосознании. Кроме того, статус изгойства означает, что эти люди вышли из определённой социальной

группы, но в каждый конкретный момент они не обладают одинаковым статусом, и к тому же у них нет одинаковых социальных, в т. ч. правовых, перспектив.

Особенности социально-правового статуса изгоев

Любопытный факт, касающийся социально-правового статуса изгоев, заключается в том, что они исключаются из политико-правового пространства, но не изгоняются за географические пределы рождающегося государства. Изгнание – это крайняя мера, на которую правительства идут редко, и оно свидетельствует о полном разрыве связей территориально-правового союза с конкретной социальной группой (например, мусульмане в Испании между 1609 и 1614 гг.). В этом случае испанских мусульман нельзя считать маргиналами или изгоями, но такая политика вытеснения их на периферию государственно-правового пространства проводилась в рассматриваемый период.

В XI–XIII вв. начинается Реконкиста, которая заключается в противостоянии между христианской и исламской цивилизациями не только на территории Испании. В Европе она выражается в Крестовых походах. Те мусульмане, чьи семьи проживали на территории Иберийского полуострова и соседствовали с христианами и иудеями, нередко делили не только деревню или улицу, но даже дом, объявлялись «чужаками». Пропаганда создавала устрашающий образ иноверцев, чтобы подготовить общество к политике вытеснения на периферию государственно-правовой системы. Возможно, с течением времени это послужило основой для физического изгнания мусульман, но в начале этого противостояния наблюдается классическая маргинализация. Обычно маргинальные группы не изгонялись, а вытеснялись на социальную или даже географическую периферию сообщества, а потому были лишены возможности полноценного участия в делах этого общества [25].

Наличие в обществе маргинальных групп, располагающихся на границах политико-правового пространства, определяет его структуру. Социальная и, в частности, правовая нормы потому и устанавливаются, что в правосознании появляется разрыв между добром и злом, хорошим поведением и плохим, между преступлением и наказанием. Социальное зло воплощается в фигуре маргиналов, поэтому средневековые авторы нередко подчёркивают, что те или иные группы относятся к маргинальным структурам, к изгоям.

Эту мысль подтверждает И. Я. Фроянов, анализируя некоторые славянские уставные грамоты. В частности, учёный отметил, что «уставная грамота князя Ростислава Мстиславича, учреждающая епископию в Смоленске, свидетельствует: “А се даю... Село Дросенское, со изгойи и з землею святей Богородици и епископу, и село Ясенское, и з бортником и з землею и с изгойи, святей Богородици и епископу...”» [19, с. 19]. Можно предположить, что в данном тексте речь идёт о том, что помимо обычных жителей, которые принадлежали к разным социальным группам и обладали устоявшимся статусом, проживало достаточное число изгоев, и автор текста умышленно подчеркнул разницу. Е. Н. Козловская указывает, например, что в вышедшие из холопства индивиды на неопределённое время могли оставаться на земле, принадлежащей бывшему хозяину [9]. Вероятно, в этом отрывке речь идёт о подобной ситуации. И. Я. Фроянов, правда, делает несколько иной вывод, показывая массовость такого явления как изгойство – целые сёла могли быть заселены исключительно такими людьми. Можно согласиться с А. Н. Поляковым, который оспаривает эту идею, показывая, что подобные абстрактные построения противоречат здравому смыслу [12, с. 294].

И. Я. Фроянов писал, что эти земли, исходя из анализа юридического документа, закрепляющего переход собственности, не принадлежали князю, но и не были общинными, а следовательно, являлись государственными [19]. Это довольно ин-

тересный вывод, который не только объясняет наличие целых поселений изгоев, но и доказывает, что уже в рассматриваемый период существовало различие (и князь это признавал) между частной собственностью князя (её можно приблизительно приравнять к европейскому домену) и землёй Руси. При этом последней князь имел право распоряжаться, например, через пожалование.

Несомненно, что такие поселения изгоев инициировались (или поощрялись) государством, и об этом можно судить, например, из рассуждения И. Я. Фроянова, который полагает, что государство проводило мероприятия по заселению незанятых земель, что обеспечивало казну за счёт выплат, которые взимались с проживающих там изгоев (точнее, людей, вышедших из традиционной социальной структуры) [19, с. 21], а заодно обеспечить местом проживания тех, кто не мог существовать в рамках общины. Впрочем, если судить по испанскому материалу, эти люди могли проживать на территории общины, но более или менее обособленно, что могло обеспечиваться за счёт различных запретов и знаков различий (например, запрет носить определённую одежду).

Простым людям не мешало культурное разнообразие или какие-либо установленные государством различия, приводящие к маргинализации, о чём свидетельствует немалое число браков, совершаемых между представителями разных религий [6, с. 15; 26] в средневековой Испании. Между разными социальными группами не существовало серьёзных перегородок, и люди вступали в самые разнообразные близкие отношения (не только сексуального характера). А. Тахири писал, что, например, последователи ислама и христиане не только жили в одном селении, нередко как соседи, т. е. не всегда проживали компактно, общинами, но даже могли делить один дом, если в нём проживало несколько семей [6, с. 154; 29, р. 139]. Типичные дома соседского типа в Испании сохранились и сегодня, так что можно составить впечатление о том, как могло быть организова-

но сожительство в более ранние времена. Довольно любопытно, что о таком типе поселения на русском Севере – домах, в которых проживали несколько семей, – писал М. Н. Покровский [11].

В действительности государство гораздо больше беспокоилось о том, что между теми, кого оно считало маргиналами, и теми, кто был «законопослушным гражданином», сохранялись и развивались интенсивные отношения. Поэтому время от времени правительство издавало правовые акты, регулирующие те или иные формы взаимоотношений. Нужно отметить, что маргиналы платили налоги, что подчеркнул и И. Я. Фроянов [19], говоря о русских изгоях (вероятно, отсюда и исходит не всегда правильно понимаемая ст. 1 Русской Правды, в которой изгой по цене за свою жизнь приравнивается не просто к свободным людям, но к тем, кто принадлежит довольно высоким сословиям). Следовательно, порой даже правящие классы не были заинтересованы в жёсткой сепарации. Как бы то ни было, применяемые меры не всегда приводили к должным результатам [28, р. 100], а судя по источникам, нередко это делалось по попустительству публичной власти.

Из сказанного можно сделать обоснованное предположение, что в указанном ранее документе речь идёт не просто о землях, заселённых исключительно изгоями или о «деревне изгоев», а о том, что изгоев, проживающих на территории общины, могли упоминать отдельно, чтобы получатель земли мог понимать, какие категории населения там проживают, т. е. что кроме общинников здесь есть люди, которые вышли или выпали из общей традиционной социальной структуры. И происходило это и в Испании, и на Руси.

Это отвечало интересам государственности несравненно больше, чем оставление их на произвол судьбы, когда община, по сути, отказывалась от таких людей. Известно, что большая их часть пополняла ряды лиц с девиантным, нередко криминальным, поведением. Вероятно, такое положение дел могло быть выгодно церкви,

которая тем или другим способом получала земли от князя или других владельцев, и живущие там частновладельческие или княжьи (государственные) крестьяне выходили из своего статуса. Было высказано мнение, что к таким изгоям могли относиться также бывшие холопы постригшихся в монахи лиц. В этом случае холопы должны были освобождаться, но они продолжали существовать под началом своих бывших хозяев. Это понимание могло быть распространено на другие подгруппы изгоев, поскольку в указанный период, как на Руси, так и в христианской Европе, правовая сфера была неразрывно связана с церковью [2].

С другой стороны, изгои, желавшие вести законопослушный образ жизни, могли объединяться и даже создавать свои поселения именно на государственной (т. е. «ничейной», но находящейся под юрисдикцией государства) земле. Таких территорий в рассматриваемый период на Руси было очень много, поскольку рождающееся русское государство ещё было весьма неустойчивым и разбросанным на огромные пространства, часть из которых находилась под властью князя лишь номинально, а фактически на многие земли власть князя вовсе не распространялась. Такая же ситуация складывалась и в христианских королевствах Испании, где публичная власть находилась в процессе становления. Существовали огромные территории, которые не были сильно заселены, в особенности на пограничье между христианской и исламской цивилизацией. Там также могли концентрироваться и организовывать собственные поселения те люди, которые по каким-либо причинам покидали общины и разрывали социальные связи. Эта особенность складывающейся публичной власти эпохи формирования государственности обуславливает возможности выживания для изгнанных из общины или покинувших её самостоятельно, точно также как возможность экстенсивного землепользования для ряда общин.

Таким образом, изгоям, в особенности тем, кто вышел из социальной структуры

не по своей воле, логичнее всего было селиться на государственной (ничейной), церковной (под защитой монастырей за определённую плату, которой являлся их трудовой вклад, что часто превращало их в подобие нечастновладельческих холопов) или княжьи (королевской) земле, чем на земле, принадлежащей аристократии, которая стремилась вернуть их в общины. В этом смысле аристократия способствовала развитию государственности современного типа, поддерживая единообразный правовой статус людей, проживающих на их территориях, хотя обычно именно сеньоры в Европе и старшие дружинники на Руси тормозили эти процессы, служа в качестве центробежных сил.

Вероятно, статус таких русских изгоев приближался к статусу королевских рабов Западной Европы. Однако была высока вероятность пожалования земли, а следовательно, такие изгои попадали под власть бояр и дружинников и получали статус холопов, насильственно возвращаясь в складывающуюся социальную структуру. Можно сделать предположение, что королевский раб в Испании или княжий холоп на Руси – это люди, находящиеся под специальной защитой публичной власти. Этот статус мог поддерживать их, не позволяя войти в состав криминальных маргинальных группировок. И напротив, некоторые из них, будучи приближенными ко двору, могли стать более значимыми людьми, чем некоторые аристократы. Хотя, конечно, нужно заметить, что таких людей было не так много. Большинство из них всё же возвращалось в социальную структуру, закрепляясь в ней в определённом качестве.

Описанная гипотеза, пожалуй, подкрепляется авторитетным мнением современного исследователя А. Н. Полякова, хотя и не всегда совпадает с мнением известных учёных, чьи исследования можно считать классическими. Возможно, предположения смелые, но они основываются на других методологических принципах, нежели те, на которых выстраивали свои концепции великие историки прошлого. Во-первых, мы привлекаем истори-

ко-сравнительный анализ, обосновывая критерии сравнения средневековых государств России и Испании, поясняя в каких случаях и почему мы считаем допустимыми аналогии. С другой стороны, это современная культурально-антропологическая парадигма, которая обязывает историка права несколько абстрагироваться от того, что написано в источнике, и попытаться реконструировать живое правосознание средневековых людей.

С этой точки зрения, нужно прислушаться к голосу А. Н. Полякова, который несколько иронично задаётся вопросом: «Трудно себе представить толпы разорившихся купцов и неграмотных поповичей, гуляющих по городам и весям и ничем не занимающихся. Совсем невозможно разглядеть среди этой воображаемой толпы осиротевших князей, даже в качестве отдельных экземпляров, не то, что целым отрядом, идущим вслед обнищавшим купцам и поповичам. В этой связи удивляет, почему принято думать, что холопов-вольноотпущенников было великое множество. Настолько много, что по воле исследователей они заселяли целые сёла, вместе с которыми и продавались» [13, с. 192].

Вопрос поставлен справедливо. Вероятно, известные и великие историки увлеклись буквальным толкованием источника и создали на этой основе картину, которая несколько не укладывается в понятие о реальности, пусть даже настолько далёкой от нас. Однако других вариантов нам пока разработать не дано. Впрочем, в качестве замечания можно заметить, что князей-изгоев, вероятно, всё же было не мало, и они, объединяясь, наносили довольно значительный ущерб князьям, которые, по их мнению, несправедливо получали престол.

Наиболее вероятным выводом может быть то, что социально-правовой статус изгоя является промежуточным. Выходя из одного статуса, в средневековом обществе необходимо приобрести некий иной, в противном случае такому человеку невозможно будет существовать. В Средние века не существовало индивидуальности,

и каждый человек определялся по тому, к какой группе он принадлежит. Трудно, почти невозможно прожить в обществе, функционирующем на основе общинных связей, не имея никакого социального статуса. Поэтому можно сделать предположение, что всегда существовала возможность потери социального статуса, вероятность порабощения для любого свободного общинника, когда он по каким-то причинам отрывался от своего сообщества, что делало его человеком, не способным более вести «нормальный» образ жизни. Не исключено также, что социальный институт изгойства отражал системные изменения в общественном строе, когда происходило формирование новых социальных групп, что порождало разрыв существующих социальных связей.

Освободившийся холоп становился изгоем на то время, пока не приобретал некоего социального статуса. Церковь старалась приходить на помощь таким людям, «опекая» их. Но вполне вероятна ситуация, когда ненашедшие своего места в социальных связях изгой либо становились маргиналами, либо вновь были вынуждены вернуться к холопскому образу жизни (а о том, что это было выгодно, свидетельствует наличие «захребетников», в т. ч. добровольных).

Заключение

Правовой статус изгоя или маргинала в средневековой европейской и русской правовой культуре нельзя считать полностью определённым. Это та группа, которая требует своих исследований. Его отверженность относительна, и она существует в более или менее завершённом виде в источниках, в т. ч. правовых. Это дало возможность историкам и историкам права, работающим в позитивистском ключе, создать нерушимую конструкцию, в рамках которой понятие изгойства и маргинальности всегда носит негативный характер.

Вместе с тем представители власти и простонародье в целом по-разному отно-

силось к этим людям. Отношение определялось не самим статусом изгойства, а тем, к какой именно подгруппе маргиналов они относились. Очевидно, что к преступнику, прокажённому, беглому должнику, выпившемуся на волю холопу, паломнику, деревенской колдунье, сбежавшему мужу или жене, промотавшему состоянию купцу и т. п. было разное отношение. Поэтому, говоря об отверженности маргиналов, нужно понимать, что она относительная. Мир маргиналов огромный и разнообразный. Их могут физически устранять из общества, а могут лишь вытеснять на периферию. В любом случае их редко изгоняют из государства.

Как отметил Н. А. Сайнаков, всё многообразное сообщество маргиналов можно разделить на 2 большие группы [16]:

1) девианты или оппозиционеры по отношению к общественному устройству, те, кто стремится дезорганизовать общественный правопорядок, противопоставить себя ему. Нередко это те, кто добровольно выходит из социальной структуры, или те, кто покидает её по обстоятельствам, не зависящим от их воли, но не может вступить в иную социальную группу, найти себе источник пропитания, не связанный с противоправным поведением;

2) те, кто не противопоставляет себя обществу, те, кто пытается найти своё место в нём, не стремится к разрушению. В любом случае такое их положение ведёт к тому, что остальное общество не принимает их как равных себе.

В этом смысле можно согласиться с утверждением о казуальности поведения [18] людей, которые становятся маргиналами, будучи вытесненными на социальную периферию. В ряде случаев они могут находиться на границе, установленной официальной правовой культурой, между правомерным и неправомерным поведением [17], пересекая или не пересекая её в зависимости от обстоятельств.

Для самого государства изгой может быть очень важной фигурой, поскольку он представляет собой обратную сторону социального порядка и правоотноше-

ний. Его поведение, внешний вид могут служить образцом того, как не нужно поступать. Благодаря им, публичная власть легитимируется, поскольку они высвечивают те негативные стороны социального общежития, которые декларируются как нежелательные, в т. ч. с правовой точки зрения.

Проблема изучения изгоев и маргиналов связана с тем, что они не оставили о себе письменных известий. Их культура в основном была бесписьменной, а если какие-то источники и были, то официальная культура стремилась отправить и их на периферию общей культуры. Известно, что во все времена книжники держали у себя некие источники, связанные с теми или иными представителями маргинальной культуры, но поскольку они достоверно неизвестны, то эти сведения пока можно считать преданием, не имеющим под собой основания.

Официальным летописцам упоминания о маргиналах были нужны чаще всего для того, чтобы высветить положительные стороны официальной правовой культуры за счёт показа изнанки общества. Причём ни современники, ни исследователи Нового и Новейшего времени практически не уделяли маргиналам должного внимания. Фарисейская мораль XIX в. старалась замалчивать негативные стороны социальной жизни в тот момент, когда маргинальность и изгойство стали катастрофой, которая во многом стала одной из причин революционного движения.

Современная история права призвана вернуть средневековым маргиналам голос, путём реконструкции их правового статуса и образа, который формировался в рамках официального правосознания и закладывался в обыденное. Это большая и важная задача, поскольку на сегодняшний день в распоряжении учёных имеется не так много традиционных источников, позволяющих создать комплексный образ средневекового маргинала. Многие источники выстраиваются согласно типичному механизму формирования стереотипов, которые подчёркивают разницу между об-

ществом и «другими», формируя понятие инаковости [24]. Наверное, сегодня уже не стоит подчёркивать тот факт, что эти образы были далеки от реальности и представляли собой конструкции коллективного воображаемого.

Трудность заключается и в том, что, помимо лишения голоса в истории, маргиналы не были компактной группой, а представляли собой совокупность различных подгрупп, которых объединяло отсутствие или значительное умаление социального статуса, выпадение из социальной структуры. Поэтому их идентификационные границы, позволяющие чётко обрисовать их

правовой статус, размыты, а пространство, в котором они существуют (не только географическое, но и ментальное), формально не определено [23]. Тем не менее, как отмечают исследователи, их «безмолвность» не означает анонимность: особенности их образа в правосознании населения, и правовой статус можно определить по их «делам», т. е. по определённым проявлениям, в той или иной мере и тем или иным способом, запечатлённым в источниках разного уровня [14].

Статья поступила в редакцию 13.07.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнаутова Ю. Е. Модели истолкования социальной действительности в Средние века // Преподаватель XXI век. 2019. № 4–2. С. 241–252.
2. Бредихин А. Л. Правовая культура России в период ранней государственности (IX в. – середина XVI в.) // Право: ретроспектива и перспектива. 2020. № 3. С. 8–13.
3. Васильев А. А., Мухопад В. В. Правовые предпосылки зарождения элиты в России X–XVII вв. // Пролог: журнал о праве. 2019. № 4. С. 2–10.
4. Греков Б. Д. Киевская Русь. М.: Госполитиздат, 1953. 568 с.
5. Емченко Е. Б. Социальная стратификация и институты представительства по материалам Стоглава // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. №1. С. 64–86.
6. Калинина Е. Ю. Становление государственно-правовой системы средневековой Испании: цивилизационный подход: дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2021. 398 с.
7. Княжев В. Ю. Изменение круга охраняемых правом отношений как показатель эволюции русской государственности в XI–XVII вв. // Вопросы российской юстиции. 2021. № 11. С. 81–98.
8. Козловская Е. Н. К вопросу о проблеме актуальности смыслового содержания термина «социальный статус» в Древней Руси X–XIII вв. // Европа в Средние века и Новое время: общество, власть, культура: материалы VI Всероссийской с международным участием научной конференции молодых учёных. Ижевск: Ижевский институт компьютерных исследований, 2019. С. 116–122.
9. Козловская Е. Н. Социальная мобильность в Древней Руси (по материалам законодательных актов X–XIII веков) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2019. Т. 29. № 1. С. 135–140.
10. Обухова О. Н., Байкова О. В. Средства языковой объективации образа немецкого рыцаря в художественной картине мира Средневековья // Научный диалог. 2020. № 7. С. 158–176.
11. Покровский М. Н. Русская история с древнейших времён: в 4 т. Т. I. М.: Берлин: Директ-Медиа, 2020. 303 с.
12. Поляков А. Н. Киевская Русь как цивилизация. Оренбург: ОГУ, 2010. 484 с.
13. Поляков А. Н. К вопросу об изгоях в Древней Руси // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 10-1 (60). С. 191–193.
14. Розин В. М. Прологомены к реконструкции социальности Средних веков // Культура и искусство. 2018. № 3. С. 21–32.
15. Розин В. М. Становление и этапы развития европейской социальности // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11. № 1-1. С. 11–33.
16. Сайнаков Н. А. Изгойство и маргинальность в социальном пространстве Древней Руси // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 414. С. 114–120.
17. Солдатов Я. В. Критерии правомерности аномативного поведения в истории западноевропейского средневекового права // Образование и право. 2018. № 10. С. 261–264.
18. Солдатов Я. В., Солдатова А. А. Современная концепция маргинального поведения: общетеоретические и методологические проблемы // Образование и право. 2019. № 6. С. 29–32.

19. Фроянов И. Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1999. 372 с.
20. Gutiérrez Bacos F. Los marginados en la pintura española de estilo gótico lineal: un discurso iconográfico para la afirmación de valores establecidos // *Relegados al Margen: Marginalidad y espacios marginales en la cultura medieval*. Madrid: CSIC, 2009. P. 185–198.
21. Jakobsson S. Saracen Sensibilities: Muslims and Otherness in Medieval Saga Literature // *The Journal of English and Germanic Philology*. 2016. Vol. 115. № 2. P. 213–238.
22. Jotischky A. Ethnic and Religious Categories in the Treatment of Jews and Muslims in the Crusader States // Jotischky A. *Antisemitism and Islamophobia in Europe: a shared story?* London: Palgrave Macmillan, 2017. P. 25–49.
23. Lahoz L. Marginados y proscritos en la escultura gótica. Textos y contextos // *Relegados al Margen: Marginalidad y espacios marginales en la cultura medieval* / eds. I. M. Arias, A. B. Muñoz Martínez, F. V. Sebastián. Madrid, CSIC, 2008. P. 213–244.
24. López Q. J., Kazanski M., Ivanišević V. Ethnicities, entangled identities and Otherness in Late Antique and Early Medieval Europe. Views for an Interdisciplinary Research Agenda // López Q. J., Kazanski J. M., Ivanišević V. *Entangled Identities and Otherness in Late Antique and Early Medieval Europe*. Oxford, 2017. 237 p.
25. Manzi O. Los marginales en la Edad Media a través de los cuentos de Canterbury de Godofredo Chaucer // *Universidad*. 1979. № 92. P. 9–39.
26. Marín Guzmán R. Las fuentes árabes para la reconstrucción de la historia social de la España musulmana. Estudio y clasificación // *Estudios de Asia y África*. 2004. Vol. 39. № 3 (125). P. 513–572.
27. Medina B. Márgenes y marginados en el arte medieval. Los pecadores como marginados: el caso de la Lujuria [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/31982055/M%C3%A1rgenes_y_marginados_en_el_arte_medieval_Los_pecadores_como_marginados_el_caso_de_la_Lujuria (дата обращения: 25.06.2022).
28. Narbona Vizcaíno R. Tras los rastros de la cultura popular: hechicería, supersticiones y curanderismo en Valencia Medieval // *Edad Media: revista de historia*. 1998. № 1. P. 91–110.
29. Tahiri A. Las clases populares en al-Andalus. Málaga: Editorial SARRIA, 2003. 139 p.
30. Tartakoff P. Segregatory Legislation and Jewish Religious Influence on Christians in the Thirteenth Century // *Medieval Minorities: Law and Multiconfessional Societies in the Middle Ages* / eds. J. Tolan, C. Nemo-Pekelman, J. Mazur, Y. Masset. Turnhout: Brepols, 2017. P. 265–275.

REFERENCES

1. Arnautova Yu. E. [Interpretation models of social computing in the Middle Ages]. In: *Prepodavatel XXI vek* [Lecturer 21st century], 2019, no. 4–2, pp. 241–252.
2. Bredikhin A. L. [Legal culture of Russia in the period of early statehood (9th – mid-16th centuries)]. In: *Pravo: retrospektiva i perspektiva* [Law: retrospective and perspective], 2020, no. 3, pp. 8–13.
3. Vasiliev A. A., Mukhopad V. V. [Legal prerequisites for the emergence of the elite in Russia in the 10th–17th centuries]. In: *Prolog: zhurnal o prave* [Prologue: a journal about law], 2019, no. 4, pp. 2–10.
4. Grekov B. D. *Kiyevskaya Rus* [Kievan Rus]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1953. 568 p.
5. Yemchenko E. B. [Social stratification and institutions of representation based on the materials of Stoglav]. In: *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tura, smysl* [Locus: people, society, cultures, meanings], 2020, no. 1, pp. 64–86.
6. Kalinina E. Yu. *Stanovleniye gosudarstvenno-pravovoy sistemy srednevekovoy Ispanii: tsivilizatsionnyy podkhod: dis. ... dokt. yurid. nauk*. [Formation of the state-legal system of medieval Spain: a civilizational approach: Dr. Sci. thesis in Legal sciences]. St. Petersburg, 2021. 398 p.
7. Knyazhev V. Yu. [Changing the range of relations protected by law as an indicator of the evolution of Russian statehood in the 11th–17th centuries]. In: *Voprosy rossiyskoy yustitsii* [Issues of Russian justice], 2021, no. 11, pp. 81–98.
8. Kozlovskaya E. N. [On the issue of the semantic content relevance of the term «social status» in Ancient Russia in the 10th–13th centuries]. In: [Europe in the Middle Ages and Modern times: society, power, culture: materials of the VI All-Russian scientific conference of young scientists with international participation]. Izhevsk, Izhevsk Institute for Computer Research, 2019, pp. 116–122.
9. Kozlovskaya E. N. [Social mobility in Ancient Russia (based on legislative acts of the 10th–13th centuries)]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology], 2019, vol. 29, no. 1, pp. 135–140.

10. Obukhova O. N., Baikova O. V. [Means of linguistic objectification of the image of a German knight in the artistic worldview of the Middle Ages]. In: *Nauchniy dialog* [Scientific Dialogue], 2020, no. 7, pp. 158–176.
11. Pokrovsky M. N. *Russkaya istoriya s drevneyshikh vremen. T. I* [Russian history since ancient times. Vol. I]. Moscow, Berlin, Direct-Media Publ., 2020. 303 p.
12. Polyakov A. N. *Kiyevskaya Rus kak tsivilizatsiya* [Kievan Rus as a civilization]. Orenburg, OGU Publ., 2010. 484 p.
13. Polyakov A. N. [On the issue of outcasts in Ancient Russia]. In: *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University], 2006, no. 10-1 (60), pp. 191–193.
14. Rozin V. M. [Prolegomins to the reconstruction of the sociality of the Middle Ages]. In: *Kultura i iskusstvo* [Culture and Art], 2018, no. 3, pp. 21–32.
15. Rozin V. M. [Formation and stages of development of European sociality]. In: *Idey i idealy* [Formation and stages of European sociality development], 2019, vol. 11, no. 1-1, pp. 11–33.
16. Saynakov N. A. Outcast and marginality in the social space of Ancient Russia]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University], 2017, no. 414, pp. 114–120.
17. Soldatov Ya. V. [Criteria for the legitimacy of anormative behavior in the history of Western European medieval law]. In: *Obrazovaniye i pravo* [Education and Law], 2018, no. 10, pp. 261–264.
18. Soldatov Ya. V., Soldatova A. A. [The modern concept of marginal behavior: general theoretical and methodological problems]. In: *Obrazovaniye i pravo* [Education and law], 2019, no. 6, pp. 29–32.
19. Froyanov I. Ya. *Kiyevskaya Rus: Glavnyye cherty sotsialno-ekonomicheskogo stroya* [Kievan Rus: The main features of the socio-economic system]. St. Petersburg, St.-Petersburg University Publ., 1999. 372 p.
20. Gutiérrez Bacos F. Los marginados en la pintura española de estilo gótico lineal: un discurso iconográfico para la afirmación de valores establecidos. In: *Relegados al Margen: Marginalidad y espacios marginales en la cultura medieval*. Madrid, CSIC, 2009. P. 185–198.
21. Jakobsson S. Saracen Sensibilities: Muslims and Otherness in Medieval Saga Literature. In: *The Journal of English and Germanic Philology*, 2016, vol. 115, no. 2, pp. 213–238.
22. Jotischky A. Ethnic and Religious Categories in the Treatment of Jews and Muslims in the Crusader States. In: Jotischky A. *Antisemitism and Islamophobia in Europe: a shared story?* London, Palgrave Macmillan, 2017, pp. 25–49.
23. Lahoz L. Marginados y proscritos en la escultura gótica. Textos y contextos. In: Arias I. M., Muñoz Martínez A. B., Sebastián F. V., eds. *Relegados al Margen: Marginalidad y espacios marginales en la cultura medieval*. Madrid, CSIC, 2008, pp. 213–244.
24. López Q. J., Kazanski M., Ivanišević V. Ethnicities, entangled identities and Otherness in Late Antique and Early Medieval Europe. Views for an Interdisciplinary Research Agenda. In: López Q. J., Kazanski J. M., Ivanišević V. *Entangled Identities and Otherness in Late Antique and Early Medieval Europe*. Oxford, 2017. 237 p.
25. Manzi O. Los marginales en la Edad Media a través de los cuentos de Canterbury de Godofredo Chaucer. In: *Universidad*, 1979, no. 92, pp. 9–39.
26. Marín Guzmán R. Las fuentes árabes para la reconstrucción de la historia social de la España musulmana. Estudio y clasificación. In: *Estudios de Asia y Africa*, 2004, vol. 39, no. 3 (125), pp. 513–572.
27. Medina B. *Márgenes y marginados en el arte medieval. Los pecadores como marginados: el caso de la Lujuria*. Available at: https://www.academia.edu/31982055/M%C3%A1rgenes_y_marginados_en_el_arte_medieval_Los_pecadores_como_marginados_el_caso_de_la_Lujuria (accessed: 25.06.2022)
28. Narbona Vizcaíno R. Tras los rastros de la cultura popular: hechicería, supersticiones y curanderismo en Valencia Medieval. In: *Edad Media: revista de historia*, 1998, no. 1, pp. 91–110.
29. Tahiri A. Las clases populares en al-Andalus. Malaga, Editorial SARRIA, 2003. 139 p.
30. Tartakoff P. Segregatory Legislation and Jewish Religious Influence on Christians in the Thirteenth Century. In: Tolán J., Nemo-Pekelman C., Mazur J., Masset Y., eds. *Medieval Minorities: Law and Multiconfessional Societies in the Middle Ages*. Turnhout, Brepols, 2017, pp. 265–75

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Калинина Елена Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права и гражданско-правового образования Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена;

e-mail: bellaflor@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena Yu. Kalinina – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Theory of Law and Civic Law Education, Herzen State Pedagogical University of Russia;

e-mail: bellaflor@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Калинина Е. Ю. Маргинальность и изгойство как социально-правовой статус и образ правосознания в Древней Руси и средневековой Испании XI–XIII вв. Опыт сравнительного историко-правового исследования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 3. С. 24–37.

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-24-37

FOR CITATION

Kalinina E. Yu. Marginality and Outcastness as a Social and Legal Status and Image of Legal Consciousness in Medieval Russia and Spain of the 11th–13th Centuries. An experience of Comparative Historical and Legal Research. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 3, pp. 24–37.

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-24-37

УДК 340.158

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-38-43

ПОНЯТИЕ «ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО» В СОВЕТСКОМ ПРАВЕ

Красавцева Н. Г.*Независимый исследователь*

Аннотация

Цель. Сформировать понятие «государственное жилищное строительство» на основе анализа нормативных правовых актов СССР.

Процедура и методы. В работе использованы диалектический подход, приёмы формальной логики и частнонаучные методы юридической конструкции и технического определения.

Результаты. Исследование показало, что трансформация термина «государственное жилищное строительство» со второй половины 1920-х гг. и до конца 1960-х гг. является показателем изменений в жилищной политике государства.

Теоретическая и/или практическая значимость. Сформулировано авторское понятие «государственное жилищное строительство», выявлены субъекты, выполнявшие от лица Советского государства функции застройщиков жилых объектов.

Ключевые слова: государственное жилищное строительство, СССР, жилищная политика, застройщик, местные советы, исполкомы

THE TERM OF «GOVERNMENT HOUSING CONSTRUCTION» IN SOVIET LAW

N. Krasavtseva*Independent researcher*

Abstract

Aim. To form the definition of «government housing construction» based on the analysis of the normative legal acts of the USSR.

Methodology. The study used a dialectical approach, formal logic techniques and private scientific methods of legal construction and technical definition.

Results. The research showed that the transformation of the term «government housing construction» was an indicator of the changes in the housing policy of the state starting from the second half of the 1920s and to the end of the 1960s.

Research implications. The author's term of «government housing construction» is formulated, the subjects performing the functions of developers of residential facilities on behalf of the Soviet state are identified.

Keywords: government housing, the USSR, housing policy, developer, local soviets, executive committees

Введение

Институт государственного жилищного строительства возник и развивался в советский период истории нашей страны. Несколько десятилетий эволюции правового регулирования данных отношений позволили нашим предшественникам накопить опыт решения проблем и противоречий, который мог бы быть полезен и в современных реалиях.

Например, осуществление банками контроля целевого использования застройщиками денежных средств участников долевого строительства, введённого в рамках реформы законодательства о долевом строительстве в 2018 г., является инструментом, заимствованным как раз из советского прошлого. Кроме того, в мире прослеживается тенденция к расширению государственного участия в строительстве жилых объектов для удовлетворения потребностей населения в доступном жилье [7; 8; 9].

Все названные факторы свидетельствуют об актуальности научной разработки настоящей темы.

Понятийный аппарат образует теоретическую основу исследования в любой научной области. Профессор Д. Ю. Шапсугов в статье о проблеме конструирования понятий отметил, что «в юриспруденции стало признаком высокого профессионализма начинать исследование с дефиниции, определяющей предмет, который будет считаться уже установленным. После этого предмет уже можно исследовать» [5, с. 10]. Но в отсутствие устоявшейся терминологии в области интересов необходимо проделать предварительную работу по её созданию для установления рамок исследования.

Методологической основой для формирования юридических понятий являются общие приёмы формальной логики (анализ, синтез, абстрагирование и пр.) и основанные на них частнонаучные методы юридической конструкции и технического определения. А. М. Михайлов описывал метод юридической конструкции как «последовательное применение приёмов юридического анализа (сведение юридического материала к простым элементам)»¹, а С. Н. Касаткин в статье об аналитической юриспруденции Г. Харта указывал на применение учёным метода технического определения (классической дефиниции), результатом которого является «универ-

сальный синоним определяемого слова, логическая формула необходимых и достаточных условий его применения» [1, с. 52].

До настоящего момента термин «государственное жилищное строительство» в научных трудах не исследовался. В доктрине имеются работы Е. А. Онишиной и М. В. Рыбалка [3], А. С. Шульгинова и И. А. Елисеевой [6], посвящённые родовому понятию «жилищное строительство». В первом случае авторы дали определение жилищного строительства в широком (создание объектов жилищных прав) и в узком смыслах (процесс возведения жилых зданий (жилых домов) и строений, пригодных для проживания граждан). Во второй работе под жилищным строительством авторы приняли «создание зданий, осуществляемое в том числе и на месте сносимых объектов капитального строительства, при котором создаются новые жилые помещения, включённые в жилищный фонд России, являющиеся объектами жилищных прав, отвечающие требованиям, установленными ЖК РФ, Постановлением Правительства РФ № 47 и иными подзаконными актами ведомственного характера».

Результат работы А. С. Шульгинова и И. А. Елисеевой имеет сложную конструкцию и вряд ли может быть признан универсальным синонимом определяемого термина. А вот определение жилищного строительства в узком смысле, сформированное Е. А. Онишиной и М. В. Рыбалка, подходит для использования в строительной деятельности.

Целью настоящего исследования является формирование дефиниции «государственное жилищное строительство» на основе анализа нормативных правовых актов СССР о капитальном строительстве. В процессе работы следует определить перечень лиц, выполняющих от имени государства функции застройщика при строительстве жилых объектов, а также виды построек, относящихся к жилью. Изучение предмета исследования в его эволюции поможет выявить характер изменений в жилищной политике государства.

¹ Михайлов А. М. «Юриспруденция понятий»: юридическое конструирование, «биология права» и историческая школа юристов // Право блог: [сайт]. URL: <https://blog.pravo.ru/blog/1444.html> (дата обращения: 16.06.2022).

Объекты государственного жилищного строительства

После утверждения объединённым Пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б), проводимым 14–23 июля 1926 г., резолюции «По жилищному строительству» [2, с. 54–56], где главными застройщиками рабочих жилищ были названы хозорганы и исполкомы, в СССР началось активное нормативное развитие соответствующих общественных отношений.

Так, в постановлении СНК РСФСР от 17 декабря 1927 г. «Об утверждении Положения об условиях и порядке кредитования за счёт основных капиталов коммунальных банков индивидуальных застройщиков из числа рабочих и служащих» было указано, что кредиты на индивидуальное жилищное строительство допустимы лишь в тех районах, «где государственное и кооперативное жилищное строительство недостаточно развито и не может удовлетворить потребности рабочего населения в жилищах»¹.

В общесоюзном акте 1928 г.² индивидуальному жилищному строительству также было противопоставлено государственное и кооперативное жилищное строительство, но указано, что вопросы укрупнения и концентрации жилищного строительства подлежали разрешению независимо от того, какой категории застройщики его осуществляли. Таким образом, является ли строительство индивидуальным, кооперативным или государственным, зависело от того, какой застройщик его производит.

Позднее о государственном жилищном строительстве говорилось и в постановлении ЦК КПСС, Совета Министров СССР № 931 от 31 июля 1957 г. «О развитии жилищного строительства в СССР»³, определившим его объёмы на шестую пятилетку и активную стадию жилищной реформы. Тем не менее можно отметить, что государственное жилищное строительство не

имело законодательного определения в советском праве.

Родовое понятие «жилищное строительство» с 1920-х гг. также использовалось законодателем в правовых актах и даже в названии специализированного кредитного учреждения (Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства). Однако и данный термин легально установленного определения в советском праве не получил.

Объекты строительства, на которые распространялись нормативные правовые акты СССР по данному виду деятельности, не обобщались законодательно. В разные годы к таким объектам относились жилища или даже более конкретно – рабочие жилища⁴, рабочие посёлки⁵, жилые строения⁶, жилые дома⁷, жилые здания⁸ или здания (сооружения) жилищного назначения⁹. Строились и общежития, интернаты, дома инвалидов и престарелых, включающие в себя жилую площадь, но здания которых являлись нежилыми. В то же время для обозначения в законодательстве объектов жилищных прав граждан исполь-

⁴ Понятие было распространено в 1920-х гг. Напр., постановление ЦИК и СНК СССР от 03.04.1925 «О целевом квартирном налоге на нужды строительства рабочих жилищ» // СУ СССР. 1925. № 26. Ст. 178.

⁵ Напр., в Инструкции о порядке отвода земельных участков под строительство в городах и рабочих посёлках, утв. Приказом НКХ РСФСР от 16.04.1941 № 189 // СПС Консультант Плюс.

⁶ См.: Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 14.01.1927 «О налоговых льготах государственным учреждениям и предприятиям, организациям и лицам, возводящим жилые строения» // СЗ СССР. 1927. № 5. Ст. 46.

⁷ См.: постановление Экономического Совета РСФСР от 31.12.1927 «Об утверждении строительных правил и норм для постройки жилых домов в посёлках на территории РСФСР» // СУ РСФСР. 1928. № 21. Ст. 156.

⁸ См.: Постановление Совета Министров СССР от 24.11.1950 № 4718 «О развитии производства железобетона для строительства жилых зданий и объектов культурно-бытового назначения в г. Москве» // СПС Консультант Плюс.

⁹ В постановлении СНК СССР № 1110 от 16.08.1944 «О Государственном архитектурно-строительном контроле (вместе с Положением о государственном архитектурно-строительном контроле)» // СПС Консультант Плюс.

¹ СУ РСФСР. 1928. № 1. Ст. 9.

² Постановление ЦИК и СНК СССР от 04.01.1928 г. «О жилищной политике» // СЗ СССР. 1928. № 6. Ст. 49.

³ СП СССР. 1957. № 9. Ст. 102.

зовалось понятие «жилые помещения» в домах, либо не указывалось наименование здания, в котором они находились¹.

При проведении технической инвентаризации жилищного фонда в городах, рабочих, дачных и курортных посёлках объекты недвижимого имущества именовались по тексту нормативных актов преимущественно «строения» независимо от того, в чьей собственности или ведении находился объект². Л. В. Чиканова в работе о доктринальных подходах к определению понятия «строение» со ссылкой на И. Л. Брауде указывала, что данный термин был «наиболее принят» в советском законодательстве [4, с. 109].

Объединяя терминологию, использованную советскими законодателями, можно сформулировать следующий вывод: в рамках государственного жилищного строительства строились жилые помещения в жилых и нежилых строениях.

Государственный застройщик в советском праве

Советские нормативные акты исходили из необходимости для лица, осуществляющего строительство, иметь право на земельный участок для этих целей. Ещё в Декрете ВЦИК от 19 февраля 1918 г. «О социализации земли»³ было указано, что с целью застройки отдельными участками земли могут пользоваться органы Советской власти, общественные организации, отдельные семьи и лица, торго-

во-промышленные и транспортные предприятия, определив тем самым перечень возможных застройщиков. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г.⁴ позволял заключать договоры о праве застройки «юридическим и физическим лицам всех категорий» и использовал понятие «застройщик» без раскрытия его нормативного содержания.

В правовых актах застройщиками объектов жилого назначения назывались предприятия промышленности, транспорта и местные советы⁵, народные комиссариаты⁶ и находящиеся в их ведении предприятия⁷, исполнительные комитеты, государственные учреждения и их хозяйственные предприятия⁸, государственные хозяйственные учреждения и предприятия и местные советы⁹. Различия формулировок не свидетельствует о расширении или изменении субъектного состава, а являются следствием недостатков юридической техники советских законодателей. В ненормативных документах, помимо населения и кооперации, указывались следующие категории застройщиков жилья: промышленность, транспорт и исполкомы¹⁰.

Позднее, постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31.07.1957 г. «О развитии жилищного строительства в СССР» обязанности заказчика по жи-

¹ Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 13.06.1923 «Об оплате жилых помещений в поселениях городского типа» // СУ РСФСР. 1923. № 55. Ст. 540; постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 15.08.1928 г. «Об оплате жилых помещений в домах, принадлежащих государственным промышленным предприятиям» // СЗ СССР. 1928. № 57. Ст. 498; Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 06.03.1929 г. «Об оплате жилых помещений в домах, принадлежащих органам транспорта» // СЗ СССР. 1929. № 23. Ст. 195.

² Приказ НКХ РСФСР от 12.04.1944 № 155 «О введении в действие Инструкции по проведению технической инвентаризации строений и текущей регистрации инвентарных изменений в домовом фонде городов, рабочих, дачных и курортных поселков РСФСР» // СПС Консультант Плюс.

³ СУ РСФСР. 1918. № 25. Ст. 346.

⁴ СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

⁵ Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 04.01.1928 «О жилищной политике» // СЗ СССР. 1928. № 6. Ст. 49.

⁶ После преобразования на основании закона СССР от 15.03.1946 «О преобразовании Совета Народных Комиссаров СССР в Совет Министров СССР и Советов Народных Комиссаров союзных и автономных республик – в Советы Министров союзных и автономных республик» (Ведомости ВС СССР. 1946. № 10) – министерства.

⁷ Постановление СТО СССР от 28.07.1926 «Об утверждении Временных строительных правил и норм для постройки жилых домов в поселках» // СЗ СССР. 1926. № 53. Ст.ст. 391, 392.

⁸ Постановление ЭКОСО РСФСР от 19.03.1927 «О регулировании жилищного строительства, осуществляемого исполнительными комитетами, государственными учреждениями и кооперацией» // СУ РСФСР. 1927. № 31. Ст. 211.

⁹ Положение о местных финансах, утвержденное постановлением ЦИК СССР от 25.04.1926 г. // СЗ СССР. 1926. № 31. Ст. 199.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р5515. Оп. 29. Д. 141. Л. 15.

лищному, культурно-бытовому и коммунальному строительству в городах, выполняемому подрядным способом, были возложены на исполнительные комитеты местных советов, которые в дальнейшем стали едиными заказчиками по строительству жилых домов¹.

Таким образом, государственными застройщиками жилья первоначально были определены различные органы и учреждения, но в конце 1960-х гг. перечень таких организаций был существенно сужен.

Заключение

В завершении отметим, что под государственным жилищным строительством в СССР можно понимать создание жилых помещений в жилых и нежилых строениях государственными застройщиками, к которым относились местные советы и

их исполнительные органы, наркоматы (с 1946 г. министерства) и находящиеся в их ведении государственные учреждения и хозрасчетные предприятия.

Выявленный период складывания указанного термина позволяет сделать вывод о том, что со второй половины 1920-х гг. у законодателя уже имелось видение жилищной проблемы, решение которой предполагалось с помощью развития государственного жилищного строительства. Завершение формирования понятия в конце 1960-х гг. является показателем нового качества жилищной политики, достигнутого путём развития всего комплекса взаимосвязанных отношений в сфере финансов, управления, контроля, архитектуры и строительства.

Статья поступила в редакцию 13.07.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Касаткин С. Н. Объяснение правовых понятий в аналитической юриспруденции г. Харта: методология и проблематизация // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 1. С. 43–71.
2. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986): в 16 т. Т. 4: 1926–1929. М.: Политиздат, 1984. 575 с.
3. Онишина Е. А. К вопросу о понятии жилищного строительства // Молодой учёный. 2015. № 14 (94). С. 367–370.
4. Чиконова Л. В. Доктринальные подходы к определению понятия «строения» // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 9А. С. 107–114.
5. Шапсугов Д. Ю. Юриспруденция и проблема конструирования понятий права как свободы, данности и видимости // Северо-кавказский юридический вестник. 2019. № 4. С. 9–14. DOI: 10.22394/2074-7306-2019-1-4-9-14
6. Шульгинов А. С. Понятие «жилищное строительство» в российском законодательстве и доктрине // Интернаука. 2022. № 4–5 (227). С. 30–31.
7. Çelik Ö. The roles of the state in the financialisation of housing in Turkey // Housing Studies. 2021. DOI: 10.1080/02673037.2021.1928003
8. Hananel R., Krefetz S. P., Vatury A. Public Housing Matters: Public Housing Policy in Sweden, the United States, and Israel // Journal of Planning Education and Research. 2021. Vol. 41 (4). P. 461–476. DOI: 10.1177/0739456X18793702
9. Sundström A., Ahmadi Z. The mediating role of CSR on the market orientation and strategic performance relationship-A study of the public housing companies in Sweden // Sustainability (Switzerland). 2019. Vol. 11(6). DOI: 10.3390/su11061537.

REFERENCES

1. Kasatkin S. N. [Explanation of legal concepts in the analytical jurisprudence of Hart: methodology and problematization]. In: *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 2018, no. 1, pp. 43–71.
2. *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuz v rezolyuciyaх i resheniyax sezdov, konferencij i plenumov CzK (1898–1986). v 16 t. T. 4: 1926–1929* [The Communist Party of the Soviet Union in the resolutions

¹ О частичном изменении п. 3 постановления Совета Министров СССР от 29.06.1960 № 692: постановление Совета Министров СССР № 877 от 14.11.1968 г. // СП СССР. 1968. № 22. Ст. 160.

- and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986). Vol. 4: 1926–1929]. Moscow, Politizdat Publ., 1984. 575 p.
3. Onishina E. A. [On the question of the concept of housing construction]. In: *Molodoj uchenyj* [Young scientist], 2015, no. 14 (94), pp. 367–370.
 4. Chikonova L. V. [Doctrinal approaches to the definition of the concept of «structure»]. In: *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava* [Questions of Russian and international law], 2018, vol. 8, no. 9A, pp. 107–114.
 5. Shapsugov D. Yu. [Jurisprudence and the problem of constructing the concepts of law as freedom, reality and visibility]. In: *Severo-kavkazskij yuridicheskij vestnik* [North Caucasian Legal Bulletin], 2019, no. 4, pp. 9–14. DOI: 10.22394/2074-7306-2019-1-4-9-14
 6. Shulginov A. S. [The concept of «housing construction» in Russian legislation and doctrine]. In: *Internauka* [Interscience], 2022, no. 4–5 (227), pp. 30–31.
 7. Çelik Ö. The roles of the state in the financialisation of housing in Turkey. In: *Housing Studies*, 2021. DOI: 10.1080/02673037.2021.1928003
 8. Hananel R., Krefetz S. P., Vatury A. Public Housing Matters: Public Housing Police in Sweden, the United States, and Israel. In: *Journal of Planning Education and Research*, 2021, vol. 41 (4), pp. 461–476. DOI: 10.1177/0739456X18793702
 9. Sundström A., Ahmadi Z. The mediating role of CSR on the market orientation and strategic performance relationship-A study of the public housing companies in Sweden. In: *Sustainability (Switzerland)*, 2019, vol. 11(6). DOI: 10.3390/su11061537

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Красавцева Наталия Георгиевна – независимый исследователь;
e-mail: krassavtseva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nataliya G. Krasavtseva – independent researcher;
e-mail: krassavtseva@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Красавцева Н. Г. Понятие «государственное жилищное строительство» в советском праве // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 3. С. 38–43.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-38-43

FOR CITATION

Krasavtseva N. G. The Term of "Government Housing Construction" in Soviet Law. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 3, pp. 38–43.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-38-43

УДК 342.7:167

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-44-50

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ НАРРАТИВА В ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Пашенцев Д. А.

*Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
117218, г. Москва, Большая Черемушkinsкая ул., д. 34, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить особенности применения методологических положений современного антропоцентризма в историко-правовых исследованиях.

Процедура и методы. Для достижения поставленной цели в качестве методологической основы исследования использована методология антропоцентризма как направления в рамках современного социологического подхода к праву. Используются также положения конструктивизма для определения роли человека как субъекта права в конструировании правовой реальности.

Результаты. В работе обосновано, что антропоцентризм, объявляя человека центром правовой системы, актуализирует исследование правового поведения и детерминирующих его факторов, в т. ч. в исторической ретроспективе. Констатируется, что предметом историко-правового исследования с позиций современной научной рациональности должна стать реальная правовая жизнь в конкретный исторический период.

Теоретическая и/или практическая значимость. Сформулированные выводы имеют особое значение для совершенствования методологии историко-правовых исследований.

Ключевые слова: антропоцентризм в праве, конструктивизм, правовое поведение, история государства и права, историко-правовые исследования, методология

ANTHROPOCENTRISM AS OVERCOMING NARRATIVE IN HISTORICAL AND LEGAL STUDIES

D. Pashentsev

*Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
ul. Bolshaya Cheremushkinskaya 34, Moscow 117218, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the features of the application of methodological provisions of modern anthropocentrism in historical and legal studies.

Methodology. To achieve this goal, the methodology of anthropocentrism as a direction within the framework of the modern sociological approach to law is used as the methodological basis of the study. The provisions of constructivism are also used to determine the role of a person as a subject of law in the construction of legal reality.

Results. The article substantiates that anthropocentrism, declaring a person to be the center of the legal system, actualizes the study of the legal command and the factors determining it, including in historical retrospect. It is stated that the subject of historical and legal research from the standpoint of modern scientific rationality should be the real legal life in a specific historical period.

Research implications. The conclusions formulated in the article are important for improving the methodology of historical and legal research.

Keywords: anthropocentrism in law; constructivism; legal behavior; history of the state and law; historical and legal research; methodology

Введение

Актуальность исследования определяется, во-первых, возрастанием роли историко-правового знания в условиях современной глобальной нестабильности и социальных трансформаций, во-вторых, переходом к новой научной рациональности и поиском адекватных ей методологических приёмов и средств.

Конституционная реформа 2020 г. перевела на уровень Основного закона задачу сохранения исторической памяти, в т. ч. о богатых правовых традициях многонационального народа Российской Федерации. Это создаёт предпосылки для дальнейшего повышения статуса историко-правовой науки, уровня востребованности результатов историко-правовых исследований, в т. ч. для правового и патриотического воспитания молодёжи.

Научная задача, поставленная в статье, состоит в выявлении потенциала антропоцентризма в достижении нового историко-правового знания с учётом нового отношения к роли человека в конструировании правовой реальности. Это определило синтез социологического подхода к пониманию права с конструктивизмом как одним из направлений постнеклассической науки. В результате методология современной историко-правовой науки исследована на междисциплинарном уровне, что позволяет судить о потребности в корректировке предмета соответствующих исследований.

Историко-правовая наука в условиях постнеклассической научной рациональности

В настоящее время в сфере научного знания наблюдается переход к новой парадигме, который характеризуется исследователями как очередная научная революция. По мнению академика РАН В. С. Стёпина, речь идёт о формировании постнеклассической научной рациональности, отличительным признаком которой становится междисциплинарный характер исследований и акцент на сложных само-

развивающихся системах [4, с. 93]. Смена парадигмы предъявляет новые требования к методологическому аппарату юриспруденции, которая в этом отношении является достаточно консервативной. Можно согласиться с Н. Н. Тарасовым в том, что «методология юридической науки сегодня является, может быть, её самым «слабым местом» [5, с. 10]. В другой работе учёный констатирует, что «юридическая мысль нередко критически оценивается именно в связи с её философской и методологической неготовностью к вызовам времени» [6, с. 9].

Методологический аппарат истории государства и права как целостного научного направления, развивающегося в рамках юриспруденции, также в течение длительного времени не обновлялся. Учёные продолжают пользоваться теми методологическими подходами, которые были сформулированы и обоснованы классиками историко-правовой науки: М. Ф. Владимирским-Будановым, В. И. Сергеевичем, С. В. Юшковым, О. И. Чистяковым и некоторыми другими. В течение длительного времени соответствующие установки помогали успешно решать стоявшие перед историками государства и права задачи, способствовали приращению знания о праве и этапах его развития. Постепенно была сформирована достаточно целостная картина исторического развития права, в первую очередь, применительно к праву отечественному, что объясняется объективными причинами.

В условиях постнеклассической научной рациональности подход к оценке исторического прошлого, к пониманию закономерностей его динамики существенно изменяется. Для получения нового знания, удовлетворяющего потребностям современной теории и практики, требуются иные по сравнению с принятыми научные подходы. Учёные-историки права всё чаще обращаются к достижениям синергетики, герменевтики, феноменологии, социальной психологии. Историко-правовые исследования постепенно выходят на новый уровень междисциплинарности, что в перспективе может повлечь за собой появле-

ние как новых теорий, так и новых научных открытий.

В то же время в ряде случаев господство позитивистских взглядов на историю права приводит к таким негативным аспектам, проявляющимся не только в отдельных статьях, но и в кандидатских диссертациях, как фактическое отождествление законодательства и права применительно к той или иной исторической эпохе, описательный характер работы. Исследование происходивших в правовой сфере процессов порой подменяется нарративом законодательных норм. В качестве примера можно привести такие темы защищённых диссертаций, как «История развития законодательства о нотариате...», «История развития военного законодательства...», «История акционерного законодательства Российской империи...» и т. д. Подобные формулировки тем, неразрывно связанные с соответствующим объектом и предметом исследования, не соответствуют тем задачам, которые сегодня стоят перед историко-правовой наукой, и тем более не соответствуют принципам постнеклассической науки.

Задача историко-правовой науки на современном этапе состоит в том, чтобы реконструировать реальную правовую жизнь прошлого, показать особенности правосознания и правового поведения в каждую конкретную историческую эпоху. При этом стоит учитывать, что содержание памятников законодательства, привлекающее внимание историков права, в первую очередь может иметь к реальной правовой жизни достаточно опосредованное отношение.

Нарратив в историко-правовых исследованиях

Тематика, связанная с нарративом в праве, в последнее время привлекает внимание учёных [3, с. 5–6]. В философии права возникло такое направление как нарративная юриспруденция, которое зародилось в 60-е годы XX в. в США. «Сущность его заключается в изучении права как живого

межличностного общения, овеществлённого в форме повествования (рассказа)», – отмечает В. С. Назарова [2, с. 25]. По её мнению, «нарративная юриспруденция может быть определена как особый способ осмысления права, исходящий из того, что оно конструируется и состоит из историй, представленных в публичном виде в судебных разбирательствах» [2, с. 25].

М. В. Ульмер-Байтеева подчёркивает большое значение нарратива: «Нарратив играет важную роль в понимании права – структурирует и объясняет произошедшие или вымышленные события таким образом, что в результате формируется картина действия или события. В этом смысле нарратив можно считать универсальным генератором правовых значений, которые оформляют «образ», представление прошлого, представление того, что реально отсутствует» [7, с. 147].

Проблема нарратива в историко-правовых исследованиях, на наш взгляд, находится несколько в иной плоскости. В философском ракурсе осмысления историко-правового процесса он выводит на вопросы герменевтики, связанные с интерпретацией текстов: законодательных актов, материалов судебной практики, доктринальных, эпистолярных и фольклорных источников. В то же время во многих современных историко-правовых исследованиях нарратив порой проявляется в своём примитивном виде, сводится к пересказу законодательных норм прошлого, и тем самым приводит к искажённым трактовкам правовой реальности, которая может иметь мало общего с текстом законов. В итоге некоторые современные работы историков права превращаются в описание, которое подменяет собой исследование и не всегда отражает юридическую действительность.

С позиций современной научной парадигмы описание конструирует социальную реальность. Из этого следует, что описание историко-правового прошлого – это не воссоздание, а конструирование его. «Социальная и, следовательно, историческая (историко-правовая) реальность – не

данность, а конструкт, хотя и не произвольный. Несомненно, история права – это не то, «что было на самом деле», а оценка того, что было зафиксировано в текстуально-правовой форме... Господствующие представления о прошлом права, включая культурную память социума, неизбежно интерпретируются и репрезентируются историками», – справедливо пишет И. Л. Честнов [8, с. 96].

Но такое конструирование с помощью одного лишь описания, без учета роли субъекта, множества влияющих на юридические процессы факторов не просто представляется слабым с научной точки зрения, но и несёт в себе риски утраты собственной правовой идентичности. В связи с этим, нарратив, с одной стороны, приобретает важнейшее значение для историко-правовой науки, с другой стороны, это значение имеет лишь описание как конструирование прошлого, а не описание его ради самого описания, не отражающего социальной реальности.

Антропологический поворот в праве и антропоцентризм

Среди тех методологических трансформаций, которые представляются наиболее перспективными для дальнейшего развития историко-правовой науки, стоит выделить антропологический поворот, датируемый второй половиной XX в. Для науки в целом он был связан с признанием роли личности исследователя в получении определённых научных результатов. В соответствии с новыми представлениями, учёный с присущими ему взглядами не только влияет на получаемые в ходе исследований результаты, но и сам становится неотъемлемой частью процесса научного исследования, фактически частью изучаемого объекта, а не просто сторонним внешним наблюдателем. Для юриспруденции антропологический поворот связан с признанием роли человека как субъекта права в конструировании правовой реальности. Если классическая юридическая наука делала акцент на исследовании норм,

их содержания, на правовых институтах и системных характеристиках права, то сегодня логика антропологического поворота диктует необходимость более пристального внимания именно к субъекту права. В итоге можно отметить формирование юридического антропоцентризма, который фактически выступает продолжением традиций социологической юриспруденции в её постклассическом (постнеклассическом) варианте.

Антропоцентризм в таком понимании неразрывно связан с конструктивизмом. Конструирование правовой реальности, согласно современным представлениям, происходит благодаря повседневной деятельности субъектов права по реализации своих полномочий. Оно осуществляется в 3 стадии: принятие новых норм в виде знаковой (языковой) формы, осознание новой нормы субъектами общественных отношений, трансформация новой нормы в повседневное поведение субъектов права. Отсюда следует, что в историко-правовых исследованиях акцент должен быть не на законодательных актах, включая их содержание и особенности принятия, а на повседневном поведении субъектов права в ту или иную историческую эпоху. Только в этом случае исследователь получит представление о правовой реальности, а не о тексте законодательства, которое, быть может, и не применялось в конкретных правоотношениях.

Правовое поведение как предмет историко-правового исследования

Изложенное выше позволяет выдвинуть гипотезу, что именно правовое поведение применительно к той или иной конкретной исторической эпохе может выступать главным предметом историко-правового исследования, отвечающего принципам постнеклассической научной рациональности.

Правовое поведение – это сложное, многоаспектное явление, которое требует междисциплинарного исследования. В связи с этим историкам права придётся обратиться к достижениям и концепциям философии

права, социологии, социальной и исторической психологии, антропологии, иных смежных научных направлений.

По мнению И. Л. Честнова, «Правовое поведение с позиций постклассической методологии – это взаимодействия людей как носителей правовых статусов в контексте конкретной жизненной ситуации, опосредованные нормой права» [9, с. 22]. Именно такое поведение формирует юридическую повседневность, именуемую правовой жизнью. В неё входят сложившиеся в юридической практике ритуалы, практики, воплощённые в субъектах институты [10, с. 117]. В этом вопросе для историков права открывается широкое исследовательское поле. Юридические практики и ритуалы, а тем более особенности их формирования, их взаимодействие с нормами законодательства, детерминировавшие их факторы – все эти аспекты в историческом ракурсе остаются недостаточно изученными. Но именно они в совокупности и дают ту широкую картину реальной правовой жизни, которая сегодня представляет немалый интерес для историко-правовой науки.

При оценке правового поведения применительно к конкретной исторической эпохе следует принимать во внимание не только текст соответствующих источников права как первооснову официального регулирования общественных отношений, но и уделять внимание особенностям правосознания, как индивидуального, так и коллективного. Именно правосознание субъекта права, включающее в себя правовые и иные связанные с ними ценности, психически обусловленные мотивы, иные детерминирующие факторы, открывает дорогу к пониманию глубинных основ реальной правовой жизни, показывает причины соблюдения или несоблюдения тех или иных законодательных норм.

Правовое поведение формируется под влиянием различных обстоятельств и факторов, которые происходят как из рациональной, так и из иррациональной сферы, могут иметь психо-эмоциональное, моральное, религиозное, идейное, мистическое и иное наполнение. Поэтому историк

права, который поставил перед собой задачу реконструировать реальную правовую жизнь прошлого, должен не только и не столько описывать нормы законодательных актов, но ему следует обратиться к социально-культурному контексту, к мифологии, исторической психологии, образцам повседневного поведения, а это невозможно без привлечения широкого круга самых различных источников. И нормы памятников права становятся лишь одним из источников, при этом не самым важным, требующим глубокой критической оценки, неперемennого соотнесения их с реальным правовым поведением и судебной практикой.

Эффективным методологическим подходом, позволяющим адекватно оценить содержание правового поведения в конкретный исторический период, становится юридический антропоцентризм как разновидность антропологического подхода к праву. Можно согласиться с И. Б. Ломакиной в том, что «С позиций антрополого-правового подхода признание контекстуальности правовой деятельности – важный методологический шаг на пути понимания правовой действительности в различных культурных практиках народов, чьи чаяния и идеалы концептуально не совпадают» [1, с. 32]. Реконструкция правовой действительности у разных народов на разных этапах их исторического развития – важная задача историко-правовой науки в условиях постнеклассической научной рациональности.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы:

1) в условиях перехода к постнеклассической научной рациональности важная задача историко-правовой науки состоит в освоении новой научной методологии, имеющей междисциплинарный характер;

2) нарратив как описание законодательных памятников прошлого должен уступить место нарративу как способу конструирования историко-правовой реальности в соответствии с принципом историзма и

современными представлениями о правовой жизни ушедших эпох;

3) перспективной методологической программой для историко-правовой науки представляется современный антропоцентризм как направление постнеклассической социологической юриспруденции;

4) предмет историко-правовой науки на современном этапе её развития – правовая

жизнь прошлого, конструируемая повседневными действиями субъектов права и обусловленная большим количеством неправовых и даже иррациональных факторов, тесно взаимосвязанная с правосознанием и правовым поведением.

Статья поступила в редакцию 13.07.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ломакина И. Б. Правовая деятельность как феномен социальной реальности: антрополого-правовой подход // Правовое поведение: классические и современные модели / под ред. Д. А. Пашенцева. М.: Саратовский источник, 2022. С. 27–32.
2. Назарова В. С. Нарративная юриспруденция как методологическая концепция в современной западной философии права и пространстве междисциплинарных практик // Философия права. 2015. № 6. С. 25–29.
3. Право и нарративы / под общ. ред. В. А. Денисенко, А. К. Соболевой, И. Л. Честнова. М.: Проспект, 2022. 128 с.
4. Степин В. С. Идея права как социокультурный феномен // Трансформация парадигмы права в социокультурном развитии человечества / под ред. А. Н. Савенкова. М.: Институт государства и права РАН, 2019. С. 93–112.
5. Тарасов Н. Н. История и методология юридической науки: методологические проблемы юриспруденции. М.: Юрайт, 2019. 218 с.
6. Тарасов Н. Н. О некоторых методологических проблемах нашего права и правоведения // Академический юридический журнал. 2020. № 2. С. 4–12.
7. Ульмер-Байтеева М. В. Проблемы герменевтики права в современной западной философии // Учёные труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2016. № 1. С. 146–151.
8. Честнов И. Л. Историко-правовая наука в ситуации постпостмодерна // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. № 5. С. 91–96.
9. Честнов И. Л. Правовое поведение: осмысление с позиций постклассической методологии // Правовое поведение: классические и современные модели / под ред. Д. А. Пашенцева. М.: Саратовский источник, 2022. С. 21–23.
10. Wittgenstein L. *Philosophical Investigation*. Oxford: Blackwell Publishing, 2006. 592 p.

REFERENCES

1. Lomakina I. B. [Legal activity as a phenomenon of social reality: an anthropological and legal approach]. In: Pashentsev D. A., ed. *Pravovoye povedeniye: klassicheskiye i sovremennyye modeli* [Legal behavior: classical and modern models]. Moscow, Saratovskiy istochnik Publ., 2022, pp. 27–32.
2. Nazarova V. S. [Narrative jurisprudence as a methodological concept in modern Western philosophy of law and the space of interdisciplinary practices]. In: *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], 2015, no. 6, pp. 25–29.
3. Denisenko V. A., Soboleva A. K., Chestnova I. L., eds. *Pravo i narrativy* [Law and narratives]. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 128 p.
4. Stepin V. S. [The idea of law as a socio-cultural phenomenon]. In: Savenkova A. N., ed. *Transformatsiya paradigmy prava v sotsiokulturnom razvitii chelovechestva* [Transformation of the paradigm of law in the socio-cultural development of mankind]. Moscow, Institut gosudarstva i prava RAN Publ., 2019, pp. 93–112.
5. Tarasov N. N. *Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki: metodologicheskiye problemy yurisprudentsii* [History and methodology of legal science: methodological problems of jurisprudence]. Moscow, Yurayt Publ., 2019. 218 p.
6. Tarasov N. N. [On some methodological problems of our law and jurisprudence]. In: *Akademicheskii yuridicheskiy zhurnal* [Academic legal journal], 2020, no. 2, pp. 4–12.
7. Ulmer-Baiteeva M. V. [Problems of hermeneutics of law in modern Western philosophy]. In: *Uchonyye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata* [Scientific works of the Russian Academy of Advocacy and Notariat], 2016, no. 1, pp. 146–151.

8. Chestnov I. L. [Historical and legal science in the post-postmodern situation]. In: *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina* [Bulletin of O. E. Kutafin University], 2021, no. 5, pp. 91–96.
9. Chestnov I. L. [Legal behavior: understanding from the standpoint of postclassical methodology]. In: Pashentsev D. A., ed. *Pravovoye povedeniye: klassicheskiye i sovremennyye modeli* [Legal behavior: classical and modern models]. Moscow, Saratovsky istochnik Publ., 2022, pp. 21–23.
10. Wittgenstein L. *Philosophical Investigation*. Oxford, Blackwell Publishing, 2006. 592 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пашенцев Дмитрий Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; профессор кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы имени Ю. М. Лужкова;
e-mail: theory8@izak.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry A. Pashentsev – Dr. Sci. (Law), Prof., Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Chief Researcher, Department of Theory of Law and Interdisciplinary Research of Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Department of Jurisprudence, Moscow City University of Management of the Moscow Government named after Yu. M. Luzhkov;
e-mail: theory8@izak.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Пашенцев Д. А. Антропоцентризм как преодоление нарратива в историко-правовых исследованиях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 3. С. 44–50.

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-44-50

FOR CITATION

Pashentsev D. A. Anthropocentrism as Overcoming Narrative in Historical and Legal Studies. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 3, pp. 44–50.

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-44-50

УДК 347.627.2.023

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-51-66

СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЖЁНАМИ У ПОДАТНОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XIX В.

Полянский П. Л.*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть правовое регулирование последствий жестокого обращения с жёнами в середине XIX в. в России в отношении податного населения.

Процедура и методы. Исследуется история принятия закона 1862 г., который впервые в истории России закрепил, хотя и для определённых случаев, возможность жены проживать отдельно от мужа в случае жестокого обращения с ней. Применение конкретно-исторического метода позволило на основании архивных источников, отдельных публикаций изучаемого периода определить остроту проблемы семейного насилия с точки зрения государства уже в середине XIX в. Догматический метод помог корректно отобрать и истолковать нормативные правовые акты, относящиеся к рассматриваемой проблематике. Обобщение отобранного и проанализированного материала позволило определить направление и характер правового регулирования отношений, связанных с раздельным проживанием супругов, принадлежащих к податному населению в изучаемый период.

Результаты. Впервые в историко-правовой литературе выявлено значение закона от 17 сентября 1862 г., который стал хоть и небольшим, но ощутимым шагом вперёд на пути расширения прав замужних женщин в Российской империи. Правила, сформулированные этим законом, определили новую для многих из них возможность отказаться при определённых условиях от совместного проживания с мужьями. В то же время установлен ярко выраженный сословный характер норм нового закона. Рассмотрена также история и содержание нормативных актов, ставших предпосылкой принятия закона 1862 г.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в изучение семейного дореволюционного законодательства. Настоящая статья будет полезна историкам права, специалистам в области истории государства и права, а также семейного права. Интерес также представляет исторический опыт регулирования правовых последствий семейного насилия, что до сих пор является актуальной проблемой в мире.

Ключевые слова: Россия, история права, семейное право, раздельное проживание супругов, жестокое обращение

FAMILY AND LEGAL CONSEQUENCES OF ILL-TREATMENT OF WIVES AMONG THE TAXABLE POPULATION OF RUSSIA IN THE MIDDLE OF THE 19TH CENTURY

P. Polyansky*Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To consider the legal regulation of the consequences of cruel treatment of wives in the middle of the 19th century in Russia in relation to the taxable population.

Methodology. The history of the 1862 law adoption is being studied. This law for the first time in the history of Russia fixed, albeit for certain cases, the possibility of a wife to live separately from her husband in case of cruel treatment. The use of the concrete historical method made it possible, on the basis of archival sources, individual publications of the period under study, to determine the severity of the problem of domestic violence from the point of view of the state already in the middle of the 19th century. The dogmatic method helped to correctly select and interpret normative legal acts related to the issue under consideration. The generalization of the selected and analyzed material made it possible to determine the direction and nature of the legal regulation of relations associated with the separation of spouses belonging to the taxable population during the period under study.

Results. For the first time in the historical and legal literature the significance of the law of September 17, 1862 is revealed. The law became, albeit a small, but tangible step forward on the path of expanding the rights of married women in the Russian Empire. The rules formulated by this law determined a new opportunity for many of them to refuse, under certain conditions, from cohabitation with their husbands. At the same time, a pronounced estate character of the norms of the new law is stated. The history and content of the regulations that became the prerequisite for the adoption of the law of 1862 are also considered.

Research implications. The results of the study contribute to the study of pre-revolutionary family legislation. This article will be of use for historians of law, specialists in the field of the history of state and law, as well as family law. The historical experience of regulating the legal consequences of domestic violence is also of interest, as it is still an urgent problem in the world.

Keywords: Russia, history of law, family law, separation of spouses, abuse

Введение

Дореволюционное правовое регулирование последствий жестокого обращения одного супруга с другим мало интересовало историков права. Своеобразной точкой отсчёта, которая более-менее известна в современной исторической и историко-правовой литературе [2; 4; 5], является закон от 12 марта 1914 г.¹ Впрочем, именно «более-менее». Например, в монографии алтайского историка Ю. М. Гончарова «Брачно-семейное право Российской империи XIX – начала XX вв.» отрицается, что институт раздельного жительства присутствовал в отечественных законах в начале XX в. [3, с. 84]. Видимо, историк или не знает о законе 1914 г., или не относит его к началу столетия. А между тем, этот нормативный акт впервые в России установил общую норму о возможности для одного из супругов в случае жестокого обращения с ним другого уклоняться от совместной жизни при формальном сохранении брака.

Изучение истории этого закона показывает, что к его принятию русское прави-

тельство шло полвека. Значительная (если не сказать большая) часть этого пути была связана с регламентацией положения отдельных сословий. Доказательством этому является закон от 17 сентября 1862 г.² Только по отношению к податному населению им было сформулировано правило, что жёны в случае жестокого обращения с ними мужей при переселении последних по общественным приговорам³ не обязаны следовать за ними.

Закон 1914 г. по сравнению с предшествующим носил универсальный характер. Так, он распространялся на *все сословия* в отличие от установления полувековой давности. Кроме того, новый закон закрепил право *любого супруга* (а не только жены, как по закону 1862 г.) отказаться от совместной супружеской жизни

² ПСЗРИ-2. Т. XXXVII. Отд. 2. № 38688.

³ Общественный приговор – решение податного общества (сельского или городского), представлявшего собой в XVIII – начале XX вв. корпорацию жителей сельских или городских поселений. Приговоры утверждались на общественных собраниях. На собраниях могли также разрешаться вопросы приёма в общество новых членов или увольнение из него, раскладка налагаемых на общество личных и имущественных повинностей и т. д.

¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1914. № 76. Отд. 1. Ст. 902.

при жестоком обращении. Наконец, отказ продолжать совместную супружескую жизнь вследствие жестокого обращения уже не был связан лишь с переселением по общественному приговору, как это было установлено ранее.

Между законами 1862 и 1914 гг. не было принято ни одного нормативного акта, который бы внёс в регулирование рассматриваемого вопроса какие-либо изменения. Однако за этот период сложилась интересная практика Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената, можно обнаружить следы активной законопроектной работы, деятельности министерств, комиссий и совещаний. Так что выявить и исследовать предпосылки принятия закона 1914 г. несложно.

Гораздо меньше известно о ситуации, которая сложилась к середине XIX в. Перед тем как в 1862 г. было сформулировано уже приведённое правило, состоялось принятие ряда нормативных актов. Для этих актов характерна одна черта: все они касались отдельных податных классов. Их анализ позволяет увидеть, под каким углом зрения русское правительство рассматривало в тот момент проблему супружеского насилия в крестьянских и мещанских семьях. Таким образом, непосредственной задачей настоящей работы являются представление и оценка новых правовых материалов середины XIX в., показывающих отношение государства к проблеме жестокого обращения в семье.

Дореволюционное законодательство о последствиях жестокого обращения в семье

Проблема супружеского насилия, жестокого обращения одного супруга с другим существует, наверное, столько же, сколько сам институт брака. Превосходство в физической силе, а также особенности общественного разделения труда много веков удобряли почву, на которой произрастало жестокое обращение мужей по отношению к жёнам. Конечно, «слабый пол» научился быть той шеей, на которой держится гла-

ва семьи. Однако проблема мужского насилия по отношению к домохозяйкам не утратила своей актуальности во всём мире даже в XXI столетии.

Отечественный законодатель поначалу смотрел на жестокое обращение с жёнами исключительно как на состав преступления. Ещё в XVIII в. «Артикуле воинском» (1715 г.) причиняемые собственной жене побои рассматривались даже не сами по себе, а лишь как причину смерти потерпевшей (Толкование к арт. 163)¹. В данном случае само по себе жестокое физическое наказание жены (как и ребёнка) законодателем не осуждалось, а служило примером для характеристики убийства по неосторожности.

В первой половине XIX в. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.) закрепило ответственность супругов за нанесение увечий, ран или побоев друг другу (ст. 2075²). Именно здесь впервые в отечественном законодательстве прозвучало выражение «жестокое обращение с женой»³. О распространённости этого явления в России в скупых выражениях свидетельствовали разработчики проекта Уложения: «Кажется, необходимо, так сказать, через угрозу закона положить некоторую преграду злоупотреблению супружеской власти, коего примеры, к сожалению, встречаются нередко даже и по делам»⁴.

Почему уголовный закон раньше не положил «преграду злоупотреблению супружеской власти», явствует из целого ряда дел первой половины XIX в. по жалобам жён на мужей [6, с. 70–71]. Одно из подобных дел дошло до Государственного совета. Так, в 1830 г. княгиня Егнальчева, житель-

¹ Российской законодательство X–XX вв. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 358.

² ПСЗРИ-2. Т. XX. Отд. 1. № 19283.

³ Правда, это выражение в 1871 г. было исключено из текста соответствующей статьи (1583) Уложения в актуальной на тот момент редакции 1866 г. См.: ПСЗРИ-2. Т. XLVI. Отд. 1. № 49511.

⁴ Проект Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, внесённый в 1844 г. в Государственный совет, с подробным означением оснований каждого из внесённых в сей проект постановлений. СПб., 1871. С. 669.

ница Юрьевоцкого уезда Владимирской губернии, обвиняла своего мужа в систематическом жестоком обращении с ней. Каплей, переполнившей чашу терпения княгини, стало следующее: 1 мая 1830 г. князь Сергей выволок жену прямо из-за обеденного стола, утащил в лес, снял платье, привязал к дереву, бил палками и прутьями. После побоев заточил на некоторое время без пищи, так что крепостные подкармливали тайком свою барыню хлебом¹. В августе 1835 г. дело дошло до Государственного совета, который нашёл основания отнести жалобу княгини Енгальцевой к предметам рассмотрения Духовного суда². Духовная юстиция, в свою очередь, часто была склонна «отфутболивать» такие дела обратно светским властям, поскольку согласно Уставу Благочиния (1782 г.) «охранять добродетель, порядок и правила обязательств супружеских» должна полиция [6, с. 71]. Получалось, что церковная и светская власти в то время не могли вполне определиться, кто из них должен разбирать подобные дела.

Таким образом, Уложение 1845 г., во-первых, впервые чётко определило подведомственность при рассмотрении таких дел. Во-вторых, Уложение можно считать той отсечкой, когда законодатель начал относиться к проявлениям жестокости в супружеских отношениях как к проблеме, требующей особого внимания.

Приведённое постановление в ст. 2075 Уложения 1845 г. стало последним за следующие 70 лет, когда проблема жестокого обращения с супругом законодательно регулировалась вне сословной специфики. Лишь Закон 12 марта 1914 г. провозгласил в виде общей нормы, что требование одного супруга к другому о восстановлении совместной жизни могло быть отклонено, если совместная жизнь для последнего «представлялась невыносимой». В числе причин для уклонения от совместной жизни законом было названо жестокое обращение.

Итак, два закона с разницей в 70 лет подошли к разрешению вопроса о жестоком обращении с супругом по-разному. Первый (1845 г.) – с точки зрения уголовно-правовых, второй (1914 г.) – с точки зрения семейно-правовых последствий. Законодателю понадобилось 70 лет для того, чтобы нанесение увечий и побоев жене признать даже не законным поводом к разводу, а только основанием к её отказу продолжать фактическое сожительство с мужем-садистом.

Но то, что в общей форме было урегулировано законом в 1914 г., уже в середине XIX в. нашло своё отражение по отношению к некоторым сословиям при определённых обстоятельствах их жизни. Речь идёт о податных классах (крестьянах и мещанах). Обстоятельства же связаны с их переселением в Сибирь по общественным приговорам.

Далее рассмотрим правовое регулирование указанных обстоятельств. Используемые для рассмотрения настоящего вопроса архивные материалы впервые вводятся в научный оборот.

К середине XIX в. трудно оценить масштаб такого явления как супружеское насилие в силу его традиционной латентности. Н. Л. Пушкирёва, известный автор публикаций на тему «женской истории», в памятниках личного происхождения редко обнаруживала сведения о семейных конфликтах. Объяснением этого автору видится традиция «не выносить сор из избы» [9, с. 60].

В печати того времени появлялись лишь отдельные публикации, которые свидетельствовали о массовом проявлении жестокости в семьях. Так, псковский помещик, публицист и общественный деятель А. С. Зеленой в своей статье 1857 г. делился опытом, как он неумолимо искоренял жестокое отношение к жёнам в крестьянских хозяйствах своего небольшого имения. Один крестьянин-садист посылался им на тяжёлые общественные работы, другой отдавался без очереди в рекруты. От третьего по воле помещика жена изымалась и возвращалась к родителям с тем, чтобы

¹ РГИА. Ф. 1151. Оп. 2 (1835 г.). Д. 75. Л. 61об.

² Там же. Л. 95об.

муж предоставлял ей необходимое содержание¹.

По-настоящему громко голос общественности заявил о проблеме лишь в последней четверти XIX в. К этому времени была опубликована и оценена практика образованных в ходе реформы 1861 г. волостных крестьянских судов, которым приходилось разбирать дела о супружеских неурядицах². Подобные дела попадали и в мировые суды (образованы в ходе судебной реформы 1864 г.), члены которых делились в печати тягостными впечатлениями от жалоб крестьянок на мужей³. Наконец, нельзя забывать и об общественной дискуссии по «женскому вопросу» второй половины XIX в. На фоне обсуждения женского образования, трудоустройства и вообще роли женщин в российском обществе проблема насилия над супругами в семье не могла затеряться. Имеются и современные публикации, где поднимается проблема жестокого обращения с женами в конце XIX – начале XX вв. [1, с. 27–30; 10, с. 3–47].

Итак, ближе к концу XIX в. об остроте проблемы жестокого обращения с жёнами можно судить по опубликованным источникам и материалам различного жанра. Однако для середины века ситуация представляется совсем иной. Исследователь может лишь предполагать, что нравы в середине столетия вряд ли были мягче, чем в конце. Скорее, наоборот. Но важно то, что и русское правительство в середине века вряд ли имело достоверную информацию о масштабах этого печального явления.

Мы знаем, что авторы текста Уложения 1845 г., проектируя ответственность за жестокое обращение с супругой, исходили из того, что подобные случаи «встречаются нередко даже и по делам». По каким же делам? Например, за первую половину века в

архивных описях Государственного совета обнаружено лишь 2 рассмотренных им дела о жестоком обращении с жёнами. Одно – по обвинению князя С. Енгальчева (приведено выше). Второе – по обвинению отставного титулярного советника А. Владыкина, за которым помимо жестокого обращения с супругой значился ещё целый «букет» различных правонарушений⁴.

Скорее всего, составители Уложения были знакомы в основном с делами, рассматривавшимися в III Отделении императорской канцелярии. Именно оно накопило до середины XIX в. определённую практику разрешения супружеских неурядиц. Так, в 1834 г. в III Отделении рассматривалась жалоба жены курского помещика полковника Полтарацкого на жестокость мужа. В 1836 г. на дурное обхождение мужа жаловалась супруга отставного штаб-капитана Козакова. В 1845 г. III Отделением рассматривалась жалоба жены отставного прапорщика Прункуля, а в 1846 г. – аналогичные дела по жалобам жены подпоручика Григорьева и полковника Траскина. В 1847 г. на несправедливые и оскорбительные поступки мужа жаловалась княгиня Урусова. До середины XIX в. III Отделение рассмотрело несколько десятков дел по жалобам жён на мужей. Почти все эти случаи касались дворянских семейств. Аналогичными проблемами податных сословий III Отделение не занималось.

Так что вполне вероятно, что уголовная ответственность, введённая Уложением 1845 г. за жестокое обращение с супругом, появилась благодаря практике рассмотрения дворянских семейных неурядиц.

Предыстория правил 1862 г. о порядке следования семейств за переселяемыми по общественным приговорам лицами

На этом фоне может показаться удивительным тот факт, что раздельное проживание супругов при жестоком обращении с женой впервые было законодательно провозглашено *не для дворян, а для представителей податных классов*. Это случилось

¹ Зеленой А. С. О жестоком обращении крестьян с их жёнами // Земледельческая газета. 1857. № 30. С. 236.

² Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 1. СПб., 1873. С. 444, 669; Там же, Т. 2. СПб., 1873. С. 269, 523, 546 и т. д.; Там же, Т. 3. СПб., 1873. С. 11, 340; Т. 4. СПб., 1873. С. 260, 488 и т. д.

³ Лудмер Я. Бабы-стоны. Из записок мирового судьи // Юридический вестник. 1884. Ноябрь. С. 446–467; 1884. Декабрь. С. 658–679.

⁴ РГИА. Ф. 1151. Оп. 1 (1828 г.). Д. 293.

17 сентября 1862 г., когда Александр II утвердил предложенные Государственным советом правила относительно следования семейств за лицами, ссылаемыми по суду, переселяемыми или удаляемыми по приговорам обществ и административным порядком.

Правилами было установлено (п. 2), что жёны лиц, переселяемых по приговорам общества, не обязаны следовать за мужьями в 3-х случаях: 1) по взаимному согласию на это супругов, 2) по тяжкой неизлечимой болезни жены, 3) *по жестокому обращению с ней мужа* или по его явно развратному поведению. При этом факты жестокого обращения или развратного поведения должны были, согласно правилам, устанавливаться и подтверждаться в судебном порядке.

Таким образом, жестокое обращение с женой по закону 1862 г. могло быть основанием к раздельному проживанию супругов не само по себе, а лишь при 2-х обстоятельствах:

1) супруги принадлежали к *податным классам* населения: именно их представители могли быть удалены по решению местного податного общества;

2) раздельное проживание могло быть допущено лишь *при переселении мужа по общественному приговору*.

Историки права ранее не исследовали приведённую законодательную норму 1862 г. и её предысторию. Редакционная Комиссия по составлению Гражданского уложения, снабдив обширной справкой проектируемую главу о разрешении раздельного жительства супругов, не использовала правовой материал середины XIX в. Комиссией были востребованы отдельные сведения по разножительству супругов в XVIII в., а также публицистические материалы, практика судебных инстанций, некоторые проекты и отдельные законодательные нормы второй половины XIX в. Впрочем, о законе 17 сентября 1862 г. Комиссия упомянула, но без изложения мер, предшествовавших её принятию¹.

¹ Гражданское уложение. Книга 2. Семейственное право. Проект Высочайше учреждённой Редакционной

Приведённое правило закона 1862 г. стало своеобразным финалом законотворческой деятельности середины XIX в. по изучаемой проблеме. Выявление отдельных этапов этой деятельности позволит правильнее оценить эволюцию взглядов правительства на раздельное проживание супругов. Для полноты картины необходимо ещё напомнить, что в 1819 г. светским органам было запрещено утверждать всякие соглашения супругов о раздельном проживании. Так решил Государственный совет по делу Шелковниковых, расценив с подачи Правительствующего Синода такие соглашения как акты, клонящиеся к разрушению брачного союза [7, с. 38–39]. Шелковниковы, как и многие до них, подписали соглашение о раздельном проживании из-за семейных неурядиц.

В середине XIX в. вопрос о даче санкции на раздельное проживание супругов возник для правительства совершенно с другой стороны. В 1849 г. мещанское общество г. Сызрани Симбирской губернии приговорило некоего Иевлева за дурное поведение отдать в солдаты, а в случае негодности к военной службе сослать в Сибирь на поселение. Медицинское освидетельствование показало негодность Иевлева к фронтовой службе. Таким образом, мещанин должен был отправиться в Сибирь. Однако общество отказалось уволить вместе с ним его 2-х несовершеннолетних (15 и 12 лет) сыновей. Тогда для содержания и воспитания детей Иевлев договорился с обществом оставить на прежнем месте жительства и свою жену Анисью.

Симбирское губернское правление, ссылаясь на ст. 275 Устава о предупреждении и пресечении преступлений, настаивало на отправлении обоих супругов в ссылку. С формальной точки зрения правление было право, ибо указанная статья требовала, чтобы переселяемые за порочное поведение «не были разлучаемы с жёнами»². Однако симбирский губернатор оказался иного мнения и, представляя вопрос на

Комиссии по составлению Гражданского Уложения.

Т. 1. Ст. 1–349 с объяснениями. СПб., 1902. С. 231–232.

² Т. XIV Свода законов Российской Империи изд. 1842 г.

разрешение министра внутренних дел, сопоставил указанную статью со ст. 349 того же Устава. Эта последняя статья прямо гласила: «Жены крепостных людей, переселяемых в Сибирь по воле их помещика, должны следовать за мужьями»¹. Губернатор хотел этим сказать, что в ст. 275 нет прямой обязанности жены следовать за мужем (как в ст. 349). Напротив, согласно ст. 275 власти лишь не должны разлучать супругов или препятствовать следованию обоих в Сибирь. А принимать решение идти ли вместе или одному мужу должны именно супруги. В итоге губернатор ходатайствовал перед министерством об оставлении Анисьи Иевлевой в Сызрани вместе с детьми.

Министр внутренних дел Л. А. Перовский согласился с доводами губернатора и уточнил, что при обоюдном согласии супругов на оставление жены по прежнему месту жительства их брак сохраняет свою силу. Таким образом, если Иевлев впоследствии потребовал бы от жены воссоединения, то она была бы обязана последовать к нему на поселение.

Однако 1-й Департамент Сената, на чьё «благоусмотрение» Л. А. Перовский передал своё мнение, не поддержал ни министра, ни губернатора. С точки зрения департамента, буквальный смысл ст. 275 Устава о предупреждении и пресечении преступлений требовал обязательной отправки Иевлевой вместе с мужем. Сенаторы также припомнили нормы Свода законов гражданских о запрете самовольного расторжения брака по одному супружескому согласию (ст. 44) и о запрете для гражданских властей утверждать супружеские соглашения о раздельном проживании (ст. 45)². Последняя норма имела в своём основании упомянутое решение по делу Шелковниковых. Это определение 1-го Департамента Сената вызвало возражение уже у министра внутренних дел, поскольку, с одной стороны, раздельное проживание само по себе не являлось расторжением брака. С другой стороны, за-

конодательство принципиально не запрещало супругам проживать раздельно. В частности, жена могла проживать отдельно от мужа по выданному с его разрешения паспорту.

Поскольку 1-й Департамент снова остался при своём мнении, дело Иевлева было передано на разрешение Общего собрания первых трёх департаментов Сената, а также Департамента герольдии. Мнения участников собрания, состоявшегося в ноябре 1849 г., разделились. Большинство соглашалось с доводами министра внутренних дел и было склонно разрешить Анисье Иевлевой остаться на прежнем месте жительства. Поскольку единодушия достигнуто не было, дело было передано на заключение в министерство юстиции, причём товарищ министра в своём мнении поддержал меньшинство, предлагавшее отправить в Сибирь обоих супругов.

Мнение товарища министра юстиции почти не поколебало сенаторов, из-за чего вопрос был перенесён на разрешение в Государственный совет. В мае 1850 г. дело Иевлевых обсуждалось сначала в Департаменте законов, а затем и в Общем собрании. По мнению Государственного совета, закон не запрещал супругам некоторое время находиться в разных местах без всяких формальных условий. В итоге 3 июля 1850 г. Николай I утвердил мнение Государственного совета, согласно которому Анисья Иевлева имела право остаться на прежнем месте жительства до достижения сыновьями совершеннолетия. Причём муж, согласно этому решению, был вправе всегда потребовать к себе жену.

Узаконение, состоявшееся по делу Иевлевых, не связано напрямую с проблемой жестокого обращения с супругом. Однако оно имеет большое значение для предпринятого исследования по следующим причинам. Во-первых, по делу Иевлевых *впервые с 1819 г.*, когда Александр I утвердил решение по делу Шелковниковых, *светская власть санкционировала раздельное проживание супругов по их взаимному соглашению*. Формально это вступало в противоречие с нормами

¹ Т. XIV Свода законов Российской Империи изд. 1842 г.

² Т. X Свода законов Российской Империи изд. 1842 г.

ст.ст. 44 и 45 Свода законов гражданских, о чём по делу Иевлевых в разное время говорили некоторые сенаторы и товарищ министра юстиции. Однако первый шаг от конкретного случая к общему правилу был сделан.

Во-вторых, правительство признало возможность раздельного проживания по соглашению супругов при вполне конкретных обстоятельствах: для этого требовался *общественный приговор о переселении мужа*. Поскольку такие приговоры в середине XIX в. выносились относительно представителей отдельных податных групп, можно говорить о вполне конкретном классе населения, которому предоставлялась новая возможность. А с освобождением помещичьих крестьян в 1861 г. и распространением на них правил, касавшихся государственных крестьян, эту группу можно достаточно корректно определить как *податное население*.

Указанные обстоятельства важны ещё и по следующей причине. На первый взгляд (особенно современный), по делу Иевлева были урегулированы семейные правоотношения. Однако в данном случае решался иной вопрос: податному обществу было удобно удалить из своей среды отца и оставить мальчиков, а для их воспитания – и мать. Через несколько лет на обоих сыновей уже можно было развёрстывать личные и имущественные повинности. На этой «точке» встречались интересы податного общества и правительства. При этом власть осознавала, что с семьёй в процессе переселения вполне могут случиться такие несчастья, из-за которых государство потеряет почти взрослых налогоплательщиков и солдат. Об этом косвенно говорит следующий пример.

В очередной раз вопрос о раздельном проживании супругов, один из которых переселялся по общественном приговору, возник в октябре 1851 г. Министр государственных имуществ, генерал-адъютант граф П. Д. Киселёв, обобщив известную ему практику, обратился в Правительствующий Сенат. По информации министра, начальство ряда губерний

при переселении государственных крестьян со ссылкой на ст. 570 кн. 2 Свода постановлений о благоустройстве в городах и селениях¹ запрещало оставлять их жён на прежнем месте жительства. Между тем многие семейства переселённых, оказавшись в новых губерниях в крайне затруднительном положении, ходатайствуют о возвращении их на родину. И хотя министерство неоднократно удовлетворяло такие просьбы, П. Д. Киселёв признавал полезным внести изменения в законодательство и запретить принуждать обоих супругов следовать к месту переселения мужа.

Главноуправляющий II Отделением императорской канцелярией граф Д. Н. Блудов, к которому П. Д. Киселёв обратился за консультацией по этому делу, поддержал инициативу с опорой, в т. ч. на решение по делу сызранского мещанина Иевлева. Итогом стало выработанное мнение Государственного совета, обсуждённое сначала в августе 1851 г. в Департаменте гражданских и духовных дел, а в октябре того же года – в Общем собрании департаментов. Было решено дополнить ст. 570 кн. 2 Свода постановлений о благоустройстве в городах и селениях примечанием со следующим текстом: «Впрочем, при следовании жены за переселяемым мужем не должно быть допускаемо принуждения в случае обоюдного согласия супругов на временную по обстоятельствам семейным разлуку и изъявления желания обществом на то согласия. Но чрез такое раздельное житьё брак не расторгается, и муж всегда вправе потребовать к себе жену, равно и она может во всякое время отправиться к мужу, если сама того пожелает...»². Впрочем, согласно дальнейшему тексту примечания, окончательное решение вопроса по каждому подобному случаю проходило через Министерство

¹ Т. XII Свода законов Российской Империи изд. 1842 г. Формулировка ст. 570 в части наблюдения, чтобы при переселении мужа не были разлучаемы с жёнами, была идентична формулировке уже рассмотренной ст. 275 Устава о предупреждении и пресечении преступлений.

² ПСЗРИ-2. Т. XXVI. Отд. 2. № 25690.

государственных имуществ. 29 октября 1851 г. предложение Государственного совета было высочайше утверждено.

Итак, возможность раздельного проживания супругов при переселении мужа по общественному приговору пробила себе дорогу в действовавшее законодательство. Правда, новое правило касалось пока только государственных крестьян. Впрочем, ненадолго.

В августе 1851 г. министр внутренних дел внёс в Государственный совет записку с проектом положения о порядке удаления из обществ порочных мещан по мирским приговорам. Если в отношении государственных крестьян такой порядок был определён ещё в 1839 г. с утверждением Сельского судебного устава¹, то в отношении городского населения подобные правила ещё отсутствовали. Рассматривая проект в октябре–ноябре 1851 г., Государственный совет предложил урегулировать вопрос об оставлении жены переселяемого супруга на прежнем месте жительства идентично тому, как это было только что сделано в отношении государственных крестьян. Итоговый текст правил, утверждённых 12 декабря 1851 г.², действительно содержал (§25) в точности ту же формулировку, которая в отношении государственных крестьян была утверждена 2-мя месяцами ранее.

Таким образом, к концу 1851 г. и для мещан, и для государственных крестьян действовали одинаковые правила, связанные с возможностью жены по супружескому соглашению остаться на прежнем месте жительства при переселении мужа по общественному приговору. Разница была лишь в том, что в случае с мещанами окончательное решение в каждом случае проходило через министерство внутренних дел, а с государственными крестьянами – через министерство государственных имуществ. В соответствии с принятыми нововведениями была изменена редакция ст. 1082 Свода учреждений и уставов о со-

державшихся под стражей и ссыльных³: в Примечание 1 к указанной статье было внесено Дополнение 2 соответствующего содержания⁴.

Значение изменений 1851 г. в том, что государственные органы оказались надёжными полномочиями в общем порядке разрешать вопросы, которые с 1819 г. были изъяты из их компетенции. В 1819 г. светским властям было запрещено санкционировать раздельное проживание супругов, о котором договорились они сами. Теперь же в силу закона данный аспект брачных отношений официально попадал в сферу ведения органов государственного управления. Разумеется, при определённых обстоятельствах: супруги должны были принадлежать к податным классам, а муж должен был переселяться в другие губернии по общественному приговору. Тем не менее, законодательство 1851 г. стало предпосылкой, определившей более смелое участие светской власти по вопросу о совместном проживании супругов для значительной массы жителей страны.

Без законов 1851 г. не смог бы состояться следующий шаг, уже прямо касавшийся проблемы жестокого обращения с жёнами. Этот шаг был сделан министром государственных имуществ в 1853 г. по делу замужних крестьянок Суриной и Помеловой, жительниц Московской губернии. Их мужья проходили по делу об ограблении крестьянина Я. Иванова. В итоге вина обоих крестьян доказана не была, однако они были оставлены в сильном подозрении⁵. Очевидно, Сурин и Помелов не были одобрены при проведении повального обыска, но в ходе следствия и суда не смогли быть вполне уличены. В этом случае закон предоставлял возможность податному обществу, к которому принадлежали подсу-

³ Т. XIV Свода законов Российской Империи изд. 1842 г.

⁴ Продолжение Свода Законов Российской Империи издания 1842 года. XVI. С 16 июля 1851 г. по 30 июня 1852 г. СПб., 1852. С. 29.

⁵ В подозрении оставлялся подсудимый, в отношении которого при недостатке совершенных доказательств имелись некоторые улики (ст. 1177 Свода законов уголовных изд. 1842 г.).

¹ ПСЗРИ-2. Т. XIV. Отд. 1. № 12166. См. ст.ст. 284–300 Устава.

² ПСЗРИ-2. Т. XXVI. Отд. 2. № 25820.

димые, потребовать их удаления на житьё в Сибирь (ст. 1179 Свода законов уголовных). Такое требование и было сформулировано.

По объявлению общественного приговора Сурин и Помелов изъявили желание следовать в Сибирь вместе с жёнами. Последние такого желания не изъявили. За женщин вступились их отцы, а также само податное общество. В своих ходатайствах защитники указывали, что Сурин и Помелов – крестьяне дурного поведения, со своими жёнами обращались жестоко и в ходе высылки могли подвергнуть их новым преследованиям.

Ходатайства дошли до министра государственных имуществ П. Д. Киселёва, который счёл возможным их поддержать. Министр полагал оставить крестьянок на месте их прежнего жительства хотя бы до того момента, когда начальство губерний, где будут поселены Сурин и Помелов, пришлют сведения об их исправлении и приобретении ими оседлости¹. В последнем требовании заключался важный резон: переселённые по общественным приговорам не всегда могли хорошо устроиться в новом месте. Поэтому семьи таких переселенцев попадали в тяжёлые условия. Об этом П. Д. Киселёв сообщал ещё в 1851 г., когда предлагал не принуждать жён следовать за переселяемыми по общественным приговорам мужьям при обоюдном согласии супругов.

Комитет министров, где 8 декабря 1853 г. П. Д. Киселёв выступил с этим вопросом, поддержал внесённое им предложение и подготовил проект для высочайшего утверждения. Императорская положительная резолюция последовала через 14 дней. А ещё через 4 года Тобольское губернское правление на запрос Министерства государственных имуществ ответило, что переселённые в Тобольскую губернию Иван Сурин и Василий Помелов в худых поступках не замечены, но и оседлости до сих пор не приобрели.

Дело крестьянок Суриной и Помеловой стало, вероятно, первым случаем в отношении податного населения в России XIX в., когда жестокое обращение с женой стало не основанием уголовной ответственности, а причиной для разрешения супругам проживать порознь.

В следующий раз Комитет министров рассмотрел подобное дело в 1856 г. Крестьянин Вологодской губернии Кондырев за «дурное поведение, развратную жизнь и накопление недоимки» был назначен по приговору мирского общества к ссылке в Сибирь на поселение². Жена следовать за мужем отказалась по причине бесчеловечного к ней отношения с его стороны. П. Д. Киселёв распорядился провести по этому случаю розыск, в результате которого жестокое обращение Кондырева с женой и двумя дочерьми вполне подтвердилось. Представляя в июле 1856 г. вопрос на рассмотрение Комитета министров, П. Д. Киселёв предложил решение аналогичное тому, которое было вынесено по делу Суриной и Помеловой. А именно: было предложено приостановить высылку крестьянки Кондыревой до тех пор, пока от начальства той местности, в которую будет переселён её муж, не будет получено сведений о приобретении им оседлости и о том, что он исправился в поведении. Комитет министров передал это предложение на высочайшее соизволение, которое последовало в августе 1856 г.

Третьим примером оставления жены на прежнем месте жительства в связи с жестоким обращением удаляемого по общественному приговору мужа является дело крестьянки Авериной. В 1857 г. между Рязанской палатой государственных имуществ и 1-м Департаментом министерства государственных имуществ произошла переписка, из которой стали видны следующие обстоятельства. По общественному приговору крестьянин Аверин как человек дурного поведения, развратной жизни, неспособный к платежу податей и повинностей подлежал удалению в другие

¹ Очевидно, под «приобретением оседлости» следует понимать обзаведение хозяйством.

² РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2551. Л. 410.

губернии. При этом Аверин не изъявил согласия на разлуку с женой. Жена, в свою очередь, не согласилась следовать за мужем и дала пояснения относительно поведения супруга в семье. В частности, она сообщила: «Когда же я стану ему советовать о перемене жизни, то он, не говоря ни слова, бьёт меня немилосердно, и таковые побои я часто принимаю и принимала прежде даже быв беременной, отчего выкидывала младенцев безвременно мёртвых. Назад же тому несколько месяцев пришёл он в дом в нетрезвом виде и, не говоря ни слова, бил меня немилосердно, а потом, не удовольствуюсь сим, ухватил лежащий на лавке рубель, чем катают в простонародье белье, ударил меня по голове, и я от такого удара лишилась памяти»¹. В ходе разбирательства по делу крестьяне местного общества составили новый приговор, где отразили сведения о неоднократных жестоких поступках Аверина с женой.

И Рязанская палата, и 1-й Департамент, и товарищ министра государственных имуществ в этом деле стояли на стороне крестьянки и сельского общества. Лишь прокурор Рязанской губернии подал иное мнение, полагая на основании Примечания 1 к ст. 1082 Свода учреждений и уставов о содержащихся под стражей и ссыльных, что оставление жены на месте жительства могло быть лишь при согласии обоих супругов.

Докладывая 15 октября 1857 г. на заседании Комитета министров это дело, товарищ министра государственных имуществ обосновывал свою позицию не только тем, что одной из причин общественного приговора было жестокое обращение Аверина с женой. В докладе также были приведены сведения о прежних случаях (в справке есть информация о делах Суриной и Помеловой, а также Кондыревой), когда особым высочайшим повелением отправка жён к мужьям приостанавливалась до получения сведений об исправлении супругов в поведении и приобретении ими оседлости. В этом же ключе Комитет министров соста-

вил положение по делу Авериной, которое император утвердил 29 октября 1857 г.²

После целого ряда таких случаев министерство государственных имуществ задумалось об упрощении процедуры принятия решений, ведь каждое такое дело было необходимо сначала докладывать Комитету министров, а потом спрашивать монаршей резолюции. Поэтому когда в октябре 1859 г. на заседании Комитета обсуждалось ходатайство Пензенского губернатора об оставлении жены переселяемого крестьянина Тришкина на прежнем месте жительства из-за жестокого обращения, министр государственных имуществ М. Н. Муравьёв предложил предоставить его ведомству право принимать окончательные решения по подобным делам. 3 ноября 1859 г. эта инициатива была одобрена императором³. Аналогичные права в отношении удельных крестьян 31 марта 1860 г. получило главное удельное начальство⁴.

Теперь уже не только сложилась практика, но и была урегулирована законом упрощённая процедура оставления жён на прежнем месте жительства при переселении жестоко обращавшихся с ними мужей. Дело, в сущности, оставалось за малым: ввести унифицированные правила для всех подобных случаев без различия классов податного населения. Принятие таких правил стало делом времени, тем более что из ряда губерний поступали запросы о статусе членов семейств лиц, ссылаемых на водворение в Сибирь. Попутно возникли вопросы об устройствах семейств временнообязанных крестьян при аналогичных обстоятельствах.

Исключения из правил 1862 г., связанные с жестоким обращением переселяемых мужей с женами у податного населения

Ещё в феврале 1858 г. министр внутренних дел граф С. С. Ланской вступил в переписку со II Отделением императорской

² РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2629. Л. 180.

³ ПСЗРИ-2. Т. XXXIV. Отд. 2. № 35081.

⁴ ПСЗРИ-2. Т. XXXV. Отд. 1. № 35645.

¹ РГИА. Ф. 383. Оп. 20. Д. 26721. Л. 16–16об.

канцелярии по поводу затруднений, встретившихся в прибалтийских губерниях. Речь шла об отправлении в Сибирь вместе с родителями детей, достигших определённого возраста (мальчиков – 5 лет, девочек – 10 лет). Независимо от этого главноуправляющий II Отделением граф Д. Н. Блудов внёс в Государственный совет записку по вопросу о последствиях ссылки на жительство с точки зрения супружеских и родительских отношений.

По решению Государственного совета этот вопрос был передан во II Отделение, поскольку его разрешение было связано с подготовкой соответствующего раздела проекта Гражданского Уложения. Однако генерал-губернатор Прибалтийского края князь А. А. Суворов не мог ждать так долго. Своей властью он приостановил отправку в Сибирь нескольких семейств, в которых дети превышали указанный ранее возраст. Для скорейшего решения проблемы Д. Н. Блудов представил в Государственный совет разработанный проект отмены существовавшего ограничения в возрасте детей, до которого удаляемым в Сибирь родителям дозволяется брать их с собой. Однако Государственный совет не стал спешить с принятием предложенного проекта и отправил вопрос на дальнейшую проработку в Главный комитет об устройстве сельского состояния совместно с Департаментов законов.

Почти в это же время новый министр внутренних дел (назначен в апреле 1861 г.) статс-секретарь П. А. Валуев возбудил в указанном Главном комитете частный вопрос о следовании в Сибирь жены отправленного туда временнообязанного крестьянина. Поскольку статус временнообязанных крестьяне могли приобрести только в ходе реализации реформы 1861 г., вопрос об удалении в Сибирь именно таких лиц с семьями ещё не был урегулирован законодательством.

Итогом совместной работы Министерства внутренних дел и II Отделения императорской канцелярии стала записка «Относительно следова-

ния семейств за лицами, ссылаемыми в Сибирь», которая в июле 1862 г. была отправлена в Государственный совет. Авторы документа, проанализировав существовавшие законодательные нормы по данному вопросу, убедились в том, что они часто неточны, двусмысленны и при этом без достаточных оснований адресованы конкретным сословным группам. Рассматривая, в частности, проблему оставления на прежнем месте жительства жены при жестоком с ней обращении переселяемого в Сибирь мужа, авторы документа недоумевали, почему это правило действовало лишь в отношении отдельных сословий.

Соглашаясь с доводами двух ведомств, соединённое присутствие Департамента законов Государственного совета и Главного комитета об устройстве сельского состояния к августу 1862 г. утвердило проект общих правил следования семейств за лицами, ссылаемыми в Сибирь. В числе этих правил было и такое, которое предполагало обязательное следование жены за мужем, переселяемым по приговору общества (п. 2). В числе исключений, т. е. когда жена могла остаться на прежнем месте жительства, было жестокое обращение с ней мужа. Факты жестокого обращения должны были удостоверяться в судебном порядке по правилам, установленным для совестного суда. 17 сентября 1862 г. проект, обсуждённый и принятый соединённым присутствием, получил санкцию Александра II¹.

Закон от 17 сентября 1862 г., если его рассматривать с точки зрения правового регулирования брачно-семейных отношений, был значительным шагом вперёд.

Во-первых, установление факта жестокого обращения с женой стало основанием, по которому она могла добиваться раздельного проживания с мужем. Можно даже говорить о том, что начали складываться предпосылки для расширения личных прав замужних женщин. Разумеется, это касалось лишь податных классов населения. Разумеется, вопрос о раздельном

¹ ПСЗРИ-2. Т. XXXVII. Отд. 2. № 38688.

проживании при жестоком обращении мог подниматься лишь в случаях переселения мужа на жительство в иные губернии по общественному приговору.

Однако новым законом был установлен не некий исключительный порядок, который при этом нормативно не регулировался. Для сравнения, обижаемая мужем дворянка могла обратиться в III Отделение императорской канцелярии. А итоговое решение по делу утверждалось императором после проведения розыска, регламентированного в лучшем случае секретным циркуляром. Вспомним, что примерно также было сначала и в отношении представителей податных классов (дела крестьянок Суриной, Помеловой и Кондыревой). Однако с 17 сентября 1862 г. решения о раздельном проживании крестьянок и мещанок со своими мужьями стали приниматься в общем порядке по итогам регламентированного законом судебного рассмотрения. В отношении же привилегированных классов судебное исследование супружеских неурядиц стало актуальным лишь с принятием закона 12 марта 1914 г.

Во-вторых, закон 1862 г. не говорил уже о различных группах податного населения (дворцовых, удельных крестьянах, мещанах) в отличие от адресных постановлений 1851, 1859 и 1860 гг. Новые положения касались всех, кого ссылали по общественным приговорам. С одной стороны, такое обобщённое регулирование может говорить о зарождении интереса законодателя к супружеским отношениям в принципе, а не только о желании организовать быт отдельных категорий податного населения в интересах правительства. С другой стороны, путь, проделанный законодателем до 1862 г., лишний раз убеждает в справедливости того тезиса, что говорить о семейном праве вообще по отношению к дореволюционной России не вполне корректно.

Напротив, корректно утверждать, что нормы о семейных отношениях являлись и в XIX в. своего рода «периферией» огромного блока правил о сословном устройстве. Одни правила касались дворянства

[8, с. 40], а иные (исходя из представленных здесь материалов) – управления конкретными классами податного населения. Различные ведомства, ответственные за те или иные группы населения, возбуждали вопросы о следовании семейств за переселяемыми отцами и мужьями совсем не по причине заботы о материнстве, детстве или о защите прав супругов. Интерес был, прежде всего, казённый: организация транспортировки, снабжение следующих в Сибирь всем необходимым, устройство поселенцев на новых, мало освоенных местах.

Немалое значение имела также позиция податных обществ. Даже из приведённых материалов видно, как активно они порой противодействовали местной власти (дело Суриной и Помеловой, дело Авериной) и высказывали противоречащее закону мнение. Специфика личных и имущественных обязанностей подданных в то время была такова, что правительство было заинтересовано в сохранении податных обществ и вынужденно прислушивалось к их голосам. Так что сословная организация российского общества в середине XIX в. непосредственно влияла у податного населения на личные отношения между супругами.

Половинчатость мер, предпринятых законом 17 сентября 1862 г., была очевидна уже для его современников. Полиция обеих российских столиц в течение 60-х гг. XIX в. сообщала о частых случаях жестокого обращения с жёнами в разных сословиях. Вследствие этого и в МВД, и в других ведомствах неоднократно ставился вопрос о кардинальном пересмотре законодательства. Из возникавшей переписки между их руководителями в первой половине 60-х гг. XIX в. можно видеть, насколько с точки зрения власти назрел вопрос о раздельном проживании членов семьи при наличии фактов супружеского насилия. Главноуправляющий III Отделением императорской канцелярии Н. В. Мезенцов, например, после издания правил 17 сентября 1862 г. полагал справедливым и полезным распространить их действие на все случаи жестокого обращения с жёнами. Кроме

того, с точки зрения главы ведомства, не нужно было обязательно обуславливать применение этих правил ссылкой по суду, переселением или удалением по приговорам обществ. Министр внутренних дел П. А. Валуев писал в 1864 г. В. Н. Панину, главноуправляющему II Отделением канцелярии, о существенной необходимости введения общих правил касательно защиты жён от предосудительного поведения мужей путём выдачи паспортов на отдельное проживание.

Правда, введение общих норм, связанных с раздельным проживанием супругов, требовало одобрения Правительствующего Синода, поскольку новыми правилами могли быть затронуты церковные положения о браке. Дозволенное же Александром II неформальное общение по этому вопросу руководства II Отделения с некоторыми членами Синода показало бесперспективность, во всяком случае, в середине XIX в., законодательных работ в этом направлении. Церковники высказывались в том смысле, что основой общественного порядка является твёрдость брачного союза и власть отца семейства. Ослабление того и другого, хоть и косвенным образом, могло бы иметь самые пагубные последствия. Такая недвусмысленная позиция представителей Синода делала в то время невозможной выработку общих правил о раздельном проживании супругов, хотя некоторые проекты к середине 60-х гг. XIX в. уже существовали.

Для сравнения, необходимости в консультациях с членами Синода как при подготовке узаконений до 17 сентября 1862 г., так и при обсуждении проекта закона 1862 г. не возникало. Ни одно ведомство (министерство государственных имуществ, министерство внутренних дел, II Отделение императорской канцелярии и проч.), предлагая допустить оставление жен мещан или крестьян при жестоком обращении с ними мужей, не рассуждало о потрясении основ власти в семье или в обществе. Всё это лишний раз подтверждает тезис, что семейные отношения мещан и крестьян в середине XIX в. составляли

предмет скорее сословного, нежели семейного законодательства. А по вопросам устройства податных сословий правительство действовало вполне независимо от позиции церкви.

Заключение

Проведённое исследование позволило прийти к следующим выводам.

Во-первых, уже в середине XIX в. жестокое обращение с женой стало основанием не только уголовной ответственности, но и, в отдельных случаях, для раздельного проживания супругов. Можно говорить о том, что начали складываться предпосылки для принятия закона 1914 г., который расценивал супружеское насилие как одну из причин отказа фактически продолжать совместную жизнь. Доказательством этому можно считать принятие 17 сентября 1862 г. правил следования семейств за лицами, ссылаемыми в Сибирь. Согласно этим правилам, жестокое обращение в совокупности с некоторыми другими обстоятельствами позволяло жене остаться на прежнем месте жительства при удалении мужа в другие губернии по общественному приговору.

Во-вторых, в середине XIX в. вопросы брака и семьи у податного населения интересовали правительство по-прежнему с точки зрения сословной организации общества. И правила 1862 г., и предшествовавшие ему узаконения об оставлении жён на месте жительства при переселении мужей касались не всех российских сословий. С точки зрения ведомств, ответственных за переселение мещан и крестьян, семейные неурядицы, жестокость по отношению к домочадцам могли создать для них неудобства при устройстве на месте. Кроме того, законодатель всё ещё учитывал мнение податных обществ, ответственных перед правительством за выполнение населением личных и имущественных повинностей, в определении судьбы домочадцев удаляемых крестьян или мещан. В то же время из-за позиции руководства православной церкви власть ещё не могла связать про-

блему семейного насилия в принципе с правом супругов на раздельное проживание. Таким образом, не имея возможности в середине XIX в. облегчить участь всех несчастных жён посредством изменений в *семейном* законодательстве, для некоторой их части правительство оставляло лазейки в законодательстве *сословном*.

Итак, в середине XIX в. русское правительство сделало 2 важных шага:

1) государственные органы были допущены принимать решения (хоть и в ограниченных ситуациях) о совместном или раздельном пребывании супругов;

2) при принятии таких решений стал учитываться фактор жестокого обращения мужа с женой.

Статья поступила в редакцию 18.07.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безгин В. Б. Убийство супруга(и) в крестьянской семье (конец XIX – начало XX века) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2016. № 1. С. 27–30.
2. Ворошилова С. В. Правовое положение женщин в России в XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2011. 63 с.
3. Гончаров Ю. М. Брачно-семейное право Российской империи XIX – начала XX вв. Барнаул, 2019. 148 с.
4. Давыдова А. Д. Неравноправное положение женщин в Российской империи // История и археология: материалы III Международной научной конференции. СПб., 2015. С. 1–3.
5. Никологорский А. С. Семейный вопрос в российской публицистике конца XIX – начала XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 32 с.
6. Полянский П. Л. Герои Льва Толстого и правовые средства разрешения супружеских неурядиц в XIX в. в России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия 11: Юриспруденция. 2019. № 3. С. 68–78.
7. Полянский П. Л. Дело Шелковникова: к вопросу о разграничении компетенции российских церковных и светских органов в брачных делах XIX в. // Вестник Московского университета. Серия: Право. 2014. № 5. С. 33–51.
8. Полянский П. Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе: историко-правовое исследование. М., 2016. 400 с.
9. Пушкарёва Н. Частная жизнь русской женщины XVIII века. М., 2012. 381 с.
10. Сидорова В. С. Крестьянская семья и бытовая преступность в России во второй половине XIX века // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2011. Т. 4. № 1. С. 39–47.

REFERENCES

1. Bezgin V. B. [The murder of a spouse (s) in a peasant family (late 19th – early 20th centuries)]. In: *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history], 2016, no. 1, pp. 27–30.
2. Voroshilova S. V. *Pravovoye polozheniye zhenshchin v Rossii v XIX – nachale XX vv.: avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk* [The legal status of women in Russia in the 19th – early 20th centuries: abstract of Dr. Sci. thesis in Legal sciences]. Saratov, 2011. 63 p.
3. Goncharov Yu. M. *Brachno-semeynoye pravo Rossiyskoy imperii XIX – nachala XX vv.* [Marriage and family law of the Russian Empire 19th – early 20th centuries]. Barnaul, 2019. 148 p.
4. Davydova A. D. [The unequal status of women in the Russian Empire]. In: *Istoriya i arkheologiya: materialy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [History and archeology: Materials of the 3^d International Scientific Conference]. St. Petersburg, 2015, pp. 1–3.
5. Nikologorsky A. S. *Semeynyy vopros v rossiyskoy publitsistike kontsa XIX – nachala XX veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Family issue in Russian journalism of the late XIX – early XX century: abstract of Cand. Sci. thesis in Historical sciences]. Moscow, 2012. 32 p.
6. Polyansky P. L. [Heroes of Leo Tolstoy and legal means of resolving marital troubles in the 19th century in Russia]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya*

- [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence], 2019, no. 3, pp. 68–78.
7. Polyansky P. L. [The Shelkovnikov case: on the issue of delimiting the competence of Russian church and secular authorities in marriage matters of the 19th century]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo* [Bulletin of Moscow University. Series: Law], 2014, no. 5, pp. 33–51.
 8. Polyansky P. L. *Pravovoye regulirovaniye brachno-semeynykh otnosheniy v rossiyskom obshchestve: istoriko-pravovoye issledovaniye* [Legal regulation of marriage and family relations in Russian society: historical and legal research]. Moscow, 2016. 400 p.
 9. Pushkareva N. *Chastnaya zhizn russkoy zhenshchiny XVIII veka* [Private life of a Russian woman of the 18th century]. Moscow, 2012. 381 p.
 10. Sidorova V. S. [Peasant family and domestic crime in Russia in the second half of the 19th century]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina* [Bulletin of Pushkin Leningrad State University], 2011, vol. 4, no. 1, pp. 39–47.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Полянский Павел Львович – доктор юридических наук, профессор кафедры истории государства и права юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: iogp@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavel L. Polyansky – Dr. Sci. (Law), Prof., Department of History of State and Law, Lomonosov Moscow State University; e-mail: iogp@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Полянский П. Л. Семейно-правовые последствия жестокого обращения с жёнами у податного населения России в середине XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 3. С. 51–66.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-51-66

FOR CITATION

Polyansky P. L. Family and Legal Consequences of Ill-Treatment of Wives among the Taxable Population of Russia in the Middle of the 19th Century. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 3, pp. 51–66.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-51-66

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 342.3

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-67-84

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СУВЕРЕНИТЕТА И ЕГО ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Грачев Н. И.

*Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации
400089, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проанализировать современные подходы к проблематике государственного суверенитета, пытающиеся осмыслить его фактически относительный и во многом конвенциональный характер в современном мире, выявить исследовательские проблемы, без решения которых модернизировать классическую теорию суверенитета невозможно. На основе их теоретичного решения попытаться дать более адекватное в смысловом и содержательном плане понятие государственного суверенитета, объединяющего в единой формуле его идею, фактическое и правовое содержание.

Процедуры и методы. В работе использованы общенаучные методы (системного анализа и синтеза, диалектический, формально-логический) и специальные методы исследования (сравнительно-правовой, историко-правовой, формально-юридический).

Результаты. Теоретическое осмысление методологических проблем исследования суверенитета, присутствующих во всех современных подходах к этому феномену, привело к выводу, что их решение возможно лишь на основе основных постулатов его классической концепции, берущей своё начало от Ж. Бодена, поскольку в ней содержится достаточно чёткий подход к решению большинства указанных проблем.

Теоретическая и/или практическая значимость исследования заключается в том, что, проведя определённую коррекцию классической концепции применительно к современной эпохе заката глобализации и становления многополярного мира, автор предлагает пути решения целого ряда методологических проблем исследования суверенитета и даёт его собственное определение, претендующее на универсальность. Результаты данного исследования вносят существенный вклад в теорию государства и дают основу для дальнейшего изучения целого ряда политико-правовых явлений.

Ключевые слова: государство, суверенитет, многополярность, кризис суверенной государственности, верховная власть, чрезвычайная ситуация, право и правовой порядок

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF THE STUDY OF SOVEREIGNTY AND ITS POLITICAL AND LEGAL NATURE IN THE CONDITIONS OF THE FORMATION OF A MULTIPOLAR WORLD

N. Grachev

*Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
ul. Istoricheskaya 130, Volgograd 400089, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze modern approaches to the problem of state sovereignty, trying to comprehend its actually relative and largely conventional nature in the modern world, to identify research problems, without solving which it is impossible to modernize the classical theory of sovereignty; as well as to try to give a concept of state sovereignty based on their theoretical solution. This concept would be more adequate in terms of meaning and content, uniting its idea, factual and legal content in a single formula.

Methodology. The work uses general scientific methods (system analysis and synthesis, dialectical, formal logical) and special research methods (comparative legal, historical legal, formal legal).

Results. The theoretical understanding of the methodological problems of the study of sovereignty, present in all modern approaches to this phenomenon, led the author to the conclusion that their solution is possible only on the basis of the basic postulates of its classical concept, which originates from J. Bodin, since it contains a fairly clear approach to solving most of these problems.

Research implications of the article lie in the fact that, having carried out a certain correction of the classical concept in relation to the modern era of the globalization decline and the formation of a multipolar world, the author proposes ways to solve a number of methodological problems in the study of sovereignty and gives his own definition, which claims to be universal.

Keywords: state, sovereignty, multipolarity, crisis of sovereign statehood, supreme power, emergency situation, law and legal order

Введение

Упадок национально-территориальной государственности, со всей очевидностью обнаружившийся на рубеже XX–XXI вв. и связанный с процессами глобализации, построением однополярного мира с доминированием США как единственной сверхдержавы и формированием новых структур транснационального управления экономическими процессами на международном уровне, привёл к попыткам переосмысления и переоценки многих концептуальных положений юридической науки и политико-правовой практики. Прежде всего, подвергается пересмотру фундаментальная идея и международно-правовой принцип суверенитета как необходимого и значимого признака государства. В геополитической практике последних десятилетий можно было неоднократно наблюдать, как под прикрытием высоких лозунгов демократии, свободы и открытого общества

подчас уничтожался суверенитет целых стран¹. И несмотря на видимые признаки заката глобализации, связанные с выходом целого ряда государств из-под контроля США и становлением многополярного мира, суверенитет по-прежнему остаётся в нём очень дорогой и эксклюзивной вещью. В то же время не подлежит сомнению, что для целого ряда государств и народов он является условием выживания и существования². Это справедливо и по отношению к нашей стране. Сложившееся в последние годы международное положение ясно показывает, «что Россия либо будет суве-

¹ Путин В. В. Выступление на расширенном заседании Государственного Совета «О стратегии развития России до 2020 года» 08.02.2008 г. // Regnum: [сайт]. URL: <https://regnum.ru/news/954426.html> (дата обращения: 27.02.2021).

² См.: Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ от 04.12.2014 // Гарант: [сайт]. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/587192/> (дата обращения: 27.02.2021).

ренной, либо её не будет вообще»¹. Таким образом, с одной стороны, феномен суверенитета и его теория переживают в настоящее время определённый кризис, но с другой – они по-прежнему сохраняют свой качественно фундаментальный характер, как для внешнеполитической деятельности государств, так и для юриспруденции.

В настоящее время в исследовании суверенитета видится целый ряд методологических проблем, без нахождения консенсуса по которым научному сообществу будет трудно двигаться в изучении этого явления в верном направлении.

Первые две проблемы связаны с господствующим в научном и учебном дискурсе определением государственного суверенитета. Под ним обычно понимается присущее государственной власти свойство верховенства внутри страны и качества независимости, самостоятельности государства в отношениях с иными странами при определении и осуществлении своей внутренней и внешней политики [10, с. 11–12]. Исходя из этого, в научных работах и в учебных изданиях суверенитет часто трактуется как важнейшая, качественная характеристика государственной власти, без которой она не может быть действительно высшей, главенствующей в пределах политически организованного территориального целого. С другой стороны, ничуть не реже суверенитет рассматривается в качестве одного из важнейших признаков государства, если и не всегда присутствующий реально, как наличный факт, то, во всяком случае, являющийся необходимым формально-юридическим атрибутом государства. С этим дуализмом феномена суверенитета связана первая методологическая проблема его исследования, которая окончательно так и не решена политико-правовой наукой: является ли он свойством государственной власти или качественным признаком государства? При этом нередко представители обеих точек зрения ино-

гда обоснованно, а чаще безосновательно, критикуют своих оппонентов.

Данное определение суверенитета не содержит в себе ясного указания на его носителя, суверена, хотя в теории принято считать, что одно не существует без другого и предполагает его. Исходя из буквального толкования указанного определения, можно сделать вывод, что таким носителем является государственная власть. Некоторые авторы утверждают это прямо, понимая под суверенитетом верховенство и неограниченность государственной власти [27, с. 7]. Но обычно качество носителя суверенитета в абсолютных монархиях приписывается монарху, а в республиках и современных конституционных монархиях сувереном теоретически и формально юридически признаётся народ.

Основоположник консервативного направления в политической науке Ж. де Местр считал истинным сувереном аристократию, проникнутую народным духом [36, р. 430]. Социалистическая теория суверенитета, наиболее полно разработанная И. Д. Левиным, разделяя его на политический и юридический, обосновывала, что первый принадлежит господствующему классу, а второй – государственным органам, представляя государство общим носителем суверенитета, воплощающим в себе единство политического содержания и юридической формы [16, с. 56]. При этом необходимо помнить, что под государством марксизм-ленинизм понимает организацию государственной власти, её механизм, аппарат, возвращая тем самым суверенитет всё той же государственной власти, а по сути правящей бюрократии.

Отсутствие хоть какого-то единства мнений по этому вопросу объясняют содержательную размытость и нечёткость указанного выше понятия суверенитета. Оно не может определить основное в его характеристике, а именно: а) какой социально-политический и (или) институциональный субъект(ы) определяет верховенство государственной власти по отношению к другим общественным силам и структурам внутри страны; б) какой организаци-

¹ Интервью В. В. Путина Медиакорпорации Китая [Электронный ресурс]. URL: <http://rodon.org/polit-180606105728> (дата обращения: 27.02.2021).

онно-политический и правовой институт позволяет государству быть независимым от других государств и международных организаций и тем самым даёт ему возможность проводить самостоятельную и независимую политику.

Из этого вытекают 2 взаимосвязанные методологические проблемы. Одна требует для своего решения более адекватного в смысловом плане определения государственного суверенитета, содержащего какие-то вразумительные ответы на указанные вопросы и объединяющего в единой формуле фактическое содержание суверенитета с правовым. Другая имеет в виду необходимость установления возможных фактических и юридических носителей суверенитета.

Кроме того, суверенитет как политико-правовой феномен может рассматриваться в 3-х аспектах:

1) как идея, т. е. некий умопостигаемый образ, взятый в его потенциально имманентной цели и всех возможностей своего существования;

2) реально существующее явление, взятое в его историческом развитии;

3) юридическая конструкция, правовая форма закрепления, реально или идеально отображённая в конституционно-правовых нормах того или другого государства [7, с. 41].

Между тем в научных исследованиях далеко не всегда с достаточной чёткостью и ясностью можно определить: а) какой методологический срез суверенитета как научной категории (идеальный, реальный или формальный) подлежит рассмотрению в данном конкретном исследовании (параграфе, статье, монографии или даже контексте)? б) в чём и как проявляется реальное фактическое выражение суверенитета государства в качестве его признака? в) какой должна быть наиболее оптимальная юридическая формула закрепления верховенства государственной власти и независимости государства в его конституции, в наилучшей степени отражающая его суверенный статус?

Таким образом, четвёртая методологическая проблема при исследовании феномена суверенитета заключается в том, что авторы, пишущие по данной проблематике, нередко смешивают идею суверенитета или его конституционную конструкцию с фактически существующим или же, наоборот, отсутствующим в практике политического строительства того или иного государства явлением. Отсюда возникают неясности, смысловые противоречия, а иногда и нелепости в самих исследовательских подходах к государственному и народному суверенитету и их соотношению, в таких вопросах как абсолютность и относительность, полнота и ограниченность суверенитета, проблематике изменений суверенного статуса государств в ходе глобальных изменений в мире и др., поскольку авторы часто не указывают, какой из аспектов суверенитета как политико-правового явления они в данном конкретном случае имеют в виду. Так, например, многие учёные, акцентирующие внимание на необходимости переосмысления проблемы государственного суверенитета в условиях глобализирующегося мира, почти никогда не указывают какой из аспектов суверенитета как политико-правового явления (фактический или юридический) подлежит теоретическому пересмотру и оставляют за скобками вопрос, является ли по-прежнему актуальной сама политико-правовая идея суверенитета, в соответствии с которой он наделяется абсолютной природой или пересмотру подлежат лишь его современные юридические и фактические характеристики, связанные с текущим моментом исторического развития.

Классическая концепция суверенитета и практика функционирования суверенной государственности

Современное государствоведение признаёт, что теория суверенитета в разработанном виде была сформулирована во второй половине XVI в. французским легистом Ж. Боденом. Его справедливо называют отцом этой теории [18, с. 37].

Ж. Боден определяет суверенитет как неограниченную законами верховную власть над гражданами и подданными, постоянную и абсолютную власть государства. Такая власть, по его мнению, является необходимым атрибутом любого государства и выступает определяющим условием его существования [5, с. 136–137; 30, р. 179–181]. Именно с Ж. Бодена ведётся отсчёт классической концепции государственного суверенитета, последователями которой выступали такие выдающиеся философы и правоведы как Г. Гроций, Т. Гоббс, Б. Спиноза, Ж. де Местр, Г. Гегель, Б. Н. Чичерин, Н. Н. Алексеев, К. Шмитт и др. Они во многом развили его идеи, но принципиально содержание самой концепции не изменили, так что, по сути, она с момента своего возникновения не претерпела какого-то значительного усовершенствования.

Квинтэссенцию классической концепции суверенитета выразил в 3-х тезисах один из основных её критиков – Ж. Маритен [18, с. 54–55]. Во-первых, во внешней сфере суверенное государство обладает абсолютной независимостью по отношению к мировому сообществу. Она неотчуждаема и неотвергаема, и ни один международный пакт не может ограничить государство в его действиях, без того чтобы оно не утратило свою внешнюю самостоятельность и не перестало быть государством. Во-вторых, в своей внутренней жизни суверенное государство обладает абсолютной верховной властью, выражающейся в монополии на принятие окончательных решений, которая тем более неоспорима, что государство в лице верховной власти выступает в качестве персонификации всего общества или самого народа в целом. В-третьих, верховная государственная власть реализует свои полномочия неподотчётно, что выводит её за рамки управляемого ею общества, поднимая до уровня земного («смертного», по выражению Т. Гоббса) бога и делает неподконтрольной и неподнадзорной народу.

Однако историческая практика свидетельствует, что в очень редкие периоды

времени и далеко не у всех политически организованных обществ, признающих себя государствами, суверенитет проявляет себя как абсолютная, ничем и никем неограниченная форма и степень верховной власти. А бывало так, что на протяжении целой исторической эпохи, как, например, в период расцвета феодализма в Западной Европе, его практически невозможно было обнаружить как полноценное проявление сущности государства. Хотя, конечно, и сами средневековые государства вряд ли кто-то назовёт полноценными с точки зрения всех концептуальных критериев, используемых наукой для этого понятия.

Парадоксом в данном аспекте является тот факт, что современное геополитическое состояние мира на новом витке исторического развития до известной степени напоминает средневековую карту Европы, характерную для преддверия Нового времени, только с обратным знаком. Если тогда на развалинах старых имперских порядков формировались суверенные, национальные государства, то современный мир движется от системы национальных, формально суверенных государств, уже фактически утративших монополию на правовое регулирование и применение легитимного физического насилия на своей территории, через новый хаос и анархию международных отношений к иным более сложным политическим структурам [15, с. 9], видимые контуры которых позволяют делать вывод о *реставрации идей империи и имперского суверенитета* и возможности реновации *имперской государственности* в несколько обновлённых формах [8, с. 304–333]. Время малых государств прошло, их политическая независимость и самостоятельность стала абсолютно невозможной, и требование, чтобы каждый народ имел свое государство, выглядит анахронизмом.

Но таким образом, не только современный этап геополитического развития, а сам исторический опыт развития государственности показывает, что в реальной жизни достичь фактического суверенного состояния могут далеко не все государства,

даже признаваемые таковыми международным сообществом. Не случайно межгосударственные отношения выявили такие формы политической зависимости одних государств от других как протекторат, уния, фузия, вассалитет, колония, доминион и ряд других [9, с. 165–175], про которые современная юридическая наука, находясь в плену западного правового формализма, почти забыла, т. к. указанные наименования в международно-правовых документах давно уже не используются. Все 200 с лишним государств, существующих в настоящее время на планете, считаются как бы формально равными, а их очевидное неравенство и потеря фактического суверенного статуса у подавляющего большинства из них связывается с образованием и существованием ООН, подписанием международных пактов о правах человека, появлением международной юрисдикции и соответствующей системы санкций, созданием корпуса миротворческих сил и правом на гуманитарную интервенцию на территории юридически суверенных государств со стороны «международного сообщества».

Исходя из этого, как в научных исследованиях, так и в геополитической практике происходит отрицание суверенитета как необходимого качественного признака государства, что ведёт к теоретическим выводам о существовании не суверенных или полусуверенных государств, возможности делимости и дробления суверенитета, его текучести и рассеянии между множеством источников власти [32, р. 444], а следовательно, о его принципиально ограниченном характере, что находит своё выражение в закреплении различных моделей распределённого суверенитета в конституционном законодательстве различных стран [17, с. 459–473]. И если рассматривать суверенитет как реальное явление в его историческом развитии на различных этапах существования государственности у конкретных стран и народов, то этот подход, безусловно, находит своё фактическое подтверждение как в прошлом, так и в настоящем времени.

Но означает ли это, что принципу и идее суверенитета по существу уже положен конец [37, р. 73–83], или как минимум, что это понятие стало «концептуально неоднозначным» [19, с. 64–74], способным вмещать в себя различные сущности, на чём настаивают многие зарубежные и отечественные авторы? Ведь указанные выше подходы есть, по сути, возврат к идеям, которые век назад продуцировали Г. Кельзен [33, р. 320], Г. Дж. Ласки [34] и ряд других либеральных авторов, поставивших под сомнение само понятие суверенитета после Первой мировой войны, что позволило идеологам либеральной концепции правового государства выступать за подчинение верховной власти праву, подвергая её разделению в целях предотвращения узурпации, а поборникам глобализации обосновывать ограниченность государственного суверенитета рамками международного права и необходимость передачи правомочий на суверенные действия к международным организациям, выражающим интересы мирового сообщества.

Именно такая концепция «суверенитета», признающая право международного сообщества вмешиваться во внутреннюю жизнь государств, «если мирные средства окажутся недостаточными, а национальные органы власти явно окажутся не в состоянии защитить своё население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности», была установлена Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН под названием «Обязанность защищать» (*The responsibility to protect; RtoP or R2P*) и стала в 2005 г. нормой международного права¹.

Но, во-первых, поскольку международное право обязано своим появлением

¹ См.: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.2005 № 60/147, содержащую в Приложении «Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права» // ООН: [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles_right_to_remedy.shtml (дата обращения: 25.05.2022).

суверенным государствам, то кризис современной государственности является одновременно и кризисом международного права, которое находится в стадии разложения и постепенно перестаёт существовать в качестве действенного регулятора отношений на наднациональном уровне [22, с. 273–309], чему достаточно много свидетельств: проведённые без мандата ООН бомбардировки Югославии силами НАТО в 1999 г.; вторжение США и их союзников в Ирак в 2003 г., осуществлённое также без санкции ООН и обоснованное лживым предлогом наличия у Ирака химического оружия; военная интервенция международной коалиции на основе вооружённых сил НАТО в Ливию в 2011 г., грубо нарушающая резолюцию Совета Безопасности ООН; развязанная западными странами и ближневосточными монархиями гражданская война в Сирии, направленная на свержение её законного президента Башара Асада (с 2011 г. и фактически по настоящее время) и др.

Во-вторых, само выражение «мировое сообщество» уже давно превратилось в эвфемизм, призванный «придать общемировую легитимность действиям, отражающим интересы США и других западных стран» [24, с. 42] и используемый для идеологического оправдания их геополитической экспансии. Они сначала разрушают единство крупных и вполне дееспособных государств, устраивая в них перевороты, межнациональные конфликты и гражданские войны, ввергая их в катастрофическое состояние, а затем якобы для предотвращения геноцида и военных преступлений вводят туда, часто без санкции ООН, свои воинские контингенты. Поэтому авторами, отрицающими суверенитет как неотъемлемый признак государства или утверждающими его относительный, ограниченный и конвенциональный характер в условиях глобализации, по существу отвергается самостоятельность всех стран, кроме единственной сверхдержавы, а если в политическом верховенстве отказывается и ей, то это означает ни что иное, как перенос качества абсолютного суверена на

мировое правительство, которое в случае своего создания будет действовать исключительно в интересах транснациональной финансовой и сетевой олигархии.

В-третьих, происходившая на протяжении последних десятилетий, утрата суверенитета национальными государствами привела к колоссальной нестабильности и хаосу в международных и внутригосударственных отношениях. Однополярный мир с США в роли гегемона проявил себя как весьма нестабильная система и показал невозможность управления земным шаром из одного центра. И как уже неоднократно бывало в истории, постепенно возникает противодействие этой гегемонии и становление новых центров силы на международной арене, которые отвергают посягательства на свой суверенитет и пытаются укрепить его. К тому же перенапряжение экономики, внутривнутриполитическая борьба между демократами и республиканцами, негативный эффект от международных авантур подрывает могущество США и делает неизбежным переход к многополярному миру, что предполагает возврат государств, становящихся его силовыми полюсами, к принципу классического суверенитета в его изначальном, боденовском понимании.

В-четвертых, явная и интенсивная политизация цивилизационных факторов, обогнавшаяся на пороге XXI в., уже привела к возникновению нескольких центров силы, в лице так называемых «стержневых государств» (по выражению С. Хантингтона), способных интегрировать на основе политического, экономического и военного доминирования крупные географические регионы, народы и страны которых имеют сходный культурный код, что способствует формированию метажоуверенных образований неоимперского типа, таких как: Китай – в Юго-Восточной Азии, Индия – в Южной Азии, Бразилия – в Южной Америке, ЮАР – в Африке, Россия – в Евразии [4, с. 671–672; 13, с. 734–735; 25, с. 238]. В других регионах земного шара на эту роль претендуют Иран, Турция, Саудовская Аравия,

Германия, Польша¹. Тем самым для государств, притязающих на статус великих держав, признак и принцип суверенитета вновь получает своё основополагающее значение именно в своём классически абсолютном смысле, хотя бы в качестве потенции.

Таким образом, практика делимости и дробления суверенитета в современном мире никак не влияет на содержание самой его концептуальной идеи. Её воплощение на различных этапах эволюции государственности не может не иметь некоторых промежуточных стадий в развитии политических форм организации общества, знающих «приливы» и «отливы» на пути достижения фактического суверенитета каких-то конкретных государств в реальной действительности. С этой точки зрения все возможные варианты полноты или степени суверенитета, всегда связанные с международной или (и) внутренней конъюнктурой, являются всего лишь инструментами либо этапами подлежащей реализации идеи.

При этом ясно, что далеко не каждый народ или нация могут реализовать свои идеальные политические потенции и часто вынуждены выступать в политической реальности не как суверенные государства, а находиться в составе других государств (федераций и империй), либо пребывать в полусуверенном состоянии в зоне политического влияния великих держав или международных организаций. В то же время совсем не исключено, что в силу неравномерности политического и социально-экономического развития они могут затем вновь восстановить свой суверенитет и

выступать на международной арене в качестве вполне самостоятельных игроков, о чём свидетельствуют примеры таких государств как Индия, Иран, Китай, Россия, Турция. Следует также обратить внимание на государства, которые не претендуют на звание великой державы, но тем не менее достаточно долго сохраняют внешнюю независимость и способность проводить самостоятельную политику, несмотря на отсутствие какого-либо значительно экономического или военного потенциала: КНДР, Вьетнам, Куба, Венесуэла, Никарагуа.

Это не может не вызывать вопроса о том, что позволяет указанным выше государствам иметь или реставрировать свой суверенный статус, и вновь ставит задачу выявления политико-правовой формы выражения государственного суверенитета. И при попытках её решения не обойтись без основных постулатов классической концепции суверенитета, поскольку у её сторонников почти на все эти вопросы есть совершенно чёткие ответы, без которых всякая дискуссия о нём неизбежно заходит в тупик.

Сущность государства у них заключается в суверенитете, а он сам выступает как феномен верховной государственной власти, обладатель которой есть суверен, поскольку наделён монопольным правом и способностью принятия последних и окончательных решений по всем вопросам общегосударственного значения. Элемент *решения* в понятие суверенитета было также внесено Ж. Боденом. Говоря о различии между магистратом как подчинённым (исполнительным) звеном управления и верховным правителем (сувереном), он указал, что акт магистрата есть просто распоряжение, т. е. акт сугубо административный, в то время как акт суверена – это политическое решение, поскольку может изменять содержание государственного и правового порядка [5, с. 148, 151–152]. В конечном счёте в этом и «состоит сущность суверенитета, который юридически должен правильно определяться не как властная монополия или монополия при-

¹ См.: Борьба империй. Попытки современных держав поделить мир // Военное обозрение: [сайт]. URL: <https://topwar.ru/162056-borba-imperij-sovremennye-derzhavy-pytajutsja-podelit-mir.html> (дата обращения: 22.05.2021); В Польше хотят возродить Речь Посполитую // EurAsia Daily: [сайт]. URL: <https://easaily.com/ru/news/2018/04/06/v-polshe-hotyat-vozrodit-rech-pospolituyu> (дата обращения: 22.05.2021); Эрдоган объявил о переименовании Турции в Османскую империю, а должности президента в султана // Панорама: [сайт]. URL: <https://panorama.pub/4541-erdogan-obyavil-ob-osmanskoj-imperii.html> (дата обращения: 22.05.2021).

нуждения, но как монополия решения» [28, с. 26], исключительного и последнего, а потому не подлежащего оспариванию, обжалованию и пересмотру.

Таким образом, суверенитет как феномен верховной власти с юридической стороны «является понятием, выражающим иерархичность отношений между официальными носителями власти в государстве, утверждающим, что в этих отношениях должна быть некая высшая точка, некий *высший центр действия*, обладающий способностью последних решений» [3, с. 540]. «Если такого верховного носителя нет, если последнее решение за государство выносит кто-то другой, то это уже не государство, а провинция, область или что-то иное, входящее в сферу каких-то суверенных властных отношений как вполне самостоятельный член» [3, с. 540]. Однако фактически то же самое происходит с государством в случае, когда официальный носитель верховенства присутствует в нём как некая формальная инстанция, на деле дублирующая чьи-то решения извне, безотносительно выступает ли их акторами единственная сверхдержава или какой-то транснациональный кластер. В таком состоянии пребывают, например, члены Европейского Союза, Япония и Южная Корея, превратившиеся, судя по тому как их вгоняют в санкционную компанию против России вопреки их реальным интересам, в сателлитов и вассалов США, несмотря на сохранение почти всех внешних атрибутов самостоятельности.

Идея суверенитета и парадоксы верховой власти

В связи с этим становится понятным, что «*высший центр действия*» в государстве, *принимающий последние решения* и организующий их проведение в жизнь, может быть не только официальным, но и не официальным, не только явным и публичным, но также скрытым от общества, тайным, а значит нелегальным и нелегитимным. Поэтому для суверенитета как феномена верховной власти и его

юридической сущности как монополии высшей инстанции на окончательные решения, касающиеся всего государственно-го организма, огромную важность имеет вопрос о содержательной правильности этих решений, их соответствии генеральной функции государства, заключающейся в обеспечении выживания и сохранения государствообразующего народа, что предполагает его политическое единство и целостность по отношению к внешнему миру, а следовательно, воспроизводство его суверенного государственного статуса, которые верховная власть, действительно принадлежащая к данному государству, объективно не может не ставить выше любых иных социальных целей и интересов. В противном случае государству грозит саморазрушение, а его народу исчезновение с исторической сцены.

Следовательно, несмотря на то, что верховная власть действует неподотчётно и бесконтрольно, находясь видимым образом над государством и государствообразующим народом, её решения не могут быть выражением безграничного произвола властителей или проявлением их ничем неограниченной воли. Это уже хорошо понимали Ж. Боден и его последователи, утверждая, что суверен всегда действует не в плане собственного блага, а имея в виду благо всего политического сообщества, государства в целом [23, с. 137]. Но действовать именно таким образом может лишь *национально ориентированная верховная власть*, признаваемая автохтонным населением и способная хотя бы в главном и основном удовлетворять национальные чаяния и потребности. Но это означает, что она ментально, по своему мировосприятию и мировоззрению, должна принадлежать государствообразующему народу, экзистенциально находиться вместе с ним, а не над ним, являться его составной частью, пусть самой высокой и наделённой особым статусом, что вполне согласуется с её ролью, местом и назначением. Именно ориентация на национальные интересы порождает стремление верховной власти к самостоятельной внешней и внутренней

политике и питает её претензии на фактический суверенитет, которые должны постоянно подтверждаться на практике контролем над государственной территорией, эффективным управлением, лояльностью и поддержкой населения внутри государства и успешной защитой своих границ, утверждением себя в качестве надёжного партнера или союзника, грозного конкурента или гегемона во вне.

Значит ли это, что Ж. Маритен и другие авторы [14, с. 168–168; 26, с. 35], помещающие верховную власть вне государства или, вернее, над ним, не правы? И да, и нет. «Парадокс суверенной власти», если несколько перефразировать Д. Агамбена, заключается в том, что суверен в одно и то же время находится внутри и за пределами государства и его правовой системы [2, с. 22], а его положение по отношению к ним всегда двойственно [2, с. 64].

С одной стороны, верховная власть, устанавливая и поддерживая определённый государственный и правовой порядок в нормальной ситуации повседневной жизни не испытывает необходимости выходить за его пределы. Её решения, принимаемые в обычных условиях, не носят по отношению к общественному организму характер внешней, трансцендентной силы и непосредственно *включаются* в правовой порядок как нечто имманентное конституционному статусу государственных структур, осуществляющих публичное управление. Складывается впечатление, что верховная власть принадлежит одновременно и государству, и правовому порядку, причём последнему даже в большей степени (принцип, который кажется непреложным для современного понимания демократии и правового государства), ограничиваясь почти исключительно функцией поддержания последнего и оставаясь где-то в тени или на заднем плане политической реальности в качестве его гаранта. По сути, верховная власть пребывает в условиях стабильной нормальности как бы в спящем состоянии, и она может находиться в нём неопределённо долго, существуя как собственная возможность, не

переходящая в действительность. Отсюда возникает тенденция к устранению самой категории верховной власти и суверенитета из юридического лексикона, характерная для современной теории правового государства.

С другой стороны, носитель верховной власти в экстраординарных ситуациях, грозящих государству разложением и (или) гибелью, правомочен принимать решения, даже если они по форме и содержанию не соответствуют конституции. Из этого вытекает классическая формула суверенитета К. Шмитта: «Суверен тот, кто принимает решения о чрезвычайном положении» [28, с. 15].

В действующем законодательстве такого рода ситуации характеризуются самое лучшее как случай крайней необходимости либо путём перечисления угроз существованию государства, но не могут быть описаны по своему фактическому составу¹. Невозможно с достаточной ясностью и полнотой изложить в тексте закона не только общее правило, когда наступает такой случай, но и определить по содержанию, что должно произойти для его устранения. Но именно этот случай актуализирует вопрос о суверенитете и его непосредственном носителе, поскольку ставит вопрос о самом существовании государства, а при таких условиях предпосылки и содержание компетенции носителя верховной государственной власти становятся неограниченными и он может быть определён по факту (как, например, в революционной ситуации), путём присвоения себе полномочий по приостановлению или прекращению действия всего существующего порядка либо по его кардинальному обновлению. Решения суверенной власти освобождаются здесь от любой нормативной связанности и становятся в собственном смысле слова абсолютными [28, с. 17–25]. И она начинает представляться совершен-

¹ См.: Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) «О чрезвычайном положении» (ст. 3) // СПС Консультант Плюс: [сайт]. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31866 (дата обращения: 22.03.2022).

но самостоятельной и ни от чего не зависящей субстанцией, целью для себя самой, а не средством, обеспечивающим более высокие цели сохранения государства и выживания государствообразующего народа. Спасение государства становится здесь, в соответствии с древнеримским изречением, высшим законом, и для этого верховная власть может применять любые меры и использовать любые средства. Само её наличие становится условием такого спасения. Поэтому ей принадлежит право чрезвычайных надправовых решений, она становится выше права, по крайней мере, выше обычно действующего законодательства. Соответственно, все абстрактно абсолютные политико-правовые возможности верховной власти становятся реальностью, жизненным фактом. И «идеализм суверенитета достигает присущей ему действительности» [6, с. 318].

Принцип идеальных возможностей верховной власти имманентно присущ определению суверенитета, которое не может не включать его в себя, ибо в предельном состоянии чистая возможность переходит в действительность, становясь неразличимой с ней, и эта зона неразличимости и есть собственно суверенность [2, с. 64-65]. В этом смысле любое государство, стремящееся к реальному суверенитету, всегда основывается на идее возможности, которая заключается в том, чтобы привести к единству два элемента любой власти: её вероятный потенциал и форму его реализации [31, р. 289]. Такой подход к идее государственного суверенитета, которая и определяет его понятие, остаётся по-прежнему актуальным в целом и полностью отвечающим современности, в частности потому, что «чрезвычайное положение всё более стремится стать доминирующей парадигмой современной политики» [1, р. 9], а соответствующие ему формы и методы, которые ранее было принято считать временной мерой, повсюду уже давно стали парадигмой обычного нормотворчества и управления [22, с. 197-211].

Однако даже в условиях чрезвычайной ситуации верховная власть не может быть

абсолютно свободной в выборе своих ориентиров и способов действия, оставаясь зависимой от определяющей их цели сохранения государства и выживания его народа. Более того, данная функция составляет основное предназначение и смысл существования верховной власти. Она делает не то, что ей вздумается, а в очень значительной степени, что она должна и может при данных обстоятельствах. Если верховная власть меняет эту интенцию своей воли, то перестаёт быть суверенной, т. е. быть самой собой, меняя тем самым свою природу, а государство прекращает своё фактическое бытие в этом статусе. Поэтому её решения в исключительных обстоятельствах не могут являться выражением субъективных желаний лица или лиц, занимающих самое высокое иерархическое положение в государстве, а выступают как акты верховного политического управления, детерминированные исключительно волей к тому состоянию общественной жизни, которое принято характеризовать неопределённым выражением «благо государства». Она не может быть индифферентна положению, в котором находится государство, и этом смысле всегда принадлежит ему, обладая одновременно правом реформировать его, переводя в новое заданное ею самой или объективными обстоятельствами состояние.

Таким образом, не только в условиях чрезвычайного положения, как считал К. Шмитт, но и в нормальной ситуации суверен стоит и «вне нормально действующего правопорядка», и одновременно «всё же принадлежит ему, ибо он компетентен решать, может ли быть *in toto* приостановлено действие конституции» [28, с. 17]. Но это также относится и к изменению отдельных её норм или замене её новым Основным законом, если суверен посчитает это необходимым. Исключительный случай лишь в наибольшей степени проявляет сущность верховной власти и потому лучше пригоден для юридической дефиниции суверенитета.

Из этого следует, что и в нормальных, и в чрезвычайных обстоятельствах вер-

ховная власть фактически суверенного государства должна обладать искренним стремлением выразить и воплотить в жизнь его долгосрочные стратегические интересы, для чего необходимо сохранять традиционные социально-нравственные ценности, выработанные государствообразующим народом в процессе своего исторического развития, которые не могут быть предметом компромисса или геополитического торга и должны защищаться ею любой ценой и по возможности продвигаться во вне. Именно с этих позиций суверенитет для государствообразующего народа выступает как «жизненный символ высшего порядка. Им различаются субъекты и объекты политических событий не только внутренней, но и, что гораздо важнее, внешней истории» [29, с. 387], которая всегда была, есть и будет историей государств. Народ действителен только в отношениях с другими народами, и нация, которая желает актуализовать свои жизненные силы во внешнем мире, должна строить себя как государство. Поэтому *изначально суверенитет в своём внешнем выражении равнозначен понятию государства в широком смысле как формы жизни определённого народа, страны, исторического общества, тождествен им.*

Эту мысль в своём «Трактате о сеньориях» (1608 г.) прямо и однозначно выразил ещё ученик Ж. Бодена Ш. Луазо: «Суверенитет есть та форма, что придаёт бытие государству; она никоим образом неотделима от государства, которое лишившись её перестаёт быть государством... Государство и суверенитет, взятый *in concreto*, суть синонимы» [35, р. 26]. Не случайно упадок национальных государств многие авторы связывают с утратой ими своих суверенных правомочий.

Исходя из этого, серьёзная методологическая ошибка считать суверенитет свойством государственной власти, как это достаточно часто делается в литературе. *Суверенитет есть принадлежность и качественное состояние государства, определяющее его фактический и юридический статусы как во внутренней жизни, так и*

на международной арене. Государственная власть представляет собой лишь один из основных его элементов, наряду с территорией и населением. Её основным качеством является не суверенитет, а суверенность, понимаемая как внутреннее верховенство по отношению к другим видам социальной власти и авторитета в пределах территории государственно-организованного общества, что даёт ей правовую возможность определять их статус и контролировать их деятельность. Принципиальная связанность, но не тождественность понятий суверенитета и суверенности была детально обоснована И. А. Исаевым [11, с. 9–32].

Во внутренней структуре государства верховенство государственной власти проявляется в наличии в её системе высшей инстанции, завершающей собой государственную организацию «сверху» и концентрирующей в своих руках полномочия на принятие последних, окончательных решений по *всем* вопросам общегосударственного значения. Эта инстанция формально юридически выступает как верховная власть государства. Основная принципиальная особенность её статуса состоит в том, что она стоит вне права или даже над ним, обладая сверхъюрдической природой. В случае если её формальный статус переходит в реальный, в её организации и деятельности происходит трансформация суверенности в суверенитет, т. к. она, во-первых, есть власть *универсальная*, заключающая в себе все виды управленческой деятельности (законодательную, исполнительную, судебную, контрольно-надзорную), в т. ч. *учредительная* (способная прекращать старый и создавать новый государственный порядок), во-вторых, *власть – крайняя* (последних решений) и *чрезвычайная* (надправовых решений), в третьих, *власть – дискреционная* (в значительной степени свободная в своих решениях) [12, с. 337–360]. Поэтому «когда мы говорим о суверенитете и привязываем его к государственной власти, то здесь речь идёт о государственной власти в одном единственном смысле – как о власти верховной» [21, с. 163].

Именно верховная власть, обладающая способностью последних решений, выступает реальным (фактическим) и формальным (организационно-правовым) выражением суверенитета государства. Её наличие является необходимым условием достижения им своих внутренних и внешних функциональных целей: обеспечения выживания и воспроизводства государствообразующего народа путём установления и поддержания относительно справедливого политико-правового порядка внутри страны; обеспечения самостоятельного и независимого существования государствообразующего народа среди других стран и народов как необходимой гарантии его сохранения и возможности развития. Но иметь характер реально верховной, суверенной власти может лишь национально ориентированная верховная власть, осуществляющая управление в интересах всех управляемых, на чём и покоятся принципы её безусловного авторитета и легитимности как внутри страны, так и во вне.

В связи с этим совершенно несостоятельной как в практической плоскости, так и в теоретическом плане выглядят концепции народного и национального суверенитета. Они как явления не существуют и не могут существовать сами по себе отдельно и помимо государства. Нация или народ в качестве политического субъекта всегда выступают как один из элементов государства, его этносоциальная основа и источник, вернее, один из источников государственного суверенитета. Но сам суверенитет как феномен верховной власти принадлежит исключительно государству. Ни весь народ, ни нация в целом не способны быть последней, окончательной инстанцией при принятии решений общегосударственного значения, особенно в чрезвычайных, экстраординарных ситуациях. Они являются объектом верховной власти, а не её субъектом. Не случайно отождествление субъекта и объекта верховной власти стало основным логическим противоречием либерально-демократических и социалистических теорий XIX–XX вв., оставшимся неразрешимым и

для практики современной государственности. Поэтому о народном суверенитете можно говорить лишь в том смысле, «что народ вообще является по отношению к внешнему миру самостоятельным и составляет собственное государство» [6, с. 320], обладая своей национально ориентированной верховной властью, осуществляющей властные функции и полномочия в его долгосрочных интересах. Что касается конституционного принципа народного суверенитета, то с научной точки зрения он может рассматриваться лишь как правовая форма легитимации и репрезентации народонаселением данной верховной власти и установленного ею политического режима.

Юридическая организация верховной власти может состоять: из одного высшего единоличного или коллегиального государственного органа – самодержавного (абсолютного) монарха, аристократического совета или парламента; из нескольких высших органов государственной власти – главы государства, парламента, правительства. Она может иметь в своём составе не вполне оформленные структуры (центуриатные и трибунные комиссии – в республиканском Риме, вече – в Киевской Руси, избирательный корпус – в демократических государствах Нового и Новейшего времени).

Поэтому, формально, верховная власть выступает в любом государстве и при любой форме правления как государственно-правовой институт, включающий в себя: а) высшие органы государственной власти и иные структуры, обладающие правом принимать или участвовать в принятии решений общегосударственного (суверенного) значения; б) порядок (правила и процедуры) наделения, распределения и (или) концентрации правомочий по решению этих вопросов между ними. Содержание этого института определяет конкретную форму правления в том или ином государстве, название которой, как правило, указывает на наиболее полномочного актора суверенных прав: например, абсолютная, дуалистическая или парламентарная монархия;

президентская, парламентская или полупрезидентская республики. Таким образом, выясняется прямая связь формы правления с суверенитетом государства, формально-юридической организацией его *верховой власти*.

Однако правовая организация верховной власти ничего не говорит о её реальной организации и даже может вуалировать её, поскольку верховная власть может быть и не институционализирована, действовать вне правового поля, существовать тайно и анонимно, находиться за пределами государства, которое в таком случае управляется извне. В настоящее время именно таким образом происходит функционирование подавляющего большинства формально суверенных государств, где конституционно установленные институты превратились в фасад, политико-правовую фикцию, обслуживая интересы глобальных корпораций, в связи с чем реальные правомочия на принятие государственно значимых решений и контроль за их исполнением перешли к корпоративным олигархическим кланам, осуществляющим свою власть посредством закрытых, полуконспиративных структур.

В таких обстоятельствах поиски фактического суверена становятся бесплодными. Куда важнее является возвращение к основополагающему принципу, которым должны руководствоваться в своей деятельности и процессе воспроизводства правящие элиты государств, которые желают приобрести и (или) сохранить реальный суверенитет в условиях смены парадигмы общественного развития и становления нового мирового порядка.

Реальным фактическим сувереном в любом государственно организованном обществе всегда был, есть и будет узкий слой лиц внутри господствующего сословия или класса, причастных к принятию решений общегосударственного значения, «замкнутое меньшинство», обладающее государственным инстинктом и способное осуществлять политическое руководство [29, с. 386–389] не в интересах крупного корпоративного капитала или каких-то

иных господствующих групп, а *всего* государствообразующего народа, обеспечивая ему независимое существование в геополитической борьбе.

Именно такая концепция верховной власти обосновывается Сократом в знаменитом трактате Платона «О государстве»: «всякая власть, поскольку она власть, имеет в виду благо не кого иного, как тех, кто ей подвластен и ею опекаем» [20, с. 102]. Об этом же пишет и О. Шпенглер, указывая, что государство «по своей идее есть попечение обо всех и лишь в меру этого – попечение также и о знати. Однако подлинная знать <...> приравнивает себя к государству и печётся обо всех как о собственности», относя такое попечение к своим «благороднейшим обязанностям» и «прирождённому преимущественному праву», видя в этом своё «подлиннейшее призвание» [26, с. 386].

По сути, в данном аспекте речь идёт о правящем слое как некоем верховном «внутреннем авторитете», выделяемом из себя политически организованным обществом, вбирающем в себя все лучшие социальные силы, способном работать на всё общество и быть одновременно автономным от него, пренебрегая противоречивыми и часто враждебными классовыми, сословными и партийными интересами, превращающими государственную политику в гешефт. Это «чистая» (идеальная) функция верховной власти, существующей исключительно ради удовлетворения общественной потребности в управлении без оглядки на частные и групповые выгоды и ставящей себя над ними, в которой выражается платоновское понимание политики как искусства управления государством. Именно такое положение верховной власти относительно всех других общественных сил даёт ей возможность синхронного пребывания и внутри государства и над ним, выступая, с одной стороны, высшей точкой его устойчивости и прочности, а с другой – позволяющей ей проявлять себя в роли мягкого реформатора или, в случае необходимости, революционного преобразователя существующего порядка. Демократия не отменяется, но ставится на подобающее ей место и выполня-

ет функцию легитимации и репрезентации верховной власти.

Заключение

Генеральные функции верховной власти заключаются в организации на длительную перспективу хорошо работающей системы публичного управления и поддержании государственного аппарата и всего народа в «хорошей форме» (в спортивном значении этого слова), воспитывая во всех чувства долга, чести, самоотверженности, дисциплины и великой миссии сохранения и развития государства и государствообразующего народа.

Грядут, по-видимому, тяжелейшие времена из всех, какие знала история. И только государство, находящееся «в форме» и выступающее как духовно-нравственное единство верховной власти и народа, опирающееся на собственные культурные и политико-правовые традиции, способно вырвать на финише становления нового мирового порядка приз суверенного существования. Правила в новом мире «будут задавать именно сильные, суверенные государства». Все остальные «обречены на то, чтобы стать или остаться бесправной колонией»¹.

Таким образом, категория *суверенитета* по-прежнему представляет наи-

больший интерес из всех юридических понятий, поскольку именно *в его идее заключается сущность государства*. Он никоим образом неотделим от государства, которое, лишившись его, практически перестаёт быть таковым. Суверенитет – это политико-правовое состояние государства, выражающееся в наличии собственной, национально ориентированной верховной власти, выполняющей функцию управления государством как единым целым и концентрирующей монопольное право на принятие окончательных решений по всем вопросам общегосударственного значения, результатом чего является независимое и самостоятельное существование государствообразующего народа, дающее ему возможность выживания, воспроизводства и развития при сохранении своей культурной идентичности.

Поэтому авторы, которые пытаются преобразовать саму идейную концепцию суверенитета применительно к вызовам глобализации, помещая его в рамки национального законодательства и (или) международного права, осознанно или нет лишают всякого положительного смысла не только и не столько эту концепцию, сколько сам архетип государства.

Статья поступила в редакцию 11.07.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агамбен Д. Номо sacer. Чрезвычайное положение / пер. с итал. М. Велижева. М.: Европа, 2011. 148 с.
2. Агамбен Д. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь / пер. с итал. Е. Левиной. М.: Европа, 2011. 256 с.
3. Алексеев Н. Н. Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи // Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. С. 386–624.
4. Бабурин С. Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2005. 767 с.
5. Боден Ж. Метод легкого познания истории / пер. М. С. Бобковой. М.: Наука, 2000. 411 с.
6. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
7. Грачев Н. И. Происхождение суверенитета: Верховная власть в мировоззрении и практике государственного строительства традиционного общества. М.: Зерцало-М, 2009. 320 с.
8. Грачев Н. И. Государственный суверенитет и формы территориальной организации современного государства: основные закономерности и тенденции развития. М.: Книгодел, 2009. 468 с.
9. Грачев Н. И. Формы государственного устройства в современном мире: основы теории и конституционно-правовая практика. Волгоград: ВА МВД России, 2020. 524 с.

¹ Выступление Президента России Владимира Путина на ПМЭФ // Независимая: [сайт]. URL: https://www.ng.ru/economics/2022-06-17/100_p17062022.html (дата обращения 17.06.2022).

10. Дмитриев Ю. А., Миронов В. О. Признаки государства: понимание и интерпретации // Государство и право. 2010. № 10. С. 5–16.
11. Исаев И. А. Суверенитет и суверенность: пространство отчужденности и власти // Lex russica. 2016. № 5 (114). С. 9–32.
12. Казанский П. Е. Власть Всероссийского Императора. М.: ФондИВ, 2007. 600 с.
13. Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. 848 с.
14. Костогрызов П. И. Верховная власть: забытая категория политической науки? // Полития. 2021. № 4. С. 163–182.
15. Кревальд М. ван. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. 544 с.
16. Левин И. Д. Суверенитет. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 375 с.
17. Любашиц В. Я., Разуваев Н. В. Эволюция государства: историческая динамика и теоретическая модель. М.: РИОР, Инфра-М, 2018. 532 с.
18. Маритен Ж. Человек и государство. М.: Идея-Пресс, 2000. 196 с.
19. Мусихин Г. И. Концептуальная неоднозначность понятия «суверенитет» (Сравнительный анализ взглядов Карла Шмитта и Ганса Кельзена) // Общественные науки и современность. 2009. № 3. С. 64–74.
20. Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 79–420.
21. Поздняков Э. А. Философия государства и права. М.: Полиграф-Сервис, 1995. 312 с.
22. Рувинский Р. З. Правопорядок в период глобального кризиса: трансформации, тенденции, угрозы. СПб.: Алетейя, 2020. 350 с.
23. Федорова М. М. Суверенитет как политико-философская категория современности // Философский журнал. 2009. № 2. С. 154–164.
24. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 33–48.
25. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
26. Хорошильцев А. И. О понятии власти государства // Провинциальные научные записки. 2017. № 2 (6). С. 35–37.
27. Чиркин В. Е. О сущности субъекта федерации: традиции и реалии // Государство и право. 2003. № 7. С. 5–9.
28. Шмитт К. Четыре главы к учению о суверенитете // Политическая теология. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2002. С. 15–98.
29. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1998. 606 с.
30. Bodin J. Les six livres de la Republique. France, Fauard, 1986. 209 p.
31. Histoire des ideologies / dir. F. Châtelet, G. Mairet. Paris: Hachette, 1978. 446 p.
32. Jaysuriya K. Globalization, Law and the Transformation of Sovereignty: The Emergence of Global Regulatory Governance // Indiana Journal of Global Legal Studies. 1999. № 6 (2). P. 425–455.
33. Kelsen H. Das Problem der Souveränität und die Theorie des Völkerrechts. Tübingen: Verlag von J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1928. 332 p.
34. Laski H. J. Studies in the Problem of Sovereignty. New Haven: Yale University Press, 1917. 297 p.
35. Loyseav Ch. Traicte Des Seignevries. Geneve: Par Philippe Albert, 1620. 306 p.
36. Maistre J. de. Etude sur la souverainete // Maistre J. de. Oeuvres complètes de l'abbé de Mably. Vol. 1. Lyon Ed Vitte, 1884. P. 309–534.
37. Traub J. Absolute Fiction: The Perversion of Sovereignty // The World Affairs. 2009. Winter. P. 73–83.

REFERENCES

1. Agamben D. Homo sacer. Stato di eszezione (Rus. ed.: Velizhev M., transl. *Homo saser. Chrezvychaynoye polozeniye*. Moscow, Yevropa Publ., 2011. 148 p.).
2. Agamben D. Homo sacer. Il potere sovrano e la vita nuda (Rus. ed.: Levina E. M., transl. *Homo sacer. Suverennaya vlast i golaya zhizn*. Moscow, Yevropa Publ., 2011. 256 p.).
3. Alekseev N. N. [The current situation in the science about the state and its immediate tasks]. In: *Russkiy narod i gosudarstvo* [Russian people and the state]. Moscow, Agraf Publ., 1998, pp. 386–624.
4. Baburin S. N. *Mir imperiy: territoriya gosudarstva i mirovoy poriyadok* [World of empires: the territory of the state and the world order]. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr «Press» Publ., 2005. 767 p.
5. Boden J. Methodus ad facilem historiarum cognitionem (Rus. ed.: Bobkova M. S., transl. *Metod legkogo poznaniya istorii*. Moscow, Nauka Publ., 2000. 411 p.).

6. Hegel G. W. F. *Philosophie des Rechts* (Rus. ed.: Stolpnerb. G., Levin M. I., transl. *Filosofiya prava*. Moscow, Mysl Publ., 1990. 524 p.).
7. Grachev N. I. *Proiskhozhdeniye suvereniteta: Verkhovnaya vlast v mirovozzrenii i praktike gosudarstvennogo stroitelstva traditsionnogo obshchestva* [Origin of sovereignty: Supreme power in the worldview and practice of state building in a traditional society]. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2009. 320 p.
8. Grachev N. I. *Gosudarstvennyy suverenitet i formy territorialnoy organizatsii sovremennogo gosudarstva: osnovnyye zakonomernosti i tendentsii razvitiya* [State sovereignty and forms of territorial organization of the modern state: main patterns and development trends]. Moscow, Knigodel Publ., 2009. 468 p.
9. Grachev N. I. *Formy gosudarstvennogo ustroystva v sovremennom mire: osnovy teorii i konstitutsionno-pravovaya praktika* [Forms of government in the modern world: fundamentals of theory and constitutional and legal practice]. Volgograd, VA MVD Rossii Publ., 2020. 524 p.
10. Dmitriev Yu. A., Mironov V. O. [Signs of the state: understanding and interpretation]. In: *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2010, no. 10, pp. 5–16.
11. Isaev I. A. [Sovereignty and sovereignty: the space of alienation and power]. In: *Lex russica*, 2016, no. 5 (114), pp. 9–32.
12. Kazansky P. E. *Vlast Vserossiyskogo Imperatora* [Power of the All-Russian Emperor]. Moscow, FondIV Publ., 2007. 600 p.
13. Kissinger G. *Diplomacy* (Rus. ed.: Lvov V., transl. *Diplomatiya*. Moscow, Ladomir Publ., 1997. 848 p.).
14. Kostogryzov P. I. [Supreme power: a forgotten category of political science?]. In: *Politiya* [Politiya], 2021, no. 4, pp. 163–182.
15. Crevald M. van. The rise and fall of the state (Rus. ed.: Kuznetsov Yu., Makeev A., eds. *Rastsvet i upadok gosudarstva*. Moscow, IRISEN Publ., 2006. 544 p.).
16. Levin I. D. *Suverenitet* [Sovereignty]. Moscow, Yurid. izd-vo MYU SSSR Publ., 1948. 375 p.
17. Lyubashchits V. Ya., Razuvaev N. V. *Evolutsiya gosudarstva: istoricheskaya dinamika i teoreticheskaya model* [Evolution of the State: Historical Dynamics and Theoretical Model]. Moscow, RIOR Publ., Infra-M Publ., 2018. 532 p.
18. Maritain J. *Man and State* (Rus. ed.: Lifintseva T., transl. *Chelovek i gosudarstvo*. Moscow, Idea-Press Publ., 2000. 196 p.).
19. Musikhin G. I. [Conceptual ambiguity of the concept of «sovereignty» (Comparative analysis of the views of Karl Schmitt and Hans Kelsen)]. In: *Obshchestvennyye nauki i sovremennost* [Social sciences and modernity], 2009, no. 3, pp. 64–74.
20. Plato. [State]. In: Plato. *Sobraniye sochineniy. T. 3* [Collected Works. Vol. 3]. Moscow, Mysl Publ., 1994, pp. 79–420.
21. Pozdnyakov E. A. *Filosofiya gosudarstva i prava* [Philosophy of state and law]. Moscow, Polygraph-Service Publ., 1995. 312 p.
22. Ruvinsky R. Z. *Pravoporyadok v period globalnogo krizisa: transformatsii, tendentsii, ugrozy* [Law and order during the global crisis: transformations, trends, threats]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2020. 350 p.
23. Fedorova M. M. [Sovereignty as a political and philosophical category of modernity]. In: *Filosofskiy zhurnal* [Philosophical Journal], 2009, no. 2, pp. 154–164.
24. Huntington S. [A clash of civilizations?]. In: *Polis* [Polis], 1994, no. 1, pp. 33–48.
25. Huntington S. *Clash of Civilizations* (Rus. ed.: Novikov Yu., transl. *Stolknoveniye tsivilizatsiy*. Moscow, AST Publ., 2003. 603 p.).
26. Khoroshiltsev A. I. [On the concept of state power]. In: *Provintsialnyye nauchnyye zapiski* [Provincial Scientific Notes], 2017, no. 2 (6), pp. 35–37.
27. Chirkin V. E. [On the essence of the subject of the federation: traditions and realities]. In: *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2003, no. 7, pp. 5–9.
28. Schmitt K. [Four chapters to the doctrine of sovereignty]. In: Schmitt K. *Politicheskaya teologiya* [Political Theology: the collection]. Moscow, KANON-press-Ts Publ., 2002, pp. 15–98.
29. Spengler O. *Sonnenuntergang Europa. Aufsätze der Morphologie der Weltgeschichte. T. 2. Weltgeschichtliche Perspektiven* (Rus. ed.: Svasyan K. A., transl. *Zakat Yevropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii. T. 2. Vsemirno-istoricheskiye perspektivy*. Moscow, Mysl Publ., 1998. 606 p.).
30. Bodin J. *Les six livres de la Republique*. France, Fauard, 1986. 209 p.
31. Châtelet F., Mairat G., eds. *Histoire des ideologies*. Paris, Hachette, 1978. 446 p.
32. Jaysuriya K. Globalization, Law and the Transformation of Sovereignty: The Emergence of Global Regulatory Governance. In: *Indiana Journal of Global Legal Studies*, 1999, no. 6 (2), pp. 425–455.

33. Kelsen H. Das Problem der Souveränität und die Theorie des Völkerrechts. Tübingen, Verlag von J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1928. 332 p.
34. Laski H. J. Studies in the Problem of Sovereignty. New Haven, Yale University Press, 1917. 297 p.
35. Loyseau Ch. Traicte Des Seigneuries. Geneve, Par Philippe Albert, 1620. 306 p.
36. Maistre J. de. Etude sur la souverainete. In: Maistre J. de. *Oeuvres completes*. Vol. 1. Lyon Ed Vitte, 1884, pp. 309–534.
37. Traub J. Absolute Fiction: The Perversion of Sovereignty. In: *The World Affairs*, 2009, Winter, pp. 73–83.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Грачев Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации;

e-mail: grachev.n.i@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay I. Grachev – Dr. Sci. (Law), Prof., Department of Constitutional and Administrative Law, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs Russian Federation;

e-mail: grachev.n.i@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Грачев Н. И. Методологические проблемы исследования суверенитета и его политико-правовая природа в условиях становления многополярного мира // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 3. С. 67–84.

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-67-84

FOR CITATION

Grachev N. I. Methodological Problems of the Study of Sovereignty and Its Political and Legal Nature in the Conditions of the Formation of a Multipolar World. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 3, pp. 67–84.

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-67-84

УДК 342.7

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-85-91

ПРАВО НА ФИЗИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ВЫМЫСЕЛ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Певцова Н. С.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Анализ правовой возможности наличия права на физическое существование у искусственного интеллекта (ИИ), который активно внедряется в правовую действительность.

Процедура и методы. В исследовании использованы методы: сравнительно-правовой, исторический, формально-логический, юридико-догматический, а также методы анализа и синтеза.

Результаты. Искусственный интеллект, который имеет множество пониманий в зависимости от сфер его применения на практике, с позиции конституционного права пока ещё не достиг правового статуса равного человеку, а потому на данный момент не видится возможным его причислять к полноценным субъектам конституционно-правовых отношений. Вместе с тем, нельзя недооценивать тезисы о том, что в будущем искусственный интеллект способен стать полноправным носителем прав, свобод и обязанностей, в т. ч. права на физическое существование.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выводы, сделанные в ходе исследования, направлены на совершенствование законодательства и правоприменительной практики в сфере обеспечения и защиты неимущественных прав человека, в т. ч. права на физическое существование. Результаты работы могут быть использованы не только в правоприменительной деятельности, но и в процессе преподавания конституционного права.

Ключевые слова: право на физическое существование, искусственный интеллект, право на жизнь, право на охрану здоровья, право на медицинскую помощь

THE RIGHT TO THE PHYSICAL EXISTENCE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: FICTION OR REALITY?

N. Pevtsova

Lomonosov Moscow State University

Leninskie gorki 1, Moscow 119991, Russian Federation

Abstract

Aim. Analysis of the legal possibility of the right to artificial intelligence physical existence (AI), which is actively being introduced into legal reality.

Methodology. The study uses the following methods: comparative-legal, historical, formal-logical, legal-dogmatic, as well as the methods of analysis and synthesis.

Results. Artificial intelligence, which has many interpretations depending on the spheres of its application in practice, has not yet reached the legal status of equal to human intelligence from the standpoint of constitutional law, and therefore at the moment it does not seem possible to classify it as a full-fledged subject of constitutional legal relations. At the same time, one cannot underestimate the theses that in the future artificial intelligence is able to become a full bearer of rights, freedoms and obligations, including the right to physical existence.

Research implications. The conclusions of the study are aimed at improving legislation and law enforcement practice in the field of ensuring and protecting non-essential human rights, including the right to physical existence. The results of the work can be used not only in law enforcement activities, but also in the process of teaching constitutional law.

Keywords: right to physical existence, artificial intelligence, the right to life, the right to health care, the right to medical care

Введение

В последние годы все больше научных трактатов посвящено искусственному интеллекту (ИИ), и тема его существования переходит из разряда фантастических в поле научных серьёзных дискуссий. Более того, цифровой мир породил новые вопросы о правовом поле развития искусственного интеллекта, сфере «его деятельности в реальной жизни», где одновременно с ним существует и сам человек.

Если обратиться к истории появления ИИ, то стоит выделить следующие основные события, повлиявшие на его возникновение и эволюцию: создание в 1950-х гг. специальных систем, которые с помощью алгоритмов искали решения на основе заданных условий, а также возникновение так называемого машинного обучения, благодаря чему появилась возможность находить решение не из перечня заданных возможных результатов, а качественно новое, не похожее на предыдущие варианты.

Термин ИИ (*Artificial Intelligence* или AI) в 1956 г. сформулировал Д. Маккарти. Под ним подразумевалась особенность роботов, компьютерных программ и систем, которые могли выполнять интеллектуальные и творческие функции человека. Такие машины уже в те годы были способны самостоятельно искать эффективные способы решения задач, демонстрировали умения делать выводы и находить решения [1].

В 1980 г. Дж. Серл в работе «Китайская комната» высказал мысль о наличии сильного и слабого ИИ. При этом он пояснил, что сильный ИИ способен мыслить, иметь сознание и воспринимать себя как личность, в то время как слабый ИИ это делать не может. По мнению П. М. Морхата,

термин «слабый ИИ» был введён в целях акцентирования внимания на выполнении им только одной задачи [6]. Следует иметь в виду, что робототехника и ИИ выступают двумя разными активно развивающимися областями науки и техники. ИИ не сразу попал в поле внимания юристов, ибо вначале это казалось утопией, и его действия не соприкасались с правовой жизнью. Однако шли годы, и ИИ стал заявлять о себе всё настойчивее, вторгаясь в правовую жизнь, что потребовало более чёткого его правового определения [3; 8; 11].

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена возрастающим интересом общества к «способностям» искусственного интеллекта, что порождает пристальное внимание к проблемам, связанным с физическим состоянием человека: ценностям жизни, здоровья (с учётом появления и мутирования новой коронавирусной инфекции), биологической, продуктовой безопасности, благоприятной окружающей среды (в т. ч. правом на чистый воздух и чистую питьевую воду) и др., а также с заботой о личности и будущих поколениях на Земле.

О понимании правового содержания термина «Искусственный интеллект»

В настоящее время нет единого понимания термина «искусственный интеллект» как среди юристов, так и среди представителей других специальностей. Даже в юридической науке существует достаточно много определений. Например, в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утверждённой Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской

Федерации»¹ под термином «искусственный интеллект» понимается «комплекс технологических решений, благодаря чему возможно имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека». Наблюдается вариативность понимания фразы об «имитации когнитивных функций человека» (в частности, в XX в. под имитацией понималась способность машины вести обычный счёт), и не исключено, что в будущем оно будет смешено по значению с самой когнитивной функцией человека [2].

Кроме того, действующее российское законодательство не раскрывает понятия термина «самообучение», что также позволяет по-разному трактовать понимание ИИ. Конечным итогом процесса имитации когнитивных человеческих функций могут стать результаты интеллектуальной деятельности человека (ст. 1225 ГК РФ), что потребует изменения правового регулирования режима объектов интеллектуальной собственности на такие результаты [5].

Различные дефиниции ИИ закреплены, в т. ч. в «дорожной карте» развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект», где под ИИ понимается комплекс технологических решений, имитирующих человеческие функции и достигающий результаты, сопоставимые с его интеллектуальной деятельностью [6]. В соответствии с п. 3.20 ГОСТ Р 43.0.7-2011 искусственный интеллект – это моделируемая (искусственно-воспроизводимая) интеллектуальная деятельность мышления человека².

¹ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС Консультант Плюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 06.08.2022).

² ГОСТ Р 43.0.8-2017. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационное обе-

В Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г.³ разъяснено, что следствием отсутствия однозначной законодательной трактовки термина «искусственный интеллект», могут возникнуть сложности как в правом регулировании правоотношений с ИИ, также и в складывании правоприменительной практики. С учётом сказанного, а также на основании прикладного характера применения ИИ (в зависимости от отрасли, где он применяется), формулировка дефиниции ИИ должна коррелировать со сферой его использования на практике [9].

Прежде чем попробовать сформулировать определение ИИ с учётом конституционного права, обратимся к позиции А. В. Нечкина [7], согласно которой конституционно-правовой статус «сильного» ИИ должен быть сформулирован подобно конституционно-правовому статусу человека, за исключением правоспособности, которая, на его взгляд, по своей природе близка к правоспособности юридических лиц и органов публичной власти.

Согласно Конституции РФ⁴ именно человек, его права и свободы признаются высшей ценностью (ст. 3), в связи с этим нельзя не согласиться с позицией Председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина о том, что «задача права заключается в создании универсальных механизмов, способствующих сохранению цивилизации права, определяя коридор

спечение техники и операторской деятельности. Искусственно-интеллектуализированное человекоинформационное взаимодействие. Общие положения // Консорциум кодекс: [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200146327> (дата обращения: 06.08.2022).

³ Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 19.08.2020 № 2129-р // Гарант: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74460628> (дата обращения: 06.08.2022).

⁴ Конституция Российской Федерации // Конституция: [сайт]. URL: <http://www.constitution.ru> (дата обращения: 06.08.2022).

вторжения человечества в искусственный мир новых технологий» [2].

Хотя термин ИИ отсутствует в тексте Конституции РФ, в ней указано, что к сфере исключительного ведения Российской Федерации (ст. 71) относятся: информация, информационные технологии связь (п. «и» ст. 71), обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий (п. «м» ст. 71), установление основ федеральной политики и федеральных программ в области научно-технологического развития Российской Федерации (п. «е» ст. 71).

На основе вышесказанного предложим формулировку определения ИИ применительно к конституционному праву: *искусственный интеллект – это техническое устройство, способное к принятию, обработке и передачи информации, в т. ч. автономно (простой ИИ), способное к самообучению, и на основе анализа и приобретённого опыта способное к принятию самостоятельных решений, которое в будущем может обладать разумом и сознанием, а значит, со временем способное выступать субъектом конституционных правоотношений, приобретать и иметь конституционные права, свободы и нести обязанности, правоспособность которого наступит с момента создания (запуска в работу), а дееспособность которого может зависеть от набора навыков и особенностей каждого технического устройства индивидуально (о чём в будущем должен свидетельствовать специальный технический паспорт с необходимыми характеристиками устройства).*

Таким образом, искусственный интеллект включает в себя ряд специфических свойств, позволяющих в скором времени причислить его к новому субъекту правовых отношений, отвечающим современным реалиям развития высокоинтеллектуальных систем, что свидетельствует о возникновении условий для изменения правовой базы по данной теме [6].

В качестве доказательства тезиса о возможности ИИ в ближайшем будущем

выступать субъектом конституционно-правовых отношений отметим, что, по мнению некоторых юристов [11], ИИ способен намного эффективнее и производительнее человека выполнять возложенные на него функции, в частности, по осуществлению правосудия, при этом решения такого судьи могут быть на стадии апелляции «проверены» человеком-судьей. Именно это может значительно снизить нагрузки по финансированию судов первой инстанции [4]. Что касается предложений по совершенствованию правового регулирования данной проблемы в Российской Федерации, полагаем, для подобных объектов можно создать особый правовой режим *sui generis*: в зависимости от конкретной ситуации предоставлять право интеллектуальной собственности на объект, созданный ИИ, либо лицу, создавшему ИИ (или обладающим правами на него), либо признать собственность за таким объектом в качестве общественного достояния, либо назначить правообладателем данного права самого ИИ.

Зарубежный опыт

В Германии, например, где авторское право считается личностным, а, следовательно, неотчуждаемым правом (кроме права на наследование), произведением признаётся результат созидательной деятельности человека, «который передаёт человеческие мысли и чувства» [11], в этой связи не может быть охраноспособным что-либо, созданное без участия человека [8]. Подтверждением тому выступает положение §7 Закона об авторском праве Германии (*Gesetz betreffend das Urheberrecht an Werken der bildenden und der Photographie*), где указано, что автором, т. е. создателем произведения, может быть *только человек* как физическое лицо.

В США снова функционирует пилотный проект по использованию ИИ в судебной системе (на несколько месяцев был приостановлен из-за пандемии COVID-19). Его особенности заключаются в непредвзятом поиске меры пресечения. В то же

время нельзя не упомянуть о скандале 2012 г., когда организация ProPublica, проанализировав более 7 000 решений, вынесенных в США с использованием системы COMPAS на территории одного судебного округа [8], пришли к выводу, что система стала выносить дискриминационные решения по принципу цвета кожи (она в 2 раза чаще выдавала «неблагоприятный» ошибочный результат в отношении чернокожих и в 2 раза чаще – «благоприятный» в отношении белых). Специалистом в сфере изучения ИИ М. Бруссард было обращено внимание на то, что причиной проблемы в данной ситуации стали доходы граждан (у чернокожих в основном наблюдался более низкий доход). Именно это и привело к ошибке в форме расовой дискриминации [8; 10].

Во избежание повтора подобных ситуаций 3 декабря 2018 г. была принята Европейская этическая хартия об использовании ИИ в судебных системах и окружающих их реалиях, в которой сформулированы 5 принципов. На основе выработанных и закреплённых постулатов должны проводиться будущие разработки и внедрение ИИ в правосудие: гарантированность и отсутствие нарушений основных прав и свобод человека; запрет какой-либо дискриминации; безопасность и качество правосудия; открытость, прозрачность, беспристрастность и достоверность; возможность осуществления контроля человеком.

В этой связи очевидна необходимость того, чтобы действия ИИ не приводили к злоупотреблению электронными технологиями, а это может привести к нарушениям прав граждан. (*Roman Zakharov v. Russia*) (Постановление от 4 декабря 2015 г., жалоба № 47143/06) [5].

В Великобритании ИИ используется для прогнозирования решений Европейского суда по правам человека. Алгоритм был составлен на основе 584 решений ЕСПЧ. По словам некоторых учёных [12], такие технологии позволяют определять исход судебных процессов в 79% случаев, они также помогают выявлению положений

Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ), которые наиболее часто нарушаются на практике [5].

Российский опыт

В Российской Федерации также активно применяется ИИ, в частности, ПАО «Сбербанк» не только создал, но и запатентовал систему на базе ИИ для проверки юридических лиц на правоспособность. Так специальный робот-юрист помогает подготавливать юридические заключения (на данный момент составлено уже несколько миллионов таких заключений).

Однако говорить о том, что уже сейчас ИИ стал полностью подобен человеку нельзя. Кроме того, важно чтобы внедрение ИИ в нашу жизнь не повлияло на способность человека думать, создавать и познавать произведения искусства, литературы, музыки, всего того, что формирует личность и его чувство ответственности, чтобы человек не потерял самого себя. Другими словами, несмотря на то, что присутствует тенденция постепенного вытеснения ИИ многих компетенций человека в правовом пространстве, ИИ пока не способен к сохранению и накоплению человеческих ценностей, важных принципов справедливости, морали и нравственности [5].

Именно поэтому в Российской Федерации создаются пилотные проекты, проводятся эксперименты по внедрению ИИ в целях учёта всех его особенностей, его возможного влияния на будущее общество и человечество [5].

Заключение

Рассуждая над вопросом о возможности в будущем быть искусственному интеллекту носителем прав, в частности, иметь такое универсальное, основное, абсолютное право, как право на физическое существование, следует исходить из особенностей сущности данного понятия. Так, физическое существование человека выступает процессом, расширяющим границы человеческих возможностей, направленным на свободное и конструктивное участие в ре-

альной жизни, распределение получаемых благ, основанных на принципе равенства, целью которого выступает возможность осуществление всех прав человека и основных свобод.

Стоит заметить, что право на физическое существование является комплексным субъективным правом, включающим естественно-природные и социокультурные начала. На наш взгляд, оно нуждается в закреплении на уровне Конституции РФ, гарантировании со стороны государства субъективной возможности человека существовать и развиваться в своём предназначении.

Право на физическое существование следует относить к универсальным правам человека. Право на физическое существование обладает так называемой интегрированной природой: оно является своеобразным вектором к возникновению и реализации других прав; его субъектами, или носителями, являются не только каждый человек, но и коллективный субъект (в т. ч. будущие поколения).

А вот в части искусственного интеллекта важно обратить внимание на возможность физического (в значении телесного) существования, и это может быть связано с моментом создания ИИ, в то время как само комплексное право на физическое существование в будущем с учётом совершенствования ИИ может также распространиться на такой новый субъект конституционно-правовых отношений как ИИ.

Если искусственный интеллект, обладающий сознанием, действительно есть реальность, или это перспектива настоящего ближайшего будущего, значит он будет иметь комплекс прав и обязанностей, закреплённых на сегодняшний день законодательно за каждым человеком. Таким образом, рассуждая о будущем применительно к ИИ, нельзя отрицать возможность появления у него права на физическое существование, однако пока это только предположения, требующие детального фактического подтверждения.

Статья поступила в редакцию 06.09.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбицкая И., Косяков А. Искусственный интеллект для юристов // Юридический справочник руководителя. 2022. № 1. С. 79–84.
2. Андреев В. К. Динамика правового регулирования применения искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 58–68.
3. Блажеев В. В., Егорова М. А., Барабашев А. Г. и др. Правовое регулирование искусственного интеллекта в условиях пандемии и инфодемии. М.: Проспект, 2020. 236 с.
4. Ибрагимов Р. С., Сурагина Е. Д., Чурилова Д. Ю. Этика и регулирование искусственного интеллекта // Закон. 2021. № 8. С. 85–95.
5. Левушкин А. Н., Тюлин А. В. Deepfake и системы искусственного интеллекта в парадигме развития цифрового права // Юрист. 2021. № 11. С. 19–24.
6. Малько А. В., Костенко М. А. Цифровые технологии в судебной системе: проблемы внедрения // Российская юстиция. 2019. № 2. С. 52–54.
7. Нечкин А. В. Конституционно-правовой статус искусственного интеллекта в России: настоящее и будущее // Lex Russica (Русский закон). 2020. Т. 73. № 8. С. 78–85.
8. Певцова Е. А. Влияние искусственного интеллекта на правовую деятельность человека // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 19–31.
9. Степанян А. С. Перспективы применения искусственного интеллекта в семейных правоотношениях: проблемы теории и практики // Семейное и жилищное право. 2021. № 3. С. 26–29.
10. Цветков Ю. А. Искусственный интеллект в правосудии // Закон. 2021. № 4. С. 91–107.
11. Черногор Н. Н. Искусственный интеллект и его роль в трансформации современного правопорядка // Журнал российского права. 2022. № 4. С. 5–15.
12. Predicting judicial decisions of the European Court of Human Rights: a Natural Language Processing perspective / N. Aletras, D. Tsarapatsanis, D. Preotiuc-Pietro, V. Lampsos // PeerJ Computer Science. 2016. № 10. DOI: 10.7717/cs.93.

REFERENCES

1. Albitskaya I., Kosyakov A. [Artificial intelligence for lawyers]. In: *Yuridicheskiy spravochnik rukovoditelya* [Legal directory of the head], 2022, no. 1, pp. 79–84.
2. Andreev V. K. [Dynamics of the legal application of artificial intelligence regulation]. In: *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law], 2020, no. 3, pp. 58–68.
3. Blazheev V. V., Egorova M. A., Barabashev A. G. et al. *Pravovoye regulirovaniye iskusstvennogo intellekta v usloviyakh pandemii i infodemii* [Legal regulation of artificial intelligence in a pandemic and infodemic]. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 236 p.
4. Ibragimov R. S., Suragina E. D., Churilova D. Yu. [Ethics and regulation of artificial intelligence]. In: *Zakon* [Law], 2021, no. 8, pp. 85–95.
5. Levushkin A. N., Tyulin A. V. [Deepfake and the system of artificial intelligence in the paradigm of the development of free rights]. In: *Yurist* [Lawyer], 2021, no. 11, pp. 19–24.
6. Malko A. V., Kostenko M. A. [Digital technologies in the judicial system: problems of implementation]. In: *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2019, no. 2, pp. 52–54.
7. Nechkin A. V. Constitutional and legal status of artificial intelligence in Russia: present and future]. In: *Lex Russica (Russkiy zakon)* [Lex Russica (Russian law)], 2020, vol. 73, no. 8, pp. 78–85.
8. Pevtsova E. A. [The impact of artificial intelligence on human legal activity]. In: *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law], 2020, no. 9, pp. 19–31.
9. Stepanyan A. S. [Prospects for the use of artificial intelligence in family legal relations: problems of theory and practice]. In: *Semeynoye i zhilishchnoye pravo* [Family and housing law], 2021, no. 3, pp. 26–29.
10. Tsvetkov Yu. A. [Artificial intelligence in justice]. In: *Zakon* [Law], 2021, no. 4, pp. 91–107.
11. Chernogor N. N. [Artificial intelligence and its role in the transformation of the modern legal order]. In: *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law], 2022, no. 4, pp. 5–15.
12. Aletras N., Tsarapatsanis D., Preotiuc-Pietro D., Lamos V. Predicting judicial decisions of the European Court of Human Rights: a Natural Language Processing perspective. In: *PeerJ Computer Science*, 2016, no. 10. DOI: 10.7717/cs.93

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Певцова Наталья Сергеевна – аспирант кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного областного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: natalipevtsova@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia S. Pevtsova – post-graduate student, Department of Constitutional and Municipal Law, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: natalipevtsova@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Певцова Н. С. Право на физическое существование искусственного интеллекта: вымысел или реальность? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 3. С. 85–91.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-85-91

FOR CITATION

Pevtsova N. S. The Right to the Physical Existence of Artificial Intelligence: Fiction or Reality? In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 3, pp. 85–91.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-85-91

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК. 343.3.7

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-92-99

АНАЛИЗ ФИНАНСИРОВАНИЯ ТЕРРОРИЗМА КАК ПРЕСТУПНОГО ДЕЯНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Коновалова Е. В.

*Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ
115409, г. Москва, Каширское шоссе, д. 31, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проанализировать финансирование терроризма как уголовно-наказуемое деяние в российском уголовном праве и выявить проблемы его законодательного формулирования. Выяснить особенности отдельных признаков финансирования терроризма и их влияние на характер и степень его общественной опасности.

Процедура и методы. В процессе исследования применялись методы индукции, обобщения, аналогии, анализа, сравнительно-правовой, формально-юридический.

Результаты. На основе сравнительно-правового анализа российских, международных и зарубежных норм, анализа судебной практики сделан вывод о необходимости редактирования действующего уголовного закона в части формулировки финансирования терроризма. Изучение примеров судебных решений по уголовным делам о финансировании терроризма позволило сделать вывод об автономности данного деяния от других форм содействия террористической деятельности, о влиянии признаков способа, средств, а также длительности совершения преступления на характер и степень его общественной опасности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обоснована необходимость выделения в деянии финансирования терроризма признаков, влияющих на повышение его общественной опасности, и закрепления их в российском уголовном законе. Отмечены перспективы дальнейших исследований состава финансирования терроризма в этой части: на большую общественную опасность преступления могут указывать такие его признаки, как способ, средства совершения преступления, а также продолжаемый характер деяния.

Ключевые слова: признаки преступления, способ, средства, содействие террористической деятельности, финансирование терроризма

ANALYSIS OF TERRORISM FINANCING AS A CRIMINAL ACT IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

E. Konovalova

*National Research Nuclear University MEPhI
31 Kashirskoe shosse, Moscow 115409, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze the financing of terrorism as a criminally punishable act in Russian criminal law and to identify the problems of its legislative formulation. To find out the specifics of individual signs of terrorist financing and their impact on the character and rank crime's public danger.

© CC BY Коновалова Е. В., 2022.

Methodology. Methods of induction, generalization, analogy, analysis, comparative legal, formal legal were used in the research process.

Results. Based on the comparative legal analysis of Russian, international and foreign norms, analysis of judicial practice, the article concludes that it is necessary to edit the current criminal law regarding the wording of financing terrorism. The research of Russian judicial practice in criminal cases on financing terrorism allowed us to conclude not only about the autonomy of this act from other forms of assistance to terrorist activities, but also about the influence of the signs of the method, means, as well as the duration of the commission of the crime on the nature and degree of its public danger.

Research implications. The necessity of identifying signs in the act of financing terrorism that affect the increase of its public danger and fixing them in the Russian criminal law is substantiated. Prospects for further studies of the composition of terrorist financing in this part are noted: the greater public danger of the crime can be indicated by such signs as the method, means of committing the crime, as well as the continuing nature of the act.

Keywords: signs of a crime, method, means, assistance to terrorist activities, financing of terrorism

Введение

В современном мире преступления террористической направленности не теряют своей актуальности, напротив, террористическая деятельность приобретает новые формы, отличается транснациональным характером, а преступники совершенствуют способы финансирования своей деятельности. Известно, что терроризм возможен тогда, когда существует финансирование такой деятельности¹. Поэтому особое значение имеет противодействие финансированию террористической деятельности. Основа противодействия тому или иному преступлению заложена в уголовном законодательстве, которое определяет границы такого преступления, описывает все необходимые элементы и признаки его состава. От чёткости и ясности формулировок уголовного закона зависит эффективность правоприменительной практики и мер, направленных на противодействие преступлениям.

В настоящее время финансирование терроризма находит отражение и в международных источниках, и в национальных законодательствах. Конструктивные признаки этого преступного деяния определены, например, в Международной конвенции о борьбе с финансированием

терроризма 1999 г.² (Международная конвенция). Формулировки финансирования терроризма в уголовных законах тех стран, которые признали указанную конвенцию обязательной для себя, основаны на его конвенционной дефиниции.

В число стран, признавших обязательность Международной конвенции, входит и Российская Федерация. Однако российская формулировка ст. 205.1 УК РФ³, предусматривающая финансирование терроризма как одну из форм содействия террористической деятельности, не является безупречной и подвергается критике со стороны юристов-учёных [4, с. 214–219]. Остаются также не в полной мере исследованными некоторые вопросы отдельных признаков преступления финансирования терроризма, их влияние на характер состава преступления и степень его общественной опасности, например, способ его совершения.

В данной статье проанализирована судебная практика, научные источники, уголовный закон РФ и зарубежных стран, а также источники международного права с целью выявления недостатков законода-

¹ Кочои С. М. Антитеррористическое законодательство и практика его применения: уголовно-правовая характеристика. М., 2021. С. 39.

² Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. (принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г.) // ООН: [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml (дата обращения: 13.05.2022).

³ Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС Консультант Плюс.

тельного формулирования ст. 205.1 УК РФ, определения специфики данного состава, особенностей некоторых его признаков и их влияния на характер деяния и степень его общественной опасности.

Нормы об ответственности за финансирование терроризма в российском уголовном праве и международных источниках

Согласно официальным статистическим данным уровень преступлений террористического характера¹ в России остаётся высоким в последние годы. Например, в 2020 г. было зарегистрировано 2342 таких преступления, в 2021 г. – 2136 преступлений, по состоянию на апрель 2022 г. – 890 преступлений². Как отмечает А. И. Бастрыкин, на территории России продолжают существовать «спящие ячейки» и законспирированные вербовщики запрещённых в России международных террористических организаций [1, с. 497].

В российском Уголовном кодексе к преступлениям террористической направленности относится целый ряд составов преступлений, в числе которых ст. 205.1 УК РФ, которая предусматривает перечень действий, относимых к содействию террористической деятельности. Так, ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ закрепляет уголовную ответственность за такие деяния как склонение, вербовка, иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст.ст. 205, 205.3, 205.4, 205.5, чч. 3–4 ст. 206, ч. 4 ст. 211 УК РФ. Кроме того к данному составу относятся вооружение, подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из выше отмеченных преступлений. В числе прочих названо также и финансирование терроризма³.

¹ Паспорт показателя // Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/indicator_passport (дата обращения: 19.05.2022).

² Динамика показателей статистики преступлений // Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 19.05.2022).

³ Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Право: [сайт]. URL: <http://ips.pravo.gov.ru:8080/default.aspx?dt=19960613&num=63-фз> (дата обращения: 19.05.2022).

Финансирование терроризма представлено в ч. 1.1 рассмотренной статьи закона одной из форм содействия террористической деятельности как альтернативное деяние в числе прочих. Определение деяния финансирования терроризма раскрыто в примечании к ст. 205.1 УК РФ, в котором выделены такие альтернативные действия как: 1) предоставление средств, 2) сбор средств, 3) оказание финансовых услуг для совершения преступлений террористической направленности или для террористических организованных групп, сообществ. Способы деяния при этом не указаны, они, таким образом, могут быть любыми. Однако формулировка закона не в полной мере отражает существующее положение вещей и некоторые особенности такого деяния как финансирование терроризма.

Если проанализировать международные источники, в которых закреплены нормы, посвящённые борьбе с финансированием терроризма, то можно увидеть, что финансирование терроризма в них отражено как самостоятельное деяние.

В ст. 2 Международной конвенции говорится, что любое лицо совершает преступление, если оно незаконно, прямо или косвенно, любыми способами предоставляет средства или осуществляет сбор таких средств для совершения террористических преступлений. В ст. 4 Международной конвенции указано, что каждое государство-участник принимает меры для признания указанных в ней деяний преступлением согласно своим внутренним законодательствам.

Хотя государства не обязываются имплементировать в свои законодательства дословную формулировку и именно в качестве самостоятельного преступления финансирование терроризма, но, тем не менее, учёт такого деяния как самостоятельного в национальном законодательстве более уместен. Россия осуществила ратификацию Международной Конвенции в 2002 г.⁴

⁴ Федеральный закон от 10.07.2002 № 88-ФЗ «О ратификации Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма» // СПС Консультант Плюс.

Специальная рекомендация II ФАТФ также предусматривает необходимость признания финансирования терроризма преступлением в соответствии со статьями Международной конвенции¹.

Также в Резолюции Совета безопасности ООН отмечены: необходимость предотвращения, пресечения финансирования террористических актов; необходимость введения уголовной ответственности за предоставление или сбор любыми способами средств для совершения террористических актов².

Таким образом, в названных международных источниках говорится о финансировании терроризма как о самостоятельном общественно опасном деянии.

Российская Федерация требования международных норм о введении уголовной ответственности за финансирование терроризма выполнила, однако данное деяние до сих пор не предусмотрено в российском УК в качестве самостоятельного преступления, но только как одно из альтернативных действий содействия террористической деятельности в ст. 205.1. Также следует отметить, что в 2017–2018 гг. в РФ проводилась национальная оценка рисков финансирования терроризма. В публичном отчёте³ о национальной оценке рисков финансирования терроризма отмечены основные угрозы, этапы, методы и инструменты финансирования

терроризма, рассмотрены другие важные вопросы. Таким образом, органы государственной власти по факту также признают самостоятельность такого явления как финансирование терроризма.

Нормы об ответственности за финансирование терроризма в российском уголовном праве и в зарубежных источниках

Для сравнения рассмотрим также зарубежное уголовное законодательство бывших союзных республик. Республика Беларусь Законом 295-З от 05.07.2004 г.⁴ также ратифицировала Международную конвенцию и привела своё законодательство в соответствии с ней. В Уголовном кодексе Республики Беларусь⁵ в ст. 290.1 закреплён самостоятельный состав преступления «Финансирование террористической деятельности». Состав преступления в белорусском УК предусматривает: «Предоставление или сбор денежных средств, ценных бумаг либо иного имущества, в т. ч. имущественных прав и исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, любым способом в целях использования в террористической деятельности (финансирование террористической деятельности)».

Республика Казахстан также присоединилась к Международной конвенции в 2002 г., издав соответствующий закон⁶. Ст. 258 Уголовного кодекса Казахстана закрепляет «Финансирование террористи-

¹ Целевая группа по финансовым мерам по борьбе с отмыванием денег. Методология оценки соответствия 40 рекомендациям и 9 специальным рекомендациям ФАТФ [Электронный ресурс]. URL: [https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/FATF_documents/Best_practices/03.%20Методология%20оценки%20соответствия%2040%20Рекомендациям%20и%209%20Специальным%20рекомендациям%20ФАТФ%20\(2004%2С%20дополнена%20и%20обновлена%202009\).pdf](https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/FATF_documents/Best_practices/03.%20Методология%20оценки%20соответствия%2040%20Рекомендациям%20и%209%20Специальным%20рекомендациям%20ФАТФ%20(2004%2С%20дополнена%20и%20обновлена%202009).pdf) (дата обращения: 03.05.2022).

² Резолюция Совета Безопасности ООН от 28.09.2001 № 1373 (2001) // Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/2561395> (дата обращения: 20.05.2022).

³ Национальная оценка рисков финансирования терроризма. Публичный отчёт 2017–2018 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedsfm.ru/content/files/documents/2018/нор%20фт%20публичный%20отчет%2017-18.pdf> (дата обращения: 03.05.2022).

⁴ Закон Республики Беларусь от 05.07.2004 № 295-З «О ратификации Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма // Кодексы, законы и законодательные документы Республики Беларусь: [сайт]. URL: https://belzakon.net/Законодательство/Закон_РБ/2004/1005 (дата обращения: 03.05.2022).

⁵ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З // Кодексы, законы и законодательные документы Республики Беларусь: [сайт]. URL: https://belzakon.net/Кодексы/Уголовный_Кодекс_РБ (дата обращения: 03.05.2022).

⁶ Закон Республики Казахстан «О присоединении Республики Казахстан к Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма» от 02.10.2002 № 347-П // Юрист: [сайт]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1033578 (дата обращения: 03.05.2022).

ческой или экстремистской деятельности и иное пособничество терроризму либо экстремизму»¹. В качестве средств преступления в составе выступают деньги и (или) иное имущество, права на имущество или выгоды имущественного характера. В качестве альтернативных деяний статьи предусмотрены: 1) предоставление средств, 2) сбор средств, 3) их дарение, 4) мена, 5) пожертвования; 6) благотворительная помощь, 7) оказание информационных и иного рода услуг, 8) оказание финансовых услуг. При этом такие деяния совершаются лицом, заведомо осознававшим террористический или экстремистский характер деятельности лиц, которым предоставляются средства, либо то, что предоставленное имущество, оказанные информационные, финансовые и иного рода услуги будут использованы для осуществления террористической или экстремистской деятельности либо обеспечения террористической или экстремистской группы, террористической или экстремистской организации, незаконного военизированного формирования.

В УК Казахстана, в отличие от УК РФ, в одном составе объединено финансирование терроризма и финансирование экстремизма. В названии статьи говорится об ином пособничестве терроризму, но само содержание деяния, по существу, – это всё те же действия, которые подпадают под определение финансирования терроризма, данного в упоминавшейся выше Международной конвенции. Поэтому анализ зарубежного состава преступления позволяет сделать вывод о возможности ограничительного толкования ст. 285 УК Казахстана как преступления финансирования терроризма и экстремизма и только.

Таким образом, зарубежное уголовное законодательство имеет примеры признания финансирования терроризма в качестве самостоятельного преступного деяния, закреплённого в отдельных статьях уголовного закона.

Анализ российской судебной практики об уголовной ответственности за финансирование терроризма

Анализ российской судебной практики² (метод случайной выборки решений по уголовным делам о финансировании терроризма) показал, что, как правило, финансирование терроризма осуществляется либо самими участниками террористических организаций, либо иными лицами, не являющимися участниками террористических организаций. В случае финансирования терроризма, осуществляемого самими участниками террористических организаций, как правило, имеется соучастие преступлений. Кроме финансирования терроризма таким лицам также вменяется участие в террористической организации (ст. 205.4 УК РФ) и в отдельных случаях иные преступления. Если финансирование терроризма осуществлялось лицами, не являющимися участниками террористических организаций, вменяется только ст. 205.1 УК РФ и, как правило, только содействие в форме финансирования терроризма. Иных форм содействия (вербовка, склонение и т. д.) не отмечается. Преимущественно не отмечается иных форм содействия и в действиях участников террористических организаций в проанализированных уголовных делах. Только в 1 случае из 20 речь идёт об иных формах содействия кроме финансирования терроризма, квалифицируемых по ст. 205.1 УК РФ. Таким образом, судебная практика свидетельствует об автономности от других форм содействия такого деяния как финансирование терроризма.

Что касается средств и способов финансирования терроризма, то наблюдаются следующие закономерности. Так, основными способами финансирования терроризма являются либо непосредственная передача наличных денежных средств террористическим организациям, либо переводы денежных средств через небанковские кредитные организации, банки, мобильные банковские

¹ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V // Kodeksy-kz: [сайт]. URL: https://kodeksy-kz.com/ka/ugolovnyj_kodeks/258.htm (дата обращения: 03.05.2022).

² Проанализировано 20 судебных решений за период с 2019 по 2021 гг. // СПС Консультант Плюс.

приложения. Первый способ характерен для участников террористических организаций. При вступлении в террористическую организацию они либо платят членские взносы на постоянной основе, либо передают разово некоторую сумму денег в пользу террористической организации. Второй способ может предполагать либо перемещение электронных денежных средств с карт, финансирующих терроризм непосредственно на карты участников, организаторов сбора средств для целей финансирования терроризма, либо с задействованием чужих банковских карт (как правило, карт супругов или близких родственников). Реже, но всё же в практике встречаются случаи передачи в качестве средств не денег, а, например, средств вооружения и других предметов (оптические навесные приборы для оружия).

Здесь также следует указать, что способы финансирования терроризма изучаются и освещаются в научной литературе. Так, О. Н. Тисен отмечает следующие способы финансирования терроризма: 1) привлечение средств в сети Интернет, 2) предоставление наличных денег, 3) предоставление средств на нужды терроризма с использованием банковских счетов и банковских карт, 4) использование операций с денежными средствами для перемещения средств без открытия банковских счетов. Также указано, что в последнее время получает актуальность такой способ как использование виртуальных активов [7, с. 18].

Анализ судебной практики позволил сделать вывод о более суровом наказании, назначаемом за финансирование терроризма, если: 1) перевод осуществляется на сумму свыше 1 млн рублей, 2) с использованием карт родственников, супругов, 3) если в схеме финансирования терроризма задействованы предметы, предназначенные для ведения боя. Также суды учитывают длительность оказания помощи террористическим организациям – чем дольше человек оказывал такое финансирование, тем выше степень общественной опасности его деяния и, следовательно, суровее наказание.

Примечателен тот факт, что реальные большие сроки наказания с учётом приведённых выше факторов назначаются даже тогда, когда имеется совокупность смягчающих наказание обстоятельств. Такие обстоятельства влияют на снижение наказания незначительно, а часто предполагают только лишь неназначение дополнительного наказания в виде штрафа, не влияя на основное наказание в виде реального лишения свободы.

Проблемы противодействия финансированию терроризма

Проблемы противодействия финансированию терроризма достаточно разнообразны и касаются определения и уточнения основных, конструктивных признаков рассматриваемого деяния; выделения признаков, квалифицирующих, отягчающих уголовную ответственность за его совершение, а также других вопросов. Учёные отмечают новые тенденции в процессах финансирования террористических группировок и новые источники финансирования их деятельности [2; 6]. И. П. Добаев и А. И. Добаев отмечают многоканальное финансирование некоторых террористических сообществ, его масштабность, а также тот факт, что структура источников финансирования, их соотношение находятся в постоянной динамике [3, с. 158].

Также нельзя недооценивать угрозы, исходящие от радикализованных лиц, являющихся близкими родственниками террористов. Как отмечает С. М. Кочои: «События, связанные с реализацией инициативы главы Чечни Р. Кадырова по возвращению в Россию (преимущественно в республики Северного Кавказа) жён и детей террористов, находившихся в тюрьмах Ирака и Сирии, ставят важный вопрос о разработке программы дерадикализации (или реинтеграции) этих лиц» [5, с. 35].

Приведённое выше исследование различных источников обнаруживает некоторые проблемы законодательного регулирования, показывает необходимость редактирования и внесения изменений в

формулировку такого деяния как финансирование терроризма, предусмотренную в УК РФ. А также определяет тенденции и перспективы его дальнейшего совершенствования. Подробному изучению и надлежащему закреплению в уголовном законе подлежат, по крайней мере, такие признаки финансирования терроризма как способ его совершения и средства, поскольку они влияют на его характер, а также степень общественной опасности.

Заключение

В УК РФ финансирование терроризма нашло отражение в ст. 205.1 в качестве одной из форм содействия террористической деятельности наряду с вербовкой, вовлечением в террористические преступления и другими действиями. Однако финансирование терроризма является в настоящее время динамичным, изменяющимся социально опасным явлением, которому следует дать надлежащую современную правовую оценку, отвечающую актуальным вызовам и угрозам.

Проведённое исследование подтверждает гипотезу о том, что финансирование терроризма как преступное деяние отличается рядом признаков неодинаковых по

своему содержанию и общественной опасности. Деяние может быть совершено несколькими способами с использованием различных средств, которые влияют на изменение его общественной опасности. Следовательно, целесообразно ввести в УК РФ те признаки, которые объективно свидетельствуют о повышении общественной опасности финансирования терроризма, дифференцировав уголовную ответственность с учётом таковых.

Предметом будущих исследований в данном вопросе, как следует из анализа примеров судебных решений по уголовным делам о финансировании терроризма и других источников, является дальнейшее изучение влияния средств и способов его совершения на общественную опасность деяния.

Результаты проведённого исследования развивают и пополняют знания в области противодействия финансированию терроризма, могут быть использованы в других исследованиях обозначенной проблемы; обосновывают необходимость изменения законодательства в части формулировки и дифференциации уголовной ответственности за финансирование терроризма.

Статья поступила в редакцию 10.06.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бастрыкин А. И. Расследование легализации доходов, полученных преступным путём, и финансирования терроризма: практика Следственного комитета России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12. Вып. 3. С. 493–501.
2. Добаев И., Добаев А., Гаджибеков Р. Векторы финансирования террористических структур в Северо-Кавказском регионе // Мусульманский мир. 2018. № 1. С. 12–26.
3. Добаев И. П., Добаев А. И. «Исламское государство»: идеология, структура, политическая практика, каналы финансирования // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки СКАГС. 2017. № 1. С. 154–159.
4. Качество уголовного закона: проблемы Особенной части / отв. ред. А. И. Рарог. М.: Проспект, 2022. 384 с.
5. Кочои С. М. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: перспективы совершенствования с учётом опыта борьбы против религиозного терроризма // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 1. С. 30–37.
6. Меркурьев В. В., Соколов Д. А. Имплементация положений модельного законодательства о противодействии терроризму в национальные уголовные кодексы // Мониторинг правоприменения. 2019. № 1 (30). С. 61–65.
7. Тисен О. Н. Особенности выявления, расследования и квалификации преступлений, связанных с финансированием терроризма. М.: Перо, 2021. 160 с.

REFERENCES

1. Bastrykin A. I. [Investigation of the legalization of proceeds from crime and the financing of terrorism: the practice of the Investigative Committee of Russia]. In: *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Pravo* [Bulletin of St. Petersburg University. Law], 2021, vol. 12, iss. 3, pp. 493–501.
2. Dobaev I., Dobaev A., Hajibekov R. [Vectors of financing terrorist structures in North Caucasus region]. In: *Musul'manskiy mir* [The Muslim World], 2018, no. 1, pp. 12–26.
3. Dobaev I. P., Dobaev A. I. [«Islamic State»: ideology, structure, political practice, funding channels]. In: *Gosudarstvennoye i munitsipalnoye upravleniye. Uchonyye zapiski SKAGS* [State and municipal administration. Scientific notes of SKAGGS], 2017, no. 1, pp. 154–159.
4. Rarog A. I., ed. *Kachestvo uголовного zakona: problemy Osobennoy chasti* [The quality of the criminal law: the problems of the Special part]. Moscow, Prospect Publ., 2022. 384 p.
5. Kochoi S. M. [The concept of countering terrorism in the Russian Federation: prospects for improvement, taking into account the experience of the fight against religious terrorism]. In: *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal* [All-Russian Journal of Criminology], 2020, vol. 14, no. 1, pp. 30–37.
6. Merkur'yev V. V., Sokolov D. A. [Implementation of the provisions of the model legislation on countering terrorism in national criminal codes]. In: *Monitoring pravoprimeneniya* [Law enforcement monitoring], 2019, no. 1 (30), pp. 61–65.
7. Tisen O. N. *Osobennosti vyyavleniya, rassledovaniya i kvalifikatsii prestupleniy, svyazannykh s finansirovaniyem terrorizma* [Features of detection, investigation and qualification of crimes related to the financing of terrorism]. Moscow, Pero Publ., 2021. 160 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коновалова Елена Владимировна – старший преподаватель Института финансовых технологий и экономической безопасности Национального ядерного университета МИФИ;
e-mail: ElenaVkonovalova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Konovalova – Senior Lecturer, Institute of Financial Technologies and Economic Security, National Nuclear University MEPhI;
e-mail: ElenaVkonovalova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Коновалова Е. В. Анализ финансирования терроризма как преступного деяния в российском уголовном праве // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 3. С. 92–99.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-92-99

FOR CITATION

Konovalova E. V. Analysis of Terrorism Financing as a Criminal Act in Russian Criminal Law. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 3, pp. 92–99.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-92-99

УДК 343.1:340.158

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-100-111

КОНСТРУИРОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ЗАПРЕТОВ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ОПЫТ ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Скоробогатов А. В.¹, Рыбушкин Н. Н.²

¹Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова
420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42, Российская Федерация

²Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Историко-правовое исследование целенаправленности уголовной политики России в первые годы советской власти.

Процедура и методы. В качестве методологической основы исследования избрана телеологическая парадигма. На основе анализа нормативных правовых актов и доктринальных сочинений проанализирован процесс формирования цели и средств советской уголовно-правовой политики на этапе утверждения новой политической и правовой системы.

Результаты. В статье доказывается, что целью уголовно-правовой политики являлось создание нового советского уголовного права, позволяющего обеспечить не только поддержание правопорядка и режима законности, но и безопасность советского государства. В качестве средств было использовано конструирование уголовно-правовых запретов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Сформулированные в работе выводы имеют особое значение для историко-правового исследования формирования и развития советской уголовно-правовой политики.

Ключевые слова: Гражданская война, Руководящие начала по уголовному праву РСФСР, советское уголовное уложение, телеология права, уголовно-правовой запрет, уголовно-правовая политика

CONSTRUCTION OF CRIMINAL LAW PROHIBITIONS DURING THE CIVIL WAR: EXPERIENCE OF TELEOLOGICAL ANALYSIS

A. Skorobogatov¹, N. Rybushkin²

Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov
Moskovskaya ul. 42, Kazan 420111, Russian Federation

Kazan (Volga) Federal University
Kremlyovskaya ul. 18, Kazan 420008, Russian Federation

Abstract

Aim. Historical-legal study of the purposefulness of the criminal policy of Russia in the first years of the Soviet power.

Methodology. The teleological paradigm was chosen as the methodological basis of the article. Based on the analysis of normative legal acts and doctrinal writings, the process of forming the goal and means of the Soviet criminal law policy at the stage of establishing a new political-legal system is analyzed.

Results. The article proves that the aim of political-legal policy was the formation of the new Soviet criminal law, enabling not only the maintenance of law and order and the rule of law, but also the security of the Soviet state. The construction of criminal law prohibitions was used as a means of doing it.

Research implications. The conclusions formulated in the article are of great importance both for the historical and legal study of the formation and development of the Soviet criminal law policy.

Keywords: Civil War, Principles on Criminal Law of the RSFSR, Soviet Criminal Code, teleology of law, criminal law prohibition, criminal law policy

Введение

Уголовно-правовая политика является относительно самостоятельным элементом социального регулирования, цели, содержание и формы которого исторически обусловлены определённым социокультурным хронотопом. Однако средства, которые при этом используются, носят субъективный характер и вступают конвенциональным результатом социального конструирования правовой реальности. Наибольшей актуализации уголовно-правовая политика достигает в условиях социальных трансформаций, поскольку активно используется новой властью для обеспечения своей легальности и легитимности. Одним из примеров активного использования уголовно-правовой политики с подобной целью являются первые годы советской власти. Отсутствие у новой власти собственной уголовно-правовой доктрины не означало, что при её осуществлении отсутствовала целенаправленность. Однако речь шла не только о реализации уже имеющейся цели, но и о разработке принципиально новой цели и средств уголовно-правовой политики, которая рассматривалась как важнейшая часть укрепления правопорядка и советской власти.

Хотя становление советского уголовного права неоднократно становилось предметом исследования, начиная с классической «Истории советского уголовного права» [9, с. 49–176], преимущественно эта проблематика изучалась в контексте анализа содержания и значения Руководящих начал по уголовному праву 1919 г. [6; 17; 24]. Особенно актуализировалась эта проблематика в связи со столетним юбилеем этого документа [2; 5; 10; 11]. Обращение же к развитию уголовного права в 1917–1919 гг. носит фрагментарный характер [7; 21; 22], несмотря на то, что именно в эти годы происходило доктринальное и нор-

мативное становление советского уголовного права как его важнейшей части.

Первые годы советской власти в зарубежной литературе больше привлекали внимание историков [30], чем правоведов, хотя во второй половине XX в. было опубликовано несколько работ, посвящённых истории советского уголовного права, в которых затрагивались проблемы его становления в годы Гражданской войны. Прежде всего необходимо отметить работу Р. В. Макписа [32]. Наиболее значимой работой, посвященной революционным изменениям в праве, в т. ч. и в уголовном праве, интересующего нас периода стала коллективная монография под редакцией П. Байрне «Революция в праве: Вклад в развитие советской теории права, 1917-1938 гг.» [27].

Настоящее исследование методологически построено на основе сформулированной Р. Иерингом [8] и развитой Б. Таманахой [34] телеологической парадигмы, направленной на выявление целенаправленности правового развития общества.

Доктринальная основа советских уголовно-правовых запретов

Формирование советского уголовного права осуществлялось под влиянием не только социальных и юридических, но и в неменьшей степени политических факторов [15]. Проводимый большевиками социальный и политический эксперимент носил беспрецедентный характер. Особая роль отводилась пролетарскому государству, которое в первые годы советской власти представляло собой «диктатуру пролетариата, неограниченную законом». Созданный большевиками государственный аппарат существенно расширил пределы правового регулирования и усилил в

нём императивное начало, оказывая воздействие не только на поведение, но и на сознание участников общественных отношений [18, с. 23]. Это хорошо видно на примере развития уголовного права.

Необходимо отметить, что хотя большевистская доктрина уголовного права складывалась уже после их прихода к власти, она в немалой степени была обусловлена общей идеей марксизма об отмирании права в коммунистическом обществе [19]. При этом новое советское право рассматривалось лишь как правовая система переходного периода [4, с. 17]. Речь шла о полном переходе к новой парадигме, как в общественном развитии, так и в правосознании [13, с. 1–59]. Применительно к уголовному праву это означало не только трансформацию политики, но и изменение принципов, смещение акцента в сторону административного преследования лиц, посмевших бросить вызов советскому обществу.

В основу трансформации правовой системы были положены взгляды В. И. Ленина, посвящённые проблемам правового регулирования. Получив юридическое образование и, хотя и минимальный, но опыт практической юридической деятельности, В. И. Ленин понимал значение права в обеспечении общественного порядка в классовом обществе. Хотя он не создал стройной правовой концепции, в ряде работ, написанных после прихода большевиков к власти и посвящённых проблемам политического развития России, присутствуют отдельные положения, раскрывающие его правовую теорию [23]. Однако отношение В. И. Ленина к праву в действительности было довольно сложным и менялось в зависимости от политической ситуации [29]. Общим оставался только инструментальный подход к правовой системе и суду, которые рассматривались как средство достижения основной цели марксистско-ленинской теории – строительства коммунизма [28, р. 21].

Несмотря на наличие в руководстве большевистской партии значительного числа юристов, по нашему мнению, новую правовую доктрину лучше всего выразил

А. В. Луначарский, по словам которого создание советского права становится возможным не только после прихода к власти пролетариата, но и приобретения последним материальной возможности выразить своё правосознание в правовых формах [12]. Речь шла не просто о вербализации правовой доктрины в юридической норме, а о подчинении права политике и идеологии.

Завершённой правовой доктрины, в т. ч. в области уголовного права, большевиками не было разработано. На разработку правовой политики оказывали существенное влияние не только взгляды руководителей большевистской партии, но и правовые теории руководства советских государственных органов, прежде всего, Д. И. Курского, М. А. Рейснера и П. И. Стучки [16]. Ранняя советская правовая мысль представляла собой агломерат противоречивых идеологических научных взглядов и была представлена сторонниками различных правовых школ и направлений. Это обусловило дихотомизм правовой политики, сочетание правовых традиций и инноваций [3, с. 113; 14, с. 227; 20, с. 19]. С одной стороны, уже первые декреты Советской власти свидетельствовали о взятом большевиками курсе на формирование новой правовой системы на переходный к коммунизму период времени [7, с. 91]. Однако считать эту систему квазиправовой, как это утверждает Х. Биккен, лишь на том основании, что в её основу были положены не принципы законности и справедливости, а интересы трудящихся [26, р. 44], представляется неоправданным. С другой стороны, полного отказа от прежней правовой системы не произошло. Это проявилось как в сохранении прежней терминологии, так и в провозглашённом в Декрете о суде № 1¹ разрешении судам использовать законы прежних правительств в случае их непротиворечия революционному правосознанию (ст. 5).

Важнейшим элементом новой правовой системы становилось уголовное право, основанное на иной системе правовых цен-

¹ Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 «О суде» // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

ностей, чем прежде буржуазное право [28]. Речь шла не просто о трансформации существующей отрасли права, а о создании принципиально нового правового массива. В противовес буржуазному индивидуалистическому праву в РСФСР необходимость уголовного права диктовалась не потребностью в наказании преступника – субъекта с искажённым сознанием и поведением, а стремлением к преобразованию, совершенствованию общества, повышению уровня общественного правосознания как условия правомерного поведения [33, р. 34–35]. Целью нового уголовного права было провозглашено «посредством репрессий охранять систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс в переходный от капитализма к коммунизму период диктатуры пролетариата» (ст. 3 Руководящих начал по уголовному праву¹).

Данную цель можно рассматривать не только онтологически, но также аксиологически и праксиологически. Во-первых, речь идёт об охране общественных отношений от преступных посягательств. При этом контекст Руководящих начал позволяет предположить, что в основу этой охраны положен не принцип законности, а целесообразность. Во-вторых, охраняемые общественные отношения детерминированы интересами трудящихся масс, т. е. являются конвенциональным результатом горизонтальной коммуникации членов данной социальной группы и носят ценностный характер, определяющий сознание и поведение субъектов. Одновременно именно этот аспект цели уголовного права позволяет говорить не только о его легальности, но и легитимности. В-третьих, сформулированная цель уголовного права носит темпоральный характер и призвана охранять общественные отношения лишь в переходный от капитализма к коммунизму период диктатуры пролетариата. При этом её достижение можно рассматривать

как необходимое условие перехода к качественно новому состоянию общественного развития.

Средством достижения данной цели нормативно была закреплена деятельность органов правосудия (ст. 4 Руководящих начал по уголовному праву). Однако речь шла не только о конкретизации законодательства применительно к отдельным общественным отношениям, которые противоречили доктрине и законодательству, но и конструировании новых уголовно-правовых запретов в соответствии с правом суда широко использовать усмотрение и аналогию. Наряду с деятельностью судебных органов, анализ правовой доктрины и советского уголовного законодательства позволяет рассматривать в качестве средств достижения цели уголовного права нормативное конструирование уголовно-правовых запретов. Речь шла как о создании отдельных составов преступлений, так и о формировании совершенно новых принципов уголовного права и принятии систематизированного акта в этой сфере.

Было существенно изменено определение уголовного права, которое не только стало рассматриваться с классовых позиций, но и приобрело явно выраженный доктринальный характер: «Уголовное право имеет своим содержанием правовые нормы и другие правовые меры, которыми система общественных отношений данного классового общества охраняется от нарушения (преступления) посредством репрессий (наказания)» (ст. 2 Руководящих начал по уголовному праву). Фактически речь шла о расширении пределов уголовного права с одновременным подчинением его содержания советской правовой доктрине.

Становление системы советских уголовно-правовых запретов в 1917-1918 гг.

Конструирование нового уголовного права началось практически сразу после прихода большевиков к власти. Это было обусловлено необходимостью под-

¹ Постановление Народного комиссариата юстиции от 12.12.1919 г. «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» // СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.

держания нового порядка общественных отношений в условиях широкого распространения революционного правового нигилизма. Судя по первым советским нормативным правовым актам, юридические нормы и революционное правосознание рассматривались как взаимодополняющие регуляторы общественных отношений, хотя и при верховенстве последнего.

Прежде всего необходимо упомянуть Декрет о суде № 1, который впервые обозначил дихотомизм источников права в России. Советские суды должны были руководствоваться «в своих решениях и приговорах не писанными законами свергнутых правительств, а декретами Совета Народных Комиссаров, революционной совестью и революционным правосознанием»¹. Развитие этих идей по отношению к уголовному праву было осуществлено в Декрете «О революционном трибунале печати»² и Инструкции НКЮ РСФСР «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаний и о порядке ведения его заседаний»³. Эти нормативные правовые акты прямо указывали право трибуналов при определении меры наказания руководствоваться «революционной совестью» (ст. 2 Инструкции). При этом революционная совесть и революционное правосознание являлись основанием для использования в качестве действующих источников права законов прежних правительств в случае их корреляции (ст. 5 Декрета о суде № 1).

Несмотря на то, что революционное правосознание можно рассматривать как квазиисточник регулирования общественных отношений в коммунистическом обществе⁴, в период Гражданской войны

в силу расширения сопротивления советскому законодательству не только извне государства, но и внутри страны, оно рассматривалось в качестве временного средства до создания советского уголовного законодательства. Декрет о суде № 3⁵ не устанавливал прямой запрет на применение «старых законов» в правоприменении, но закреплял, что суды в своей деятельности должны руководствоваться «декретами рабоче-крестьянского правительства и социалистической совестью» (ст. 3). При этом необходимо учитывать, что декреты рабоче-крестьянского правительства являлись по существу не законами, а подзаконными актами и не могли в полном объёме составить новое уголовное право. Усиление подзаконного регулирования, ориентированного на расширение перечня деяний, признаваемых преступными, свидетельствует не только о расширении роли правительства в конструировании уголовно-правовых запретов, но и о расширении криминализации правовой реальности в РСФСР [31].

Как показывает анализ судебной практики 1917–1920 гг., расширение криминализации коснулось не только нормативной базы уголовного права, но и правоприменения. Перечень деяний, которые были отнесены к преступным, был чрезвычайно разнообразным: от воровства сметаны и незаконного лечения до контрреволюционных восстаний [35, р. 126]. При этом квалификация деяния в качестве преступного не столько определялась нормативно, сколько правоприменительно.

Это ставило на повестку дня необходимость принятия систематизированного нормативного правового акта, который должен был основываться на правовой доктрине и содержать перечень деяний, признаваемых преступными советской властью. Однако первый опыт такой систематизации, осуществлённый в соот-

¹ Первоначальный проект первого декрета о суде // Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. 2. М., 1918. С. 104.

² Декрет СНК РСФСР от 28.01.1918 «О Революционном Трибунале Печати» // СУ РСФСР. 1918. № 28. Ст. 362.

³ Инструкция НКЮ от 17.12.1917 «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаний и о порядке ведения его заседаний» // СУ РСФСР. 1917. № 12. Ст. 170.

⁴ Не случайно норма о приоритете революционного правосознания и возможности использования законов свергнутых правительств в случае их непро-

тиворечивости была воспроизведена в ст. 8 Декрета о суде № 2 (см.: Декрет ВЦИК от 07.03.1918 № 2 «О суде» // СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420).

⁵ Декрет СНК РСФСР от 13.07.1918 № 3 «О суде» // СУ РСФСР. 1918. № 52. Ст. 589.

ветствии с дореволюционной правовой традицией, оказался неудачным [22, с. 5]. Разработанное НКЮ РСФСР в 1918 г. Советское уголовное уложение¹ не было принято.

Параллельно с попытками системного регулирования уголовного права, в НКЮ РСФСР активно велась работа по конструированию отдельных уголовно-правовых запретов, потребность в которых была вызвана особенностями социально-экономического и политического развития России в условиях Гражданской войны и иностранной интервенции. Наибольшей опасностью для советской власти являлись т. н. «контрреволюционные преступления», среди которых законодатель называет: контрреволюционные восстания, противодействие или сопротивление рабоче-крестьянскому правительству, советам, призыв к противодействию советской власти². Конструирование этих составов преступления практически одновременно с созданием ВЧК было направлено на формирование нормативного запрета деяний против советской власти, которые были с большим трудом подавлены в течение конца октября – начала декабря 1917 г. [25].

Чуть позже Постановлением³ ВЦИК от 5 января 1918 г. контрреволюционными преступлениями были признаны любые попытки присвоения функций государственной власти. Хотя конструирование этого запрета было обусловлено конкретными обстоятельствами (признать незаконной деятельность Учредительного Собрания), речь шла о создании юридических оснований для борьбы с белым движением: любые создаваемые ими государственные органы в соответствии с этим

постановлением автоматически становились незаконными.

Обострение борьбы с собственными оппонентами в ходе Гражданской войны обусловило издание 5 сентября 1918 г. Постановления СНК РСФСР «О красном терроре»⁴, которое стало своеобразным итогом конструирования уголовно-правовых запретов, связанных с контрреволюционными деяниями.

Однако данное постановление не означало, что конструирование отдельных уголовно-правовых запретов, связанных с контрреволюционными преступлениями, прекратилось. Ситуативный характер уголовно-правовой политики первых лет советской власти обусловил временное усиление внимания к борьбе с деяниями в контексте социокультурного развития России. Так, начиная с осени 1918 г. в связи с развитием советской экономической политики актуализируется явление саботажа, который был приравнен к контрреволюционным преступлениям⁵. К саботажникам были отнесены лица, которые «активно противодействуют рабоче-крестьянскому правительству или призывают других противодействовать ему путём невыполнения декретов и других постановлений советской власти, местной или центральной; явно игнорируют такие постановления и усложняют нормальную работу правительственных или общественных учреждений или призывают к саботажу или организуют его». Уголовная ответственность предусматривалась не только за совершение саботажа, но и за покушение и приготовление к саботажу.

Уголовно-правовые запреты в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г.

12 декабря 1919 г. НКЮ РСФСР издал Руководящие начала по уголовному праву РСФСР, которые стали итогом конструи-

¹ Новое уголовное уложение // Известия ВЦИК. 1918. № 73. С. 5.

² Инструкция НКЮ от 17.12.1917 «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаний и о порядке ведения его заседаний» // СУ РСФСР. 1917. № 12. Ст. 170.

³ Постановление ВЦИК от 05.01.1918 г. «О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти» // СУ РСФСР. 1918. № 14. Ст. 202.

⁴ Постановление СНК РСФСР от 05.09.1918 «О красном терроре» // СУ РСФСР. 1918. № 65. Ст. 710.

⁵ Циркуляр Кассационного отдела при ВЦИК от 06.10.1918 // Известия ВЦИК. 1918. 6 сентября.

рования уголовно-правовых запретов в соответствии с идеологическими задачами, поставленными перед советской властью в связи с принятием новой Программы РКП(б)¹. Речь шла об усилении ценностного начала в уголовном праве, которое всё больше приобретало характер средства достижения не столько юридической, сколько политической цели: «Только окончательно сломив сопротивление повергнутых буржуазных и промежуточных классов и осуществив коммунистический строй, пролетариат уничтожит и государство как организацию насилия, и право как функцию государства» (Пreamбула).

Провозглашённый в программе курс на свертывание правовых отношений существенно изменил отношения к конструированию уголовно-правовых запретов. Если в предшествующие 2 года явно преобладала тенденция на нормативное формирование отдельных составов преступлений и усиление внимания к особенной части уголовного права, то теперь, напротив, речь шла о смещении акцента в сторону общей части. Конструирование же отдельных запретов возлагалось на правоприменителей. Предполагалось, что судьей может быть лишь человек с высоким уровнем революционного правосознания, который способен на основе указаний общей части не только квалифицировать деяние, но и определить наказание за него.

Несмотря на то, что Руководящие начала пространством действия уголовного права определяют территорию РСФСР (ст. 27), фраза «совершивших преступление на территории иного государства, но уклонившихся от суда и наказания в месте совершения преступления и находящихся в пределах РСФСР» может быть интерпретирована расширительно (с учётом социально-политического контекста): любой индивид, совершивший преступное деяние, независимо от того на какой территории это сделано, в период пребывания в РСФСР может быть подвергнут уголов-

ному преследованию. С учётом положений ст. 3 о цели уголовного права речь идёт не о любом преступлении, а лишь о деянии, не соответствующем «интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс в переходной от капитализма к коммунизму период диктатуры пролетариата». Таким образом, Руководящие начала существенно расширили понятие экстерриториальности. С одной стороны, это могло рассматриваться как курс советского руководства на легализацию вмешательства в дела других государств, но с другой – провозглашённый второй программой партии курс на переход к коммунизму означал победу пролетарской революции во всём мире. Следовательно, существующие государственные границы носили лишь временный характер, и пресечение на их территории деяний, противоречащих интересам трудящихся, может рассматриваться как действия в направлении всемирной пролетарской революции.

Курсом на всемирную революцию можно объяснить и двойственность Руководящих начал в определении круга лиц, на которых распространяется действие советского уголовного права. С одной стороны, уголовное право РСФСР распространялось на её граждан, но с другой – уголовной ответственности подлежали и иностранцы, в т. ч. совершившие преступления вне пределов РСФСР (ст. 27).

Под преступлением понималось нарушение общественных отношений, охраняемых уголовным правом (ст. 5). «Преступление как действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений, вызывает необходимость борьбы государственной власти с совершающими такие действия или допускающими такое бездействие лицами (преступниками)» (ст. 6). Наказание определялось как мера принудительного воздействия, посредством которой власть обеспечивает сохранение данного порядка общественных отношений от преступников (ст. 7). Однако «при определении меры воздействия на совершившего преступление суд оценивает степень и харак-

¹ Программа Российской коммунистической партии (большевиков) (принята 8-м съездом партии 18-23 марта 1919 г.). М.: Коммунист, 1919. 24 с.

тер (свойство) опасности для общежития, как самого преступника, так и совершённого им деяния» (ст. 11). Фактически речь шла о введении принципа аналогии: если действие или бездействие считалось общественно опасным, хотя это не запрещалось никаким конкретным законом, судья мог применить закон, запрещающий совершение преступления, аналогичного данному действию или бездействию.

Несмотря на существенные недостатки советских уголовно-правовых запретов, они были достаточно эффективно использованы правоприменительной практикой для обеспечения правопорядка в годы Гражданской войны [1]. При этом речь шла не только о преодолении сопротивления советской власти внутри государства, но и о формировании эффективного средства консолидации общественных сил для подавления внешнего сопротивления. Высокая степень эффективности уголовного права в значительной степени определялась именно тем, что его развитие было подчинено не только юридической, но и политической цели.

Заключение

Поставив в качестве цели уголовного права охранять систему общественных отношений, советское государство в качестве средства достижения данной цели обозначило лишь деятельность органов правосудия, хотя в действительности речь шла о создании планомерной уголовно-правовой политики, элементами которой являлось не только правоприменение, но и правотворчество.

Первоначально формирование и развитие советской уголовно-правовой политики осуществлялось ситуативно. Однако накопленный правовой опыт достаточно быстро позволил перейти не просто к систематизации уголовных норм в первом советском уголовном уложении, но и к конструированию принципиально нового уголовного права в Руководящих началах по уголовному праву. Несмотря на достаточно детальное регулирование составов преступлений, Руководящие начала содержали положения Общей части уголовного права, передавая вопрос о квалификации конкретного преступного деяния и степени его соответствия советскому уголовному праву на рассмотрение правоприменителей. Фактически это должно было означать постепенный переход от уголовно-правового регулирования к административному, а затем и полный отказ от уголовного права в силу его ненужности в коммунистическом обществе. Однако на практике передача вопроса о квалификации того или иного деяния на усмотрение правоприменителя означало существенное расширение пределов уголовно-правового регулирования.

В целом можно говорить, что реализация уголовно-правовой политики в первые годы носила целенаправленный характер и отличалась высокой степенью эффективности, позволив не только укрепить советский правопорядок, но и обеспечить мобилизацию сил для победы в Гражданской войне.

Статья поступила в редакцию 13.07.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амплеева Т. Ю. Проблемы укрепления революционной законности в годы Гражданской войны и иностранной интервенции // Публичное и частное право. 2017. № 4 (36). С. 71–88.
2. Бабаева Ю. Г., Пашенцев Д. А., Ситдикова Л. Б. Особенности конструирования преступности в первый период советского государства (К 100-летию принятия Руководящих начал по уголовному праву РСФСР) // Образование и право. 2019. № 9. С. 261–265.
3. Борисова Т. Ю. Революционное законодательство в 1917–1918 гг.: выбор языка // Новое литературное обозрение. 2011. № 2 (108). С. 100–115.
4. Гойхбарг А. Г. Пролетарская революция и гражданское право // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 12–19.

5. Жук М. С. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года: Предпосылки формирования новой системы российского законодательства в советский период // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 4. С. 36–39.
6. Захаров Н. С. Советское государство и право в период иностранной военной интервенции и гражданской войны: учеб. пособие. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1962. 86 с.
7. Иванов А. А., Головин А. Н. О некоторых концептуальных основах уголовно-правовой политики РСФСР в 1917–1919 гг. // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 9. С. 91–94.
8. Иеринг Р. Цель в праве / пер. В. Р. Лицкого, Н. В. Муравьева, Н. Ф. Дерюженского. Т. 1. СПб., 1881. 412 с.
9. История советского уголовного права (1917–1947) / А. А. Герцензон, Ш. С. Грингауз, Н. Д. Дурманов, М. М. Исаев и др. М.: Юриздат, 1948. 464 с.
10. Кибальник А. Г. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года: оценка в юридической историографии // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 4. С. 31–35.
11. Козаченко И. Я. Исторический опыт криминализации деяний: К 100-летию Руководящих начал по уголовному праву РСФСР // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 2. С. 31–35.
12. Луначарский А. Революция и суд // Правда. 1917. 1 декабря (18 ноября).
13. Максимова О. Д. Законотворчество в Советской России в 1917–1922 годах. М.: Зерцало-М, 2011. 400 с.
14. Максимова О. Д. Роль Д. И. Курского в формировании идей советского права и в законотворчестве // Правоведение. 2014. № 4 (315). С. 225–236.
15. Никулин В. В. Специфика государственно-правовой политики в период гражданской войны в советской России (1918–1920 гг.) // ВВ: Исторические исследования. 2013. № 4. С. 88–133. DOI: 10.7256/2306-420X.2013.4.324
16. Никулин В. В. Революционная теория права: мировоззренческие истоки большевистской концепции права // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Вып. 8 (100). С. 300–304.
17. Окунева М. О. Субъект преступления в уголовном законодательстве первых лет советской власти // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2017. № 2. С. 92–99.
18. Португалов Г. М. Революционная совесть и социалистическое правосознание. Пб.: Госиздат, 1922. 51 с.
19. Разумовский И. П. Понятие права у К. Маркса и Фр. Энгельса // Под знаменем марксизма. 1923. № 2–3. С. 68–97.
20. Рыбаков В. А. Советское право: преемственный аспект // Современное право. 2010. № 9. С. 13–17.
21. Скоробогатов А. В., Рыбушкин Н. Н. Становление системы уголовно-правовых запретов в советском юридическом дискурсе // Lex Russica. 2018. № 10. С. 166–172. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.143.10.166-172.
22. Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы) / Ю. В. Грачева, С. В. Маликов, А. И. Чучаев. М.: Проспект, 2015. 303 с.
23. Стерник И. Б. Ленинский опыт использования права в интересах революции (Отдельные стороны и аспекты). Ташкент: Узбекистан, 1979. 219 с.
24. Шишов О. Ф. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года – памятник советской уголовно-правовой мысли // Правоведение. 1980. № 3. С. 83–88.
25. Юрьев А. И. Установление Советской власти в Центральном промышленном районе России (конец октября – начало декабря 1917 года) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 267–275.
26. Bækken H. Law and Power in Russia: Making Sense of Quasi-Legal Practices. New York: Routledge, 2019. 227 p.
27. Beirny P. (ed.) Revolution in Law: Contributions to the Development of Soviet Legal Theory, 1917–1938. London, New York, Taylor & Francis, 2015. 202 p.
28. Berman H. J. Principles of Soviet Criminal Law // The Yale Law Journal. 1947. Vol. 56. No. 5. P. 803–836.
29. Burbank J. Lenin and the Law in Revolutionary Russia // Slavic Review. 1995. Vol. 54, No. 1. P. 23–44.
30. Engelstein L. Russia in Flames: War, Revolution, Civil War, 1914–1921. New York: Oxford University Press, 2018. 823 p.

31. Husak D. N. Limitations on Criminalization and the General Part of Criminal Law // Shute St., Simester A. P. Criminal Law Theory: Doctrines of the General Part. New York.: Oxford University Press, 2002. P. 13–46.
32. Makepeace R. W. Marxist ideology and Soviet criminal law. London: Croom Helm; Totowa, NJ: Barnes&Noble, 1980. 318 p.
33. Quigley J. Soviet Legal Innovation and the Law of the Western World. New-York: Cambridge University Press, 2007. 256 p.
34. Tamanaha B. Z. Law as a Means to an End: Threat to the Rule of Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 254 p.
35. Vasilyev P. Revolutionary conscience, remorse and resentment: emotions and early Soviet criminal law, 1917–22 // Historical Research. 2017. Vol. 90. No. 247. P. 117–133.

REFERENCES

1. Ampleeva T. Yu. [Problems of the increased revolutionary legality during the years of the civil war and foreign intervention]. In: *Publichnoye i chastnoye pravo* [Public and private law], 2017, no. 4 (36), pp. 71–88.
2. Babaeva Yu. G., Pashentsev D. A., Sitdikova L. B. [Features of the criminality construction in the first period of the Soviet state (On the 100th anniversary of the adoption of the Guiding Principles on Criminal Law of the RSFSR)]. In: *Obrazovaniye i pravo* [Education and Law], 2019, no. 9, pp. 261–265.
3. Borisova T. Yu. [Revolutionary legislation in 1917–1918: the choice of language]. In: *Novoye literaturnoye obozreniye* [New Literary Review], 2011, no. 2 (108), pp. 100–115.
4. Goykhbarg A. G. [Proletarian revolution and civil law]. In: *Proletarskaya revolyutsiya i pravo* [Proletarian revolution and law], 1918, no. 1, pp. 12–19.
5. Zhuk M. S. [Guidelines for the criminal law of the RSFSR in 1919: Prerequisites for the formation of a new system of Russian legislation in the Soviet period]. In: *Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Legal Bulletin of Kuban State University], 2019, no. 4, pp. 36–39.
6. Zakharov N. S. *Sovetskoye gosudarstvo i pravo v period inostrannoy voyennoy interventsii i grazhdanskoy voyny* [Soviet state and law during the period of foreign military intervention and civil war]. Kazan, Izdatelstvo Kazanskogo universiteta Publ., 1962. 86 p.
7. Ivanov A. A., Golovin A. N. [On some conceptual foundations of the criminal law policy of the RSFSR in 1917–1919]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2008, no. 9, pp. 91–94.
8. Iering R. *Zweck in Recht* (Rus. ed.: Litsky V. R., Muravyov N. V., Deryuzhensky N. F., transl. *Tsel v prave*. T. 1. St. Petersburg, 1881. 412 p.).
9. Gertsenzon A. A., Gringauz Sh. S., Durmanov N. D., Isaev M. M. et al. *Istoriya sovetskogo ugolovnogogo prava* [History of Soviet criminal law (1917–1947)]. Moscow, Yurizdat Publ., 1948. 464 p.
10. Kibalnik A. G. [Guidelines for the criminal law of the RSFSR in 1919: an assessment in legal historiography]. In: *Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Legal Bulletin of Kuban State University], 2019, no. 4, pp. 31–35.
11. Kozachenko I. Ya. [Historical experience of criminalization of acts: On the occasion of the 100th anniversary of the Guiding Principles on the Criminal Law of the RSFSR]. In: *Rossiyskoye pravo: obrazovaniye, praktika, nauka* [Russian law: education, practice, science], 2019, no. 2, pp. 31–35.
12. Lunacharsky A. [Revolution and court]. In: *Pravda* [Pravda], 1917, December 1 (November 18).
13. Maksimova O. D. *Zakonotvorchestvo v Sovetskoy Rossii v 1917–1922 godakh* [Legislation in Soviet Russia in 1917–1922]. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2011. 400 p.
14. Maksimova O. D. [The role of D. I. Kursky in the formation of the ideas of Soviet law and in lawmaking]. In: *Pravovedeniye* [Jurisprudence], 2014, no. 4 (315), pp. 225–236.
15. Nikulin V. V. [The specifics of state and legal policy during the civil war in Soviet Russia (1918–1920)]. In: *NB: Istoricheskiye issledovaniya* [NB: Historical research], 2013, no. 4, pp. 88–133. DOI: 10.7256/2306-420X.2013.4.324
16. Nikulin V. V. [Revolutionary theory of law: philosophical origins of the Bolshevik concept of law]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of Tambov University. Series: Humanities], 2011, iss. 8 (100), pp. 300–304.
17. Okuneva M. O. [The subject of crime in the criminal law of the first years of Soviet power]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo* [Bulletin of Moscow University. Series 11: Law], 2017, no. 2, pp. 92–99.

18. Portugalov G. M. *Revolyutsionnaya sovest' i sotsialisticheskoye pravosoznaniye* [Revolutionary conscience and socialist legal consciousness]. Petersburg, Gosizdat Publ., 1922. 51 p.
19. Razumovsky I. P. [The concept of law in K. Marx and Fr. Engels]. In: *Pod znamenem marksizma* [Under the banner of Marxism], 1923, no. 2–3, pp. 68–97.
20. Rybakov V. A. [Soviet law: successive aspect]. In: *Sovremennoye pravo* [Modern law], 2010, no. 9, pp. 13–17.
21. Skorobogatov A. V., Rybushkin N. N. [Formation of the system of criminal law prohibitions in the Soviet legal discourse]. In: *Lex Russica*, 2018, no. 10, pp. 166–172. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.143.10.166-172
22. Gracheva Yu. V., Malikov S. V., Chuchayev A. I. *Sovetskoye ugodovnoye ulozheniye (nauchnyy kommentariy, tekst, sravnitelnyye tablitsy)* [Soviet criminal code (scientific commentary, text, comparative tables)]. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 303 p.
23. Sternik I. B. *Leninskiy opyt ispolzovaniya prava v interesakh revolyutsii (Otdelnyye storony i aspekty)* [Lenin's experience of using law in the interests of revolution (some sides and aspects)]. Tashkent, Uzbekistan, 1979. 219 p.
24. Shishov O. F. [Guidelines for the criminal law of the RSFSR in 1919, a monument to Soviet criminal law thought]. In: *Pravovedeniye* [Jurisprudence], 1980, no. 3, pp. 83–88.
25. Yuriev A. I. [Establishment of Soviet power in the Central industrial region of Russia (late October – early December 1917)]. In: *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [News of Tula State University. Humanitarian sciences], 2013, no. 2, pp. 267–275.
26. Bækken H. *Law and Power in Russia: Making Sense of Quasi-Legal Practices*. New York, Routledge, 2019. 227 p.
27. Beirny P., ed. *Revolution in Law: Contributions to the Development of Soviet Legal Theory, 1917–1938*. London, New York: Taylor & Francis, 2015. 202 p.
28. Berman H. J. Principles of Soviet Criminal Law. In: *The Yale Law Journal*, 1947, vol. 56, no. 5, pp. 803–836.
29. Burbank J. Lenin and the Law in Revolutionary Russia. In: *Slavic Review*, 1995, vol. 54, no. 1, pp. 23–44.
30. Engelstein L. *Russia in Flames: War, Revolution, Civil War, 1914–1921*. New York, Oxford University Press, 2018. 823 p.
31. Husak D. N. Limitations on Criminalization and the General Part of Criminal Law. In: Shute St., Simister A. P. *Criminal Law Theory: Doctrines of the General Part*. New York, Oxford University Press, 2002. P. 13–46.
32. Makepeace R. W. *Marxist ideology and Soviet criminal law*. London, Croom Helm, Totowa, NJ: Barnes&Noble, 1980. 318 p.
33. Quigley J. *Soviet Legal Innovation and the Law of the Western World*. New York, Cambridge University Press, 2007. 256 p.
34. Tamanaha B. Z. *Law as a Means to an End: Threat to the Rule of Law*. Cambridge, Cambridge University Press, 2006. 254 p.
35. Vasilyev P. Revolutionary conscience, remorse and resentment: emotions and early Soviet criminal law, 1917–22. In: *Historical Research*, 2017, vol. 90, no. 247, pp. 117–133.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Скоробогатов Андрей Валерьевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова;
e-mail: av.skorobogatov@mail.ru

Рыбушкин Николай Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета, заслуженный юрист Российской Федерации, депутат Государственного Совета Республики Татарстан;
e-mail: i_naughty@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey V. Skorobogatov – Dr. Sci. (History), Prof., Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov; e-mail: av.skorobogatov@mail.ru

Nikolay N. Rybushkin – Cand. Sci. (Law), Honored Lawyer of Tatarstan Republic, Deputy of the Council of State of Tatarstan Republic, Assoc. Prof., Department of Criminal Law, Kazan (Volga) Federal University; e-mail: i_naughty@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Скоробогатов А. В., Рыбушкин Н. Н. Конструирование уголовно-правовых запретов в период гражданской войны: опыт телеологического анализа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 3. С. 100–111.

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-100-111

FOR CITATION

Skorobogatov A. V., Rybushkin N. N. Construction of Criminal Law Prohibitions During the Civil War: Experience of Teleological Analysis. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 3, pp. 100–111.

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-100-111

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в «Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук)». Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.lawmgoujournal.ru; www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
2022. № 3

Над номером работали:

Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик Е. В. Приказчикова
Корректор И. К. Гладунов
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 7, уч.-изд. л. 10.

Подписано в печать: 19.10.2022. Дата выхода в свет: 27.10.2022. Заказ № 2022/10-01.

Отпечатано в МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А